სსიპ ბათუმის შოთა რუსთაველის სახელმწიფო უნივერსიტეტი

ჰუმანიტარულ მეცნიერებათა ფაკულტეტი

სლავისტიკის დეპარტამენტი

ელენა ხაჯიშვილი

ეთნომენტალობის ენობრივი მარკერები და კულტურული მეხსიერება

სპეციალობა: ლინგვისტიკა (თარგმანმცოდნეობა)
ფილოლოგიის დოქტორის აკადემიური ხარისხის მოსაპოვებლად წარმოდგენილი

დ ი ს ე რ ტ ა ც ი ა

სამეცნიერო ხელმძღვანელები - ფილოლოგიის მეცნიერებათა დოქტორი,

პროფესორი მარინე აროშიძე

ისტორიის მეცნიერებათა დოქტორი, ასოც. პროფესორი თამაზ ფუტკარაძე

ბათუმი
2016

ЮЛПП Батумский государственный университет Шота Руставели

Факультет гуманитарных наук

Департамент славистики

Елена Хаджишвили

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ЭТНОМЕНТАЛЬНОСТИ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Специальность: Лингвистика (Переводоведение)

Диссертация, представленная на соискание академической степени доктора филологии

Научные руководители:
доктор филологических наук проф. М.Арошидзе
доктор исторических наук, ассоц. проф. Т.Путкарадзе

Батуми

2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

«Вместе с языком мы утратили бы и самое память»

Тацит

На рубеже века двадцатого с веком двадцать первым человек стал осмысливать пройденный путь через сложный и многогранный термин «культура». По мнению О.Г.Эксле этот термин не только обозначает объективную область науки, но и в то же время обозначает понятие, при помощи которого наука осмысливает себя (Эксле 2001:179).

Процессы глобализации и интеграции актуализировали интердисциплинарные исследования коллективной культурной памяти, национальной идентичности. Особенно интенсивно в настоящее время разрабатывается теория культурной памяти, в процессе формирования которой вырабатывается менталитет народа и которая в условиях всеобщей глобализации и интеграции является обязательным условием национальной идентичности. Чтобы осознавать себя единой социально-этнической общностью, люди должны знать кто они такие, кто их предки, откуда они пришли, что они пережили. Именно совместные переживания – ключ к пониманию национальной специфики данного народа.

Исследование проблем национальной идентичности требует интердисциплинарного подхода, ибо в этой сфере тесно переплетается проблематика таких направлений, как социология, этнология, история, культура, языкознание. Очень ярко эта специфика проявляется в таких направлениях, как социолингвистика и этнолингвистика, которая, по мнению Кузнецова, «изучает язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и развитии языка» (Кузнецов 1990:597).

Авторы монографии «Болгария глазами грузин» (Арошидзе, Путкарадзе 2013:35) отмечают, что от осмысления своего прошлого культурного опыта во многом зависит сегодняшняя жизнь общества, его продвижение вперед. А по мере продвижения вперед

культурный опыт народа переосмысливается заново в свете новых обстоятельств и с высоты нового уровня знаний.

Очень точно и четко эту мысль выразил известный немецкий египтолог, автор теории культурной памяти – Янн Ассманн: «Прошлое заново «открывается» в настоящем, моделируется им в зависимости от существующих обстоятельств» (Ассманн 2004:39).

Развитие социогуманитарных наук в последнее время обозначило актуальность разработки базовых понятий и категорий, которые носят межпредметный, системный характер. Эти базовые опорные понятия дают возможность вскрыть бесконечное множество связей, как прямых так и опосредованных, человеческих потенций, которые отражают духовно-общественные реалии. Именно к таким базовым понятиям культуры относится концепты «жизнь» и «смерть», «родина» и «чужбина», «радость» и «горе», «война» и «мир» и пр., причем концепт «война» тесно связан со всеми перечисленными культурными константами, так как именно война является своеобразным барьером, который, с одной стороны объединяет, а с другой противопоставляет – людей, группы, народы, целые регионы. Не удивительно, что именно память о войне, как о глубочайшей коллективной травме, долго живет в сознании народов и передается из поколения в поколение.

Культурная память народа фиксируется в разного рода материальных памятниках, часто воплощается в памятных местах и вещах, но интенсивные исследования взаимодействия языка и культуры убедительно свидетельствуют о том, что универсальной формой культурной памяти, важнейшим средством ее фиксации, закрепления и сохранения является язык. Языковое поле концепта включает в себя лексемы, фразеологизмы, прецедентные имена и высказывания, метафоры и пр. Причем каждый исторический период, каждое судьбоносное для этноса событие порождает неологизмы-слова, неологизмы-метафоры, неологизмы прецеденты и т.д., которые стремительно распространяются в силу своей общественной актуальности, переходят в активный запас, проходят процесс мемориализации и становятся языковыми маркерами культурной коллективной памяти. Не менее интенсивно

протекает процесс обновления старой лексики, общеизвестные фразеологизмы и выражения перекраиваются, порождают новые ассоциации, наполняются новым смыслом.

У каждого народа, каждой нации есть свои собственные представления об окружающем мире, о людях, о важных общественно-исторических событиях. В обществе складываются определенные стереотипы – как относительно самих себя, относительно поведения и традиций в пределах своего культурного пространства, так и относительно представителей другого языкового и культурного пространства. Не удивительно, что одни и те же исторические факты находят неадекватное отражение в культурной памяти разных народов, тем более, если учесть, что в каждом обществе задействуются разного рода мероприятия, которые способствуют или запоминанию события, или, наоборот, обрекают его на забвение.

Чтобы стать личностью и членом того или иного национально-лингво-культурного сообщества, человек должен пройти процесс социализации, или «путь врастания в цивилизацию» (Красных 2002:10). Сутью этого процесса является трансляция культуры, основным каналом которой является язык. С самого раннего детства, на начальном этапе социализации личности культура транслируется в виде многочисленных фольклорных текстов, детской литературы; затем культура транслируется посредством видеоряда, путем усвоения этикетных формул и пр. Человек осваивает те единицы, которые входят в когнитивную базу данного социума, образуют «ядро» культурного пространства, языковую картину мира, которая формирует тип отношения человека к миру. В свете исследований культурной памяти можно утверждать, что обязательным условием социализации личности является освоение культурной памятью народа.

Все вышесказанное свидетельствует об **актуальности нашей докторской работы**, которая посвящена исследованию роли культурной памяти в сохранении национальной идентичности и особенностям функционирования языковых маркеров культурной

памяти на материале концептов «память» и «война», в частности, на материале языкового поля Русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

Научную новизну нашей докторской работы определяют следующие факторы:

1) освещается и углубляется понятие коллективной культурной памяти, определяющей национальную идентичность и менталитет народа;
2) анализируются особенности языкового оформления культурных концептов и дается характеристика языковых маркеров как ключевых концептов культуры;
3) описывается и систематизируется один из важнейших сегментов концепта «война» в русской языковой картине мира – языковое поле Русско-турецкой войны 1877-1878 годов языковых маркеров коллективной памяти.
4) анализируются и систематизируются проблемы перевода языковых маркеров культурной памяти.

Целью настоящей диссертационной работы является этнолингвистическое исследование взаимосвязи культурной памяти и национальной идентичности, социолингвистическое и лингвокультурологическое исследование языковых маркеров культурной памяти, связанных с концептом «война», в частности, языковое поле Русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Программа нашего исследования включает решение ряда частных задач:

1) дать обзор научной литературы, освещающей понятие культурной памяти и проблему национальной идентичности;
2) проанализировать особенности языкового оформления культурных концептов, в том числе с помощью прецедентных феноменов;
3) рассмотреть и систематизировать языковое поле концепта война;
4) проанализировать проблемы перевода языковых маркеров культурной памяти.

Материалом исследования послужили словари и словарные материалы русского языка, художественные и публицистические тексты как времен разных периодов Русско-турецкой войны, так и всего послевоенного периода, переводная литература военной тематики. При анализе эмпирического материала мы также

пользовались интернет ресурсами (сайты соответствующих электронных библиотек с уточнением ссылок указаны в библиографии диссертационной работы). Большую помощь в нашей работе оказали материалы, полученные в результате исследований культурной памяти о Русско-турецкой войне, проведенных в рамках общеевропейского научно-исследовательского проекта MEMORYROW.

Методологическую основу нашего исследования составляет комплексная методика, которая обеспечивает наибольшую эффективность и включает использование следующих методов и приемов описания: методы обобщения, аналогии, лингвистического описания, основные приемы метода сопоставительно-типологического исследования, метод концептуального анализа; метод установления межъязыковой эквивалентности и основной метод герменевтики - интерпретативный анализ. Некоторые данные по языковым маркерам культурной памяти были получены в результате социолингвистического и психолингвистического экспериментов, проведенных в рамках вышеуказанного проекта.

Теоретическая и практическая значимость нашей докторской работы заключается прежде всего в углублении и уточнении проблем взаимосвязи культурной памяти и национальной идентичности; углубляется также понятие концепта вообще и, в частности, освещаются проблемы языкового оформления культурных концептов, являющихся опорными пунктами коллективной культурной памяти; систематизируется структура и лексическое наполнение концепта «война», рассматривается механизм формирования концепта, его социолингвистические и лингвокульутрологические аспекты; особый интерес представляет анализ трансформации культурных концептов при переводе (на базе русского, английского и грузинского языков). Анализируемая проблематика заинтересует представителей таких научных дисциплин как: социолингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, коммуникативная лингвистика, функциональная грамматика, теория перевода. Анализ и классификация эмпирического материала, представленного в работе, можно использовать на практических занятиях по переводоведению, русскому языку, истории языка, социолингвистике. Практическая значимость исследования заключается также в

подготовке предварительного материала для характеристики концептуальной системы грузинского кульутрного пространства.

Специфика анализируемого нами материала, тематика и интердисциплинарный характер исследования определили структуру нашей диссертационной работы, которая состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии. Во введении аргументируется актуальность данного исследования, его научная новизна, теоретическое и практическое значение полученных данных, приводится источник эмпирического материала и обосноуется методологическая база исследования.

Первая глава – Понятие этноментальности и поликультуризма - состоит из двух параграфов, в которых говорится о менталитете, языковой картине мира и об особенностях этнического менталитета. Важнейшей составляющей менталитетета, которая формирует понятие этноса, является язык, помимо истории, культуры, общей территории, традиций и т.д. Язык - важнейшая составляющая формирования этнического единства. И как раз в менталитете все, что отражается в менталитете, отражается в языковой картине мира.

Язык, этнос, менталитет. Это триединство включает в себя множество комплексных проблем, которые требуют интердисциплинарного исследования: языковая личность в поликультурном пространстве; проблемы многоязычия (билингвизма, полилингвизма), а точнее - поликультуризма.

Вторая глава – Культурная память и проблемы национальной идентичности.

Культурная память — феномен коллективный, но коллективные воспоминания являют собой отнюдь не простую сумму индивидуальных воспоминаний. Мысль о том, что коллективная память создается определенной социальной группой и в ее возникновении участвуют разные факторы, такие как традиции семей, где трепетно хранят память о славных деяниях и достоинствах великих предков, памятные традиции религиозных групп. Память группы актуализируется в индивидуальной памяти её членов. Он в коллективной памяти подразумевал фактор, объединяющий группу поддерживающий ее идентичность. Места герои события воплощают группу тем самым обозначая ее сущность и специфику. Для поддержания чувства солидарности и

единства, их нужно регулярно вспоминать. Поддержания идентичности требует ощущения непрерывности истории.

Третья глава – Языковые маркеры концептуальной парадигмы и их трансформация в разных культурах, в которой рассматривается концепт «война», который представляет собой сложное ментальное образование. Анализируемый концепт отражается в языковых единицах разного типа, характеризуется национальной спецификой, является культурным концептом, т.е. имеет образные, понятийные и ценностные характеристики.

В конце каждой главы приводятся основные выводы по излагаемому и анализированному материалу, а в заключении они суммируются в основные положения работы. В библиографии дается список использованной литературы.

Глава I

ПОНЯТИЕ ЭТНОМЕНТАЛЬНОСТИ И ПОЛИКУЛЬТУРИЗМА

1.1. МЕНТАЛИТЕТ, ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ЭТНОМЕНТАЛЬНОСТЬ

Во второй половине XX–начале XXI вв. интерес к социологическим проблемам языка возрос в связи с потребностями современного общества, для которого проблемы языковой политики и другие практические аспекты социолингвистики приобретают все большую актуальность. Но необходимо отметить, что социолингвистические направления, разрабатываемые учеными разных стран, характеризуются различной методологической ориентацией.

В решении некоторых своих задач социолингвистика пересекается с этнолингвистикой, которая «изучает язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и развитии языка» (Кузнецов1990:597). В первую очередь необходимо отметить проблемы двуязычия и многоязычия, которые традиционно считаются объектом социолингвистических исследований, но нередко требуют комплексного подхода, учитывающего не только языковые и социальные факторы, но и особенности культуры данного народа, национальную специфику языковой картины мира, этнически обусловленные стереотипы речевого поведения и т. п.

В русле социолингвистических и этнолингвистических исследований обнаруживается много проблем, которые попадают в сферу еще одной довольно молодой науки – психолингвистики. Именно к такой сложной, комплексной проблеме относится проблема многоязычия, полилингвизма, а точнее - поликультуризма.

Нация (от лат. natio. - племя, народ) – социально-экономическая, культурно-политическая и духовная общность людей индустриальной эпохи, сложившаяся в результате становления государства, фаза развития этноса (по ступеням: род - племя - народность - народ - нация), в которой данный конкретный этнос обретает суверенитет и создает собственную полноценную государственность. Нация – полисемантичное понятие, применяемое для характеристики крупных социокультурных общностей

индустриальной эпохи. Существует два основных подхода к пониманию нации: как политической общности граждан определенного государства и как этнической общности с единым языком и самосознанием.

Имеется иная точка зрения, утверждающая, что нация создаёт государство для своих нужд, при этом сама нация понимается как «суперэтнос», т.е. множество взаимосвязанных народов и народностей, относящихся друг к другу с положительной комплементарностью. Нация – историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, языка, некоторых особенностей культуры и характера, которые составляют её признаки.

Нация может быть двух видов: полиэтничной (многонародной) или моноэтничной. Этнически однородные нации крайне редки и встречаются в основном в отдалённых углах мира (например, Исландии). Обычно нация строится на базе большого количества этносов, которых свела вместе историческая судьба.

Следует различать такие взаимосвязанные, но не идентичные понятия, как «нация» и «этнос». Понятие «этнос», выражая этническую общность, поэтому оно является более узким, чем понятие «нация». Источник этнической связи людей – общность генетических характеристик и природных условий бытия, приводящих к дифференциации данной первичной группы от другой. Нация – более сложное и позднее образование. Если этносы существовали на протяжении всей мировой истории, то многие нации формируются уже в период Нового и даже Новейшего времени (Здравомыслов 1999:45).

В СССР под нацией чаще понимался любой этнос в составе государства, а для полиэтнической общности использовался термин «многонациональный народ», к каковым относились, например, советский, индийский, американский, югославский и другие. В англоязычной терминологии (и в большей части нынешней русской терминологии) нация связывается с государством.

Э�тнос (от гречἔ. θνος – народ) – группа людей, объединённая общими признаками, объективными либо субъективными. Различные направления в этнологии включают в эти признаки происхождение, язык, культуру, территорию проживания,

самосознание и др. Некоторые исследователи (Бромлей Ю.В) считают существование феномена, обозначаемого термином «этнос», в лучшем случае гипотезой ввиду того, что, по их мнению, непротиворечивого определения понятия не предложено.

Этнос – это некая большая или меньшая исторически сложившаяся группа (множество) людских индивидов, которые при всех их индивидуальных различиях имеют и ряд общих характеристик, делающих их людьми определенной этнической принадлежности, а саму их группу отдельным этносом, отличным от других этносов. Любой этнос имеет свой демографический корпус, определенную численность этнических индивидов, проживающих либо компактно, либо дисперсно на каких-то территориях обитания в то или иное время. Это множество людских индивидов всегда живет в каких-то исторически сложившихся и исторически меняющихся моноэтнических коллективах по совместной жизни (Ешич 2004:39).

Этничность как реалия в жизни людей – это, несомненно, некое свойство, или, точнее, это набор определенных особых характеристик людских индивидов и их групп, их сообществ. Этот набор характеристик особого рода дает возможность на основе реально существующих показателей выявить принадлежность индивидов, а также их групп и сообществ к тому или иному этносу, т.е. дает возможность этнической идентификации и самоидентификации индивидов и каких-то множеств людей или, иначе говоря, определения «кто есть кто» в смысле этнической принадлежности.

По мнению В.Ф. Генинга, следует различать необходимые условия возникновения и развития этнической общности как "факторы, формирующие этнос", и этнические признаки, отражающие те существенные различия между этносами, которые позволяют их отличать друг от друга. Значит, если язык, территория, религия и другое являются признаками этноса, несущими в себе конкретное содержание, то общность, унитарность перечисленных признаков представлена в качестве основных факторов образования этноса, способствующих формированию, конституированию и модификации последнего (Генинг 1992:37).

В свою очередь Н.Н. Чебоксаров считает, что взаимодействие этнических признаков, их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности

выражаются в виде этнического самосознания в качестве результата воздействия (Чебоксаров 1985:27).

Л.Н. Гумилев, определяя этнос, писал: « ...это коллектив особей, выделяющих себя из всех прочих коллективов... Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда нет…» (Гумилев 2005:134).

Почти то же самое пишет З. Сикевич: «...под этничностью мы понимаем особое константное, хотя и различное по интенсивности, состояние групповой идентичности и солидарности, формирующееся на основе биогенетического и биосоциального единства и проявляющееся в форме сравнения «нас» с «не нами» в ходе межгруппового взаимодействия в этническом пространстве». Или... «этничность – это исторически устойчивый, надлокальный комплекс идентификаций» (Сикевич 1996:43).

Впервые вопрос об этническом многообразии появляется в мировой политике после первой мировой войны, когда страны-победители сформулировали доктрину самоопределения на этнокультурной основе как механизм упразднения имперских государств Австро-Венгрии, Турции, имперской Германии и царской России. Расплывчатая формула «национального самоопределения» постепенно стала утверждаться в качестве международной нормы государствообразования. За ней стояло понимание, что политическое общество должно быть культурно гомогенным, т.е. государство должно быть собственностью некоего этнически определяемого народа (венгры, сербы, албанцы, хорваты, поляки и т. п.) и, конечно, говорить оно должно на одном языке и, по возможности, иметь одну религию. Вполне естественно, что здесь же в Европе одновременно появляется вопрос о «национальных меньшинствах» и о защите их прав как производное от несоответствия доктрины «национального самоопределения» в этническом смысле и создаваемых «национальных государств», которые все равно всегда оказывались многоэтничными (http://www.lavill.ru/cronds-344-2.html).

В многонациональном государстве вопрос этнической принадлежности отнюдь не

праздный. Социум состоит из индивидов, и каждый вольно или невольно соотносит себя с определенной этнической общностью, разделяет ее надежды и ожидания. Государство призвано выражать интересы всех объединяемых им национальностей. Но когда этого не происходит и оно как орудие управления, игнорируя права большинства этнических групп, превращается в выразителя лишь одной или нескольких наиболее крупных этнических образований, то в стране попросту попирается принцип социального равенства.

Идеология и политика, не учитывающие чаяния и нужды отдельных этнических образований, ведут к возникновению напряженности в отношениях между различными народами, появлению взаимных обид, оскорблений, вражды. Взвешенная национальная политика, учет потребностей, испытываемых этническими общностями, гарантия их свободного развития, уважение национальных чувств и предоставление всем этническим группам равных политических прав – вот тот фундамент, который обеспечивает достижение социального согласия и мира в обществе. Сохранение самобытности каждого народа, взаимообогащение культур, дружба и добрососедские отношения - задачи, неизменно стоящие перед полиэтническим государством.

Если говорить об этнокультурном облике России и Грузии, то он отличается огромным разнообразием. Оно обусловлено обширностью территории, природными различиями, характером формирования государства и его политикой в отношении культурно разнородного населения.

Российская империя, СССР и Российская Федерация никогда не брали на вооружение доктрину гражданского нациестроительства. Общая идентичность жителей страны обеспечивалась подданством царю, православием, а затем советским патриотизмом. Поэтому вопрос о признании самого факта культурно сложного населения в России не стоял, как это было, например, в послевоенных Германии или во Франции, или недавно в Турции и Болгарии. В СССР «многонациональность» и «дружба народов» были одними из визитных карточек страны, а в реальной политике «национальная форма социалистической культуры» была той же самой политикой мультикультурализма, но только называлось это по-другому. При всех издержках и

даже преступлениях, имевших место в сфере советской политики в отношении меньшинств, это была политика признания и поощрения этнического разнообразия, причем не только в сугубо культурных областях (искусство, литература, наука, образование), но и в социально-экономической и политической сферах (http://elibrary.ru/item.asp?id=18126249).

В XX в. на территории бывшего Советского Союза, как нигде в мире, осуществлялось интенсивное культурное производство.

Одна из причин связана с тем, что существовавший строй, не способный обеспечить преимущества в таких сферах, как хозяйственное обустройство людей и политические свободы, тратил огромные материальные и пропагандистские усилия на развитие таких сфер, как культура и образование. Несмотря на деформации (жесткий идеологический контроль, излишняя поддержка престижной профессиональной культуры за счет пренебрежения культурой массовой, спонсирование культурно-этнической мозаики в ущерб общегражданским ценностям и т. д.), нельзя отрицать, что это были огромные достижения, которые во многом сохранились и сегодня. Нет такого региона мира, где бы в течение XX в., как это было в Советском Союзе, фактически сохранилась вся культурная мозаика огромного государства, в то время как исчезли сотни малых культур в других регионах мира. И это касается не только стран Азии, Африки и Латинской Америки, но и развитого европейского мира, где средств для поддержки культурного многообразия гораздо больше.

В то же время Россия не является уникальным регионом мира с точки зрения этнокультурного многообразия. Такое представление является просто результатом нашего незнания остального мира. В России существует своя особенность, связанная с приданием чрезмерной значимости этнокультурному фактору в обществе. Различие не в том, что там больше или меньше народов, этнических групп или общин, а в том, какое им придается значение. Институциализация этнокультурного фактора огромна, от масштабной псевдонаучной схоластики до государственно-административного устройства (http://www.lavill.ru/cronds-344-4.html).

События последних лет показали, что на территории бывшего СССР

декларированные нормы и принципы не всегда соблюдались. В забытье пребывали культура, история, язык, литература и искусство многих народов. Демократизация российского общества помогла вскрыть болевые точки. Новый этап в его развитии ознаменовался усилением национальных движений, в которые оказались вовлеченными все общественные слои. Нарушение норм социальной справедливости по отношению ко многим нациям привело к тому, что актуализировались проблемы межнациональных отношений.

Этническая принадлежность «задается» вместе с рождением, умением говорить на «родном» языке, культурным окружением, в которое он попадает и которое, в свою очередь, «задает» общепринятые стандарты поведения и самореализации личности. Для миллионов людей этническая идентичность - это само собой разумеющаяся данность, не подлежащая рефлексии, через которую они себя осознают и благодаря которой могут ответить сами себе «Кто я и с кем я?».

Таким образом, этническая идентичность формируется стихийно, в процессе социализации личности, в то же время, осознание принадлежности к определенной этнической общности становится одним из первых проявлений социальной природы человека.

Бесспорно, в мире нет ни одного «чистого» народа, не впитавшего множество инородных элементов и сохранившего в неизменном виде свои имманентные свойства. Тем не менее каждый этнос обладает явно специфическими качествами. Во-первых, это внешние отличительные особенности физического типа людей, т.е. расовые признаки (отличия цвета кожи, глаз, типа и цвета волос, черт лица, роста, формы черепа и т.д.), которые при непосредственных социальных контактах практически невозможно не заметить или скрыть. Во-вторых, это внутренние, едва фиксируемые их носителями особенности, касающиеся сферы мышления и поведения этнических общностей. Речь идет не только о психическом складе, характере, самосознании и чувствах народа. Имеются в виду также восприятие народами себя и друг друга, процессы опосредованного и обобщенного отражения в сознании нации переживаемых событий, память, воображение и волевая активность представителей различных этносов,

развитие талантов и дарований народа – все то, что включает в себя понятие этнического менталитета (Никитина 2005:11).

Важнейшая составляющая, которая формирует понятие этноса является язык. Помимо истории, культуры, общей территории, традиций и т. д. Язык важнейшая составляющая формирования этнического единства.

А.В. Суперанская отмечает- ономастическое пространство состоит из множества анемических полей, которые отражают существующую у данного народа модель мира в конкретное время, но так как языковая картина мира обусловлена историей, культурой, жизненным опытом данного этноса, то в ономастическом пространстве в той или иной степени всегда отражаются элементы прежних эпох (Суперанская 1973:37).

Так как языковая картина мира она фактически в первую очередь отражает то представление о мире, которое имеется у нашего этноса в данный период в данную историческую эпоху, но так как она тесно связана с опытом, историей, с жизненным опытом этноса, она всегда сохраняет реликты прежних эпох, она с одной стороны языковая картина мира отражает существующую модель мира, но она всегда в той или иной мере отражает пережиткам прошлых эпох, как будто бы сколько времени прошло после русско-турецкой войны, но все равно то что сложилось в тот период, это находит отражение сегодня в языковой картине мира.

Термин «картина мира» впервые появился в трудах Л. Витгенштейна, посвященных исследованиям в области философии и логики. В дальнейшем он начинает употребляться и в других науках, центром изучения которых является человек и его взаимодействие с окружающим миром (Витгенштейн 1994:94). Современные лингвисты рассматривают картину мира как идеальное образование, которое состоит из структурно организованных компонентов, обладает определенными свойствами, выполняет присущие ему функции и закономерно развивается (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, Г.В. Колшанский, А.Н. Леонтьев, В.Н. Телия).

Под языковой картиной мира в работе понимается исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке

совокупность образов, понятий, стереотипов и символов, представляющие собой знания определенного народа об окружающем мире, которые на уровне сознания хранятся в виде концептов.

Понятие «языковая картина мира» определило своеобразие лингвофилософской концепции Л. Вайсгербера, считавшего, что языковая картина мира представляет собой систему духовных и языковых содержаний, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, с одной стороны, и обусловливающих существование функционирование самого языка, с другой. По мнению ученого, языковая картина мира четко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой. Она изменчива во времени и подвержена развитию как любой живой организм. Языковая картина мира конкретной языковой общности людей и есть ее общекультурное достояние.

С.Г. Тер-Минасова различает окружающий человека мир в трех формах: - реальная картина мира, культурная (или понятийная) картина мира и языковая картина мира (Тер-Минасова 2000:24).

Культурная (понятийная) картина мира — это отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное.

Культурная картина мира специфична и различается у разных народов. Это обусловлено целым рядом факторов: географией, климатом, природными условиями, историей, социальным устройством, верованиями, традициями, образом жизни и т. п..

Языковая картина мира отражает реальность через культурную картину мира. Языковая картина мира — это часть культурной (концептуальной) картины, хотя и самая существенная. Однако языковая картина беднее культурной, поскольку в создании последней участвуют, наряду с языковым, и другие виды мыслительной деятельности, а также в связи с тем, что знак всегда неточен и основывается на каком-либо одном признаке.

Культурная и языковая картины мира тесно взаимосвязаны, находятся в состоянии непрерывного взаимодействия и восходят к реальной картине мира, а вернее, просто к реальному миру, окружающему человека. Все попытки разных лингвистических школ оторвать язык от реальности потерпели неудачу по простой и очевидной причине: необходимо принимать во внимание не только языковую форму, но и содержание — таков единственно возможный путь всестороннего исследования любого явления. Содержание, семантика, значение языковых единиц, в первую очередь слова, — это соотнесенность некоего звукового (или графического) комплекса с предметом или явлением реального мира. Языковая семантика открывает путь из мира собственно языка в мир реальности. Эта ниточка, связывающая два мира, опутана культурными представлениями о предметах и явлениях культурного мира, свойственных данному речевому коллективу в целом и индивидуальному носителю языка в частности.

Именно культурная картина мира различается у разных народов, она специфична, что обусловлено разными факторами: - географией, климатом, природными условиями, историей, социальным устройством, верованиями, традициями, образом жизни и т.п. Языковая картина мира, в свою очередь, отражает реальность через культурную картину мира. Реальная картина мира - это объективная внечеловеческая данность, это мир, окружающий человека.

С.Г.Тер-Минасова подчеркивает сложность вопроса о соотношении культурной и языковой картины мира, суть которого сводится к различиям преломлении действительности в языке и культуре. Если коротко изложить суть языковой картины мира, то, можем сказать, что под ней мы понимаем систему ценностных ориентации, закодированную в ассоциативно-образных комплексах языковых единиц, сопоставительное изучение языковой картины мира разных народов позволяет лучше понять, как происходит кодировка культурных ценностей, что, также является условием эффективной межкультурной коммуникации (Тер-Минасова 2000:27).

Этнический менталитет – это специфическая манера мышления и общения, присущая представителям одного народа, обусловленная социальными факторами,

генетическими особенностями, психическим складом этноса и материально выраженная в его языке, словесности, однотипном поведении. На ментальность этнической группы влияют не только материальная сторона быта, но и эмоциональное и художественное восприятие мира, имеющиеся знания, рациональные конструкции, мировоззренческие основы, общественные настроения (политические, религиозные и т.п.). Структурными элементами этноменталитета являются этническое бессознательное, этнический характер и этническое сознание (самосознание) (Губанов 2013:25).

Наиболее отчетливо менталитет проявляется в стереотипах поведения представителей этнической культуры. Стандартными формами социального поведения, заимствованными из прошлого, являются традиции и обычаи. Повторяющееся веками, типичное для многих поколений одного народа своеобразное миропонимание, которое проявляется в человеке и его поступках независимо от воли и сознания, объясняется действием этнического бессознательного. Этническое бессознательное отражает опыт предыдущих поколений, воплощенный в архетипах как общечеловеческих первообразах. Культурные архетипы – это глубинные культурные установки коллективного бессознательного, крайне трудно поддающиеся изменению. Факт остается фактом: чуваши и башкиры уважительно относились друг к другу с допугачевских времен и не было вражды между ними, но до сих пор непослушных детей в чувашских селениях пугают словами «татарин идет!» или «отдам татарину!».

При многих общечеловеческих качествах ментальности народов так же своеобразны, как неповторимы их исторические судьбы. Влияние различных факторов (в первую очередь, природных и социальных) на формирование этноменталитетов признают исследователи разных направлений философии, социологии, психологии, истории. Обладая особой ментальностью, представитель той или иной этнической общности предрасположен мыслить, чувствовать, действовать в рамках национальных традиций, норм и правил этикета.

Проблема взаимоотношений языка и общества волновала ученых еще в глубокой древности, но у истоков современной социально ориентированной лингвистики стоят

такие выдающиеся языковеды конца XIX- начала XX вв., как Фердинанд де Соссюр и Антуан Мейе. Большое значение имели работы американских этнолингвистов, развивавших идеи Ф. Боаса и Э. Сепира о связи языковых и социокультурных систем; труды представителей пражской лингвистической школы- В. Матезиуса, Б. Гавранека, Й. Вахека и др., продемонстрировавших связь языка с социальными процессами и социальную роль литературного языка; исследования немецких ученых, в особенности Т. Фрингса и созданной им лейпцигской школы, обосновавших социально-исторический подход к языку и необходимость включения социального аспекта в диалектологию. В русском языкознании основы социолингвистических исследований были заложены в 20-30-хгг.XXв. трудами Л.П.Якубинского, В.В.Виноградова, Б.А.Ларина, В.М.Жирмунского, Р.О.Шор, М.В. Сергиевского, Е.Д. Поливанова, изучавших язык как общественное явление.

По мнению К.Б.Лернера, «поистине социолингвистическое видение языка» обнаруживает грузинский лексикограф XVII в. С.С.Орбелиани, нормализатор грузинского литературного языка XVIII в. Антоний I (Лернер 1989:105).

Усвоение любого иностранного языка–весьма сложный процесс, ибо каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации. Значит, каждый язык имеет особую картину мира, а языковая личность организовывает содержание высказывания в соответствии с этой картиной. Человек– носитель определённой национальной ментальности и языка, участвующий в совместной деятельности (и что особенно важно–речевой деятельности) с другими представителями национальной общности.

Рубеж века двадцатого с веком двадцать первым поистине стал периодом информационного и научно-технического бума. В каждом национальном языке ощутимо усилился поток заимствований из других международных языков, и, в первую очередь, из английского языка. Сам же английский язык встал перед целым рядом проблем- функционирование языка в инокультурной среде не может не влиять на развитие языка. Особую остроту приобретает усвоение новой лексики, новых словообразовательных моделей, новых обиходных и терминологических выражений

английского языка, ибо, являясь порождением современной глобализации, он продолжает оставаться национальным языком английского народа и межнациональным языком жителей Великобритании, но вместе с тем-это язык современного бизнеса, язык современной политики, язык технологических инноваций, язык науки и методики, и, конечно же, язык межкультурного общения.

Одни исследователи оспаривают необходимость использования этого понятия вследствие его неопределенности, другие считают, что менталитет имеет право на существование лишь как научный инструментарий, третьи отстаивают позицию, что менталитет — это стержень всей экономической, социально-экономической культурной жизни общества, определяющей его самобытность.

В научном мире существуют большие разночтения в понимании ментальности (менталитета): то ли это противоречивая целостность картины мира, то ли дорефлективный слой сознания, то ли социокультурный автоматизм сознания индивидов и групп, то ли глобальный, всеобъемлющий «эфир» культуры, в который погружены все члены общества. Философ А. П. Огурцов ставит под вопрос «российский менталитет» на том основании, что существуют априорные структуры сознания, инвариантные слои в жизневосприятии человека, что именно эти «глубинные» слои определяют и рефлексивные акты, и осознанное поведение (Огурцов 2002:380–381.)

Идет по-прежнему дискуссия по вопросам: является ли менталитет постоянной величиной или переменной, вариативной, гибкой? Какие черты национального менталитета являются сущностными, а какие случайными?

Понятие «менталитет» было введено в научный оборот в 1867 г. американским философом Р. Эмерсоном. Есть точка зрения, что термин «менталитет» впервые был использован не в философском, а в этнологическом труде «Lamentalité primitive» Л. Леви-Брюлем. Исследователь ставил задачу выявить сознание архаичных («примитивных») обществ, так называемое «прологическое мышление» первобытных людей, которое одновременно обнаруживает и непроницаемость в отношении опыта и нечувствительность к противоречию. Хотя это понятие имело поначалу достаточно метафизический расплывчатый характер, впоследствии уже в XX веке оно оказалось в

центре межпредметного исследования. В изучении менталитета преуспели лингвисты, социологи, культурологи, философы, политологи, а позднее и психологи, историки. В изучении этой дефиниции нельзя отдать пальму первенства ни одной из названых наук, так как каждая вносила свой вклад в изучение данного феномена. Ибо «…постнеклассическая наука характеризуется ростом числа междисциплинарных исследований, поскольку ее объекты как уникальные саморазвивающиеся системы «многоклеточны», многомерны, и требуют практической реализации принципа дополнительности»(http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/69b4bad0-123f-dd23-3492-3e00e1ce9d3b/1010513A.htm).

Термин «менталитет» происходит от латинского mens, mentis (ум, мышление, душевный склад). В большинстве западноевропейских языков смысл менталитета примерно одинаков: mentalité (фр.) — направление мыслей, умонастроение, склад ума; mentality (англ.) — склад ума, ум, умонастроение. Менталитет в англоязычных словарях отличается от содержания, которое вкладывают в него отечественные психологи. Это, прежде всего, «качество ума, характеризующее отдельного индивида или класс индивидов», «обобщение всех характеристик, отличающих ум», «способность или сила разума», «установки, настроение, содержание ума», «образ мыслителей, направление или характер размышлений», «сумма мыслительных способностей или возможностей, отличающихся от физических» (Дубов 2002:428).

Чешский ученый Франтишек Граус дал определение менталитета, как «общий тонус», «вживленные образцы», стереотипы мнений, действий, предрасположенность индивидуума к определенным типам реакций (Граус 1987:37).

Исследователь ментальности народов мира Г. Гачев рассматривает это понятие через совокупность трех компонентов— Космо-Психо-Логос: «…моя работа, — указывает автор, — определить особые качества каждого народа, его субстанцию, характер мышления, психики и особых талантов, потому что народы — как музыкальные инструменты, один — скрипка, другой — гобой, третий — орган и т. д. Все музыканты, но тембр разный. Вот этот тембр и определяю» (Гачев 2003:440).

По мнению философа С. А. Храпова, «менталитет — это духовный феномен,

сопряженный в своей динамике с коллективным, социальным бессознательным и общественным сознанием, содержащий иерархизированные бессознательные и сознательные элементы и кодекс поведения, определяющий национально-культурную уникальность и идентификацию субъекта исторического процесса» (Храпов 2010:41).

История ментальностей (менталитета) — область изучения прошлого, неотъемлемая часть «новой социальной истории» как истории социально-культурной. Оформилась в самостоятельное направление в 1960-е вначале в западном, а затем во всем европейском гуманитарном знании в рамках так называемого «историко-антропологического поворота» — интереса к человеку, его представлениям и образу жизни. Упрочение позиций истории ментальностей именно в десятилетие «ниспровержения основ» и вызревания студенческой революции 1968 г. (движения «новых левых») связано с попытками переориентировать науки о прошлом с «истории героев» (правителей, мыслителей, полководцев, дипломатов) на «историю рядовых людей». В центр научных трудов были поставлены воззрения народа, эмоции и мысли обычных, в том числе — «простых людей», анализ движущих механизмов их социального поведения. Предмет истории ментальностей — реконструкция способов поведения, выражения и умолчания, которые передают общественное миропонимание и мирочувствование; способы и содержание мышления; представления и образы, мифы и ценности, признаваемые отдельными группами или обществом в целом.

Предмет изучения истории ментальности сближается с предметом семиотики, науки о знаковых системах, которая, как известно, получила большое развитие в нашей стране в трудах ученых тартуской школы: Ю. М. Лотмана, В. Иванова, Б. А. Успенского, В. Н. Топорова и др. Подходы семиотики и истории ментальностей различны и если семиотика осознает себя преимущественно в качестве дисциплины, выросшей из лингвистики и совершающей экспансию во все другие сферы человеческой деятельности, понимаемые ею как тексты, знаковые системы которых подлежат расшифровке, то история ментальностей отличается от социальной психологии, по мнению А. Я. Гуревича, тем, что сосредоточивает свое внимание не на настроениях конъюнктурных, легко изменчивых состояниях психики, а на константах, основных

представлениях людей, заложенных в их сознание культурой, языком, религией, воспитанием, социальным общением.

К подобным представлениям относятся, в частности, восприятие пространства и времени и связанное с ними осознание истории (поступательное развитие или повторение, круговорот, регресс, статика, а не движение, и т. п.); отношение мира земного с миром потусторонним, и соответственно восприятие и переживание смерти; разграничение естественного и сверхъестественного, соотношение духа и материи; установки, касающиеся детства, старости, болезней, семьи, женщины; отношение к природе; оценка общества и его компонентов; понимание соотношения части и целого, индивида и коллектива, степени выделенности личности в социуме или, наоборот, ее поглощенности им; отношение к труду, собственности, богатству и бедности, к разным видам богатства и разным сферам деятельности; установки на новое или на традицию; оценки права и обычая и их роли в жизни общества; понимание власти, господства и подчинения, интерпретация свободы и т. д. (Гуревич 1989:75–89).

Немецкий историк Герд Телленбах дал такое определение менталитета: «Всеобщая установка, или коллективный образ мысли, обладающий относительным постоянством и основывающийся не на критической рефлексии или спонтанных случайных мыслях, а на том, что рассматривается в пределах данной группы или общества как саморазумеющееся» (Телленбах 1996:93).

Российский историк В. С. Каблухов считает, что менталитет — это система представлений, включающая весь комплекс мировосприятия и спектра ценностей, подкрепленных традиций, в рамках конкретной группы и исторической эпохи, где главными являются материальные и корпоративные интересы (Каблухов1997:4).

Другими словами, в менталитете определенной нации откладывается— другое дело, каким образом — ее исторический опыт, перипетии ее формирования и развития. Менталитет, как мне представляется, это своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические» (Пантин 1994:348).

В политологическом словаре дается следующее определение: «Менталитет — обобщенное понятие, отчасти образно-метафорическое, политико-публицистическое, обозначающее в широком смысле совокупность и специфическую форму организации, своеобразный склад различных психических свойств и качеств, особенностей и проявлений. Используется главным образом для обозначения оригинального способа мышления, склада ума и даже умонастроения» (Политология 1993:174).

В толковом словаре «Евразийская мудрость от «А» до «Я» менталитет рассматривается как устойчивый изоморфизм, присущий культуре или группе культур, который обычно не рефлектируется, принимается в этой культуре как естественный. Менталитет превращается в серьезную проблему на стыке культур, а также на крутых социокультурных переломах, в тех случаях, когда социокультурное противоречие, нарушение социокультурного закона носит столь глубокий характер, что требует для своего преодоления сдвигов в менталитете. Это может иметь место, например, в условиях перехода к либеральной цивилизации, модернизации

Самую главную черту российской психологии — писала К. А. Абульханова, — всегда составляла вера, в принципе свойственная любому народу, но у всех, как правило, проявляющаяся в различной форме. Однако в российском менталитете образовался необыкновенный синтез веры в другого человека, в общество и в идеал. Русский идеализм сочетал в себе определенную умозрительность, возвышенный характер размышлений, выразившихся в поисках правды, истины и смысла жизни» (Абульханова 1977:7–8).

Б. А. Душков: «Ментальность, менталитет — общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого то сообщества» (Душков 2000:13).

Не столь важно, как оценивается само понятие «менталитет», важнее всего то, что оно существует как реальность, оказывающее воздействие на духовно — культурное пространство. Если продолжить и персонифицировать эту мысль, то следует подчеркнуть, что неважно что, а важно как, важно— кто (Томас Манн). Историю творят

люди. Но какие? Прежде всего, наделенные волей, сознанием, целеполаганием. Если бы не было гениев и талантов, то их надо было бы выдумать. Роль личности в истории видна, прежде всего, через их деятельность, их идеи (реализованные и отложенные в виду того, что кажутся утопическими). Люди сверходаренные, в их числе и гении видят цели, закрытые дымкой времени для современников.

Примечательны суждения Ч. Ломброзо о различиях гениев и талантов. В книге «Гениальность и помешательство» он писал: «…оригинальность и является именно тем качеством, которое резко отличает гения от таланта. Фантазия талантливого человека воспроизводит уже найденное, фантазия гения — уже совершенно новое. Первая делает открытия и подтверждает их, вторая изобретает и создает. Талантливый человек — это стрелок, попадающий в цель, которая кажется нам труднодостижимой; гений попадает в цель, которой даже не видно для нас…» (Ломброзо 2009:12).

Ментальность как данность, хотя и феномен, меняющийся в пространстве и времени (единство которых представляет такое понятие, как «хронотоп»), но перемены в нем происходят не так быстро, не так революционно, как это видится поначалу. Ментальность не всегда детерминирована существующими социальным строем и производственными отношениями. Цивилизационно-ментальное ядро как глубинная ипостась индивида окружена плотным слоем культуры, эдаким панцирем, которая спасает в конечном счете это ядро от конъюнктурных, враждебных вторжений. И это не абсолютное, раз и навсегда данная благодать. Бывают времена, когда этот панцирь — культурно-защитное устройство получает значительные пробоины, страдает от действия инфернальных сил. Кажется, всё — пришел конец существованию этого глубинного ментального ядра. Но это раны, нанесенные культуре, «духу» затягиваются, как ряска в пруду. Срабатывают психофизиологические, культурно-охранительные и, видимо, какие-то иные механизмы устойчивого сохранения ментальности как амбивалентной системы. Крупные исторические повороты, войны, революции, «смуты», «неустроения», как показывают дальнейшие события (реставрации, контрреформы, откаты, волны и т. д.) обнажают накопившийся менталитет. По прошествии времени, казалось бы, отвергнутые ментальные конструкции (при этом

появляются различного рода «новоязы») вновь «раскрывают крылья» и берут в плен ниспровергателей, революционеров, которые начинают приспосабливать свои умонастроения и поведение в соответствии с ментальными установками и архетипами подсознания

В печати (философской, психологической, исторической, общественно-политической и т. д.) активно обсуждаются вопросы природы и изменений российского менталитета, его влияния на культуру, вычленения ведущих ценностных ориентаций и характеристик российского менталитета. Так, говоря об общественном резонансе обозначенной проблемы, укажем что «Независимая газета» совместно с радиостанцией «Эхо Москвы» и Министерством регионального развития РФ ведет проект «Народов много, страна одна», а радиостанция «Россия» вместе с Институтом этнографии и этнологии РАН— «Русские в XXI в.»? Конечно, привлечение внимания к формированию гражданской и этнической идентичности населения России (русские составляют 80 % его состава) в российских СМИ очень важно по большому счету. Но «Платон мне друг, но истина дороже». Фигуранты современного политического процесса, отдавая дань вещам важным, но уже «заболтанным», как, например, модернизация, пытаются играть роль оракулов (Независимая газета 2010,16 сентября).

Менталитет как духовная субстанция не существует в безвоздушном пространстве, он локализуется, функционирует в рамках конкретного отдельного этноса. Влияние этнического фактора (этнической самоидентификации) на весь спектр мотивов, установок, ценностных ориентаций, на социальное поведение как отдельного индивида, так и группы настолько велико, что можно говорить об этноменталитете. Этноменталитет проявляется в образе той или иной страны и населяющего его народа (народов), в национальном характере, национальной идее и т. д. (Королев 2011:11).

Ментальности, как и мироориентационные чувства, ощущения и представления, проявляют себя в особом мировидении и поведении людей. Стереотипы, которые, как и у любого народа и в России и в Грузии, медленно меняются в сторону европеизации. Можно заставить народ принять чужую идеологию, но ментальность — нет. Она как

особый стиль мышления, как особая правда народа по природе прогрессивно-консервативна, т. е. она медленно отбирает из опыта этноса жизнеспособное, апробированное (опыт, доставшийся ей кровью и потом) и аккумулирует их у себя в виде народной мудрости.

Задолго до появления термина «менталитет» русские отечественные мыслители сосредоточили внимание на рассмотрении «русской души», на ее истоках, структуре, на различных сторонах русского национального характера. Среди них Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, Г. П. Федотов, И. А. Ильин, П. А. Сорокин, Л. П. Карсавин и др.

В последние годы усилился интерес к изучению российского (советского) менталитета, как в центре, так и на местах. Не в последнюю очередь это связано с поиском ответов на вопросы о выборе путей и перспектив развития постсоветской России, с формированием государственной объединительной идеологии, концепции национальной безопасности, определения сфер национальных приоритетов и ценностей. В современных условиях необычайно возрос интерес к духовной жизни российского общества, к истокам русского национального характера, национального этнического самосознания, самосознания языкового, религиозного и т. д. Поиск в этом направлении включает в себя и освоение самобытного наследия русских мыслителей, изучение широкого круга трудов зарубежных исследователей по вопросам внутренней жизни человека, поиска ее смысла, самопознания.

На смену менталитету Нового времени пришел так называемый модернизм. Наш раздираемый противоречиями век столкнулся с кризисом европейского рационализма. Упорядоченная модель сократовско-декартовской машинной цивилизации, абсолютно императивные предписания христианской морали, принцип различения явлений, в том числе объекта и субъекта.

Уже с конца 90-х гг. XX в. отмечены качественные сдвиги в размывании ранее устойчивых традиционных для России ценностных установок советского менталитета. Ценности духовно-нравственного характера, всегда преобладавшие в российском менталитете, начали вытесняться ценностями сугубо материального, прагматического характера.

Обращает на себя внимание факт исчезновения понятия «русскость» как основы единства русского мира, стержня русской ментальности из лексикона российских должностных лиц. «Даже слово «русский» почти полностью изъято из внешнеполитической риторики властей России и диаспоральной деятельности государства», — говорится в проекте «Обращения русских соотечественников Прибалтики к Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу». Единственной организацией, которая, по мнению соотечественников, придерживается именно «русскости», является Православная церковь. РПЦ официально употребляет термин «русский» и признает существование русской идентичности и русской цивилизационной формации. Как известно, впервые попытался заменить понятие «советский человек» россиянином был Б. Н. Ельцин, однако это не повысило уровень русской идентичности, не упрочило положения русских как титульной нации (Независимая газета 2011, 13 января).

Следует, видимо, разобраться, кого же в первую очередь затронули указанные сдвиги. Для этого важно обратиться к различным возрастным группам населения, в частности, к молодежи.

Как показали социологические исследования, в первой половине 90-х гг. отход от существовавшей советской модели и в то же время аморфность идеалов, контуров нового уклада в определенном смысле привели к кризису ценностей. Кризис ценностей, их деформация более всего отразились на молодежи.

Надо всегда помнить, что, изучая реальность (менталитет как составная и внушительная часть психолого-, а точнее социогуманитарного знания), мы пытаемся уложить ее в прокрустово ложе теоретического построения. Но, тем не менее, изучая сущность, структуру и направленность менталитета с помощью чувственного познания и придавая большое значение ощущениям, можно выявить те качества, которые одновременно присущи всем народам, входящим в мировое сообщество, так и качества, только присущие отдельным его частям.

Подобно тому, человек как существо рациональное членит время, текущее бесконечно, на секунды, минуты, часы, месяцы, годы и т. д., так его разум, по

справедливому замечанию. ЕА. Климова, делает «стоп-кадры» действительности, выхватывая из процесса устойчивые предметы рассмотрения, условные целостности, «гештальты», «кванты», которые, в частности, порождают и некоторое необходимое человеку сознание относительно - устойчивой «Среды объемлющих систем» (Душков 2002:384).

В книге «Россия и Соединенные штаты Америки» (1944 г.) Питирим Сорокин выяснил общие черты и различия между Россией и США и дал ответ на вопросы насчет умственного склада и психологии обоих народов, в частности, как можно найти общий знаменатель между мистической русской славянской душой и реалистическим, прагматическим американским складом ума; между исключительной эмоциональностью и печалью русской души и взвешенным оптимизмом американской психологии.

Россия и США находятся на противоположных полюсах. Во многих отношениях (психологическом и социально-культурном плане) они разнятся.

Отличаются также и в поведении и нравах, уровне жизни, вкусах, образовании и религии и психологии различных групп. «Однако эти различия, — замечает мыслитель, — не ведут к вооруженному конфликту. Причина заключается в том, что они совместимы, то есть, могут существовать бок о бок без каких бы то ни было серьезных коллизий… Предполагаемое фундаментальное расхождение между духовными, культурными и социальными ценностями этих двух стран до сих пор сильно преувеличивали».

Не существует такого этнического понятия, как американская национальность. Национальность американца определяется наличием гражданства США. Плавильный котел североамериканского общества выпестовал американскую нацию. Обычно рассматривают особенности американского менталитета, имея в виду основополагающие элементы (белых переселенцев — выходцев из Англии и Ирландии). Они составляют социокультурное ядро США. Первая и главная особенность американца — патриотизм («Америка превыше всего», глумление над американским флагом — страшнейшее святотатство и т. д.). Важнейшие черты

национального характера — известного рода авантюризм, деловитость, предприимчивость, деловитая агрессивность.

У американцев не принят пессимизм. На вопрос: «Как дела?» всегда ответят: «Fine» («Отлично!»). Следует упомянуть о специфическом отношении полов в США. Американец не воспринимает женщину как слабое создание. Он женится, когда создает материальную базу для семьи.

В период перестройки и постперестройки с Запада навязывалась советологическая концепция русской (российской) ментальности. Известный вклад в создание образа России и русских внесло американское россиеведение. В советское время это направление американской общественной науки рассматривалось через призму «фальсификации». Все, что писалось о русских (России, СССР), что доходило до массового читателя через «самиздат» и «тамиздат» или хранилось в спецхране (для избранных — борцов с «фальсификаторами»), однозначно имело отрицательную оценку. Труды из-за океана попадали под рубрику «советология», «кремленология» и имели, как правило, уничижительную оценку. В 1990-е гг. в США наряду с советологией, имеющей политический оттенок, появилось россиеведение. Как наука после Второй мировой войны она обретает такие отличительные черты, как многоуровневость анализа, научный плюрализм. Славянский менталитет, образ мышления, знание основ национальной культуры смешались в россиеведении с западным рациональным мышлением, идеологией индивидуализма и методологией, разработанной западными общественными науками. Это отразилось на образе России, который формировался в рамках россиеведения (Лаптева 2004:3–4).

Образ России и русских претерпевает изменения, как в американском россиеведении, так и в массовом сознании. Хотя рецидивы прошлого, стереотипы времен «холодной войны», эмоционально окрашенные, представления налицо. Образ СССР (России) рисуется как несвободное государство преподносится как доминирующая черта русского народа (З. Бжезинский, Р. Райпс). Антизападничество, закрытость российского общества, национализм по-прежнему присутствует во многих работах. Русофобским нападкам подвергается православие, которому приписывают

антизападничество. По мнению З. Бжезинского, вслед за развалом Советского Союза на очереди стоит уничтожение православия как консервативной силы.

Видимо, под влиянием идей Ф. М. Достоевского в американском общественном сознании культивируется стереотипное восприятие русского человека как склонного к страданию. Считается, что русские испытывают наслаждение страданием, что эта патология глубоко проникла в русский национальный характер (Ранкур-Лаферрьер 1996:363).

Как известно, стереотипы восприятия связаны с национальной психологией, они отражают разницу мироощущения, менталитетов, традиций и образов жизни. Они имеют особую устойчивость, закрепляются в общественном сознании.

По мнению В. Жельвиса, русский взгляд на жизнь можно выразить с помощью трех основных понятий: «душа», «тоска» и «судьба». «Душа» — это некая нематериальная субстанция, понятие о которой неразрывно связано с православием. «Тоска» — это смесь апатии, мучений, меланхолии и скуки. «Судьба» — это эклектическая смесь фатума, удела, доли, жребия и предназначения (Жельвис 2002:13).

«Менталитет» - Английское слово и означает: ум, талант, умение, Мышление, и направленность разума. Грузинский менталитет указывает на ум, талант, своеобразие мышления и умственных возможностей грузинского человека. Человек существует в объективной действительности, называнием вещей и явлений своими именами и присвоением значения им, осмысливает и осваивает всё и вся во времени и пространстве.

Грузинский менталитет должен представлять целостность, таким образом присвоенных значений, отличающаяся от любого другого и особенное, которую можно назвать также грузинской действительностью (Чикадзе 2012:12).

В сопоставлении к русскому менталитету хотим привести несколько примеров о грузинах, как и что думают о них русские.

“Первый вопрос, который волнует большинство российских граждан, впервые приехавших в современную Грузию и в Тбилиси в частности – насколько безопасно тут гулять по улицам? Вопрос логичный, учитывая то, что отношения между нашими странами мягко

говоря напряжены. Конечно, если уж наш человек по своей воле оказался здесь, то он далек от большинства стереотипов и мифов о Грузии, бытующих в России. Однако опасения понятны.

Местные предсказуемо заверяют, что нет никаких поводов беспокоиться. Мол, можно без опаски гулять даже глубокой ночью по окраине при этом будучи нетрезвым и громко разговаривая по-русски. Самое интересное, что спустя какое-то время начинаешь подозревать, что это действительно так.

Дело в практически полном отсутствии криминала и потрясающе теплом отношении к гостям. К тому же официальная позиция Грузии по отношению к России (которую так или иначе все-таки разделяют большинство грузин) практически не распространяется на уровень человеческих взаимоотношений.

Грузины открыты, очень душевны, неконфликтны и доброжелательны. Конечно, не стоит идеализировать и говорить, что все грузины поголовно замечательные люди. Но все-таки сложно представить, что такое сочетание качеств может быть присуще не какой-то обособленной группе людей, а в общей массе целому народу. Это можно только понять, прочувствовав на личном опыте.

Когда говоришь, что ты из России, понимаешь, что тебе искренне рады. Абсолютно незнакомые люди с которыми ты сталкиваешься, проявляют потрясающее гостеприимство, а если вдруг ты попал в какую-то неприятную ситуацию, тебе обязательно помогут, причем не просто безвозмездно, а в ущерб как минимум собственному времени.

Это действительно удивляет. Особенно учитывая то, что жители Грузии (как ни прискорбно) вряд ли могут рассчитывать в России на адекватную взаимность.

Еду с таксистом по Тбилиси. Если опустить все нецензурные фразы и перефразировать непечатные слова (которые, кстати очень очаровательно звучат, приправленные грузинским акцентом) смысл того, что он хочет сказать очень прост: "Вот что там себе думают эти Вова с Мишей (это не фамильярность, тут просто так принято называть политиков)? Что они не поделили, не понимаю…"

А ведь в корень зрит!

Впрочем, таксисты здесь особая каста. Им свойственно идеализировать советское прошлое и резко негативно относиться к нынешней политике грузинского государства, что для большей части грузинского общества не характерно.

На русском языке говорят практически все, причем абсолютно не стесняются этого. Такая ситуация как в Прибалтике, где владея русским языком, местный житель может сделать вид,

что не понимает вас, тут невозможна. Правда, постепенно, но, по всей видимости, неотвратимо он сдает позиции языку английскому. Этот язык наряду с грузинским становится языком общения у молодежи. Во многом благодаря тому, что в отличие от России получать образование в Европе здесь нормальная и очень распространенная практика, а не привилегия детей госчиновников и крупных бизнесменов.

Грузия действительно шаг за шагом становится европейской страной. Внешне это сильно проявляется в облике городов. Ментально – на уровне культуры, одним из носителей которой, собственно, является язык. При этом грузинам прекрасно удается сохранять свою самобытность и, без преувеличения сказать, уникальность (что по сути не оставляет камня на камне от активно насаждаемого в России мифа, что западная цивилизация представляет угрозу для какой-то особой русской духовности).

Интересно, что за время проведенное здесь сам начинаешь чувствовать себя более умиротворенным и философски настроенным по отношению к жизни. Может просто дело в каких-то особых свойствах местной воды и воздуха… "(из записок русского туриста - http://www.stav.aif.ru/talk/talkdet)

Грузия в советское время. Период, который большинство знает не по наслышке и для описания которого не всегда обязательно прибегать ко мнению историков. Люди помнят. С 1921 года фраза «15 республик – 15 сестер» стала символом общего дома для Грузии и в этом доме она жила на правах равного – и в горе, и в радости. Правда, тоже в соответствии со своими традиционными «стереотипами поведения».

Описывать «среднего» представителя какой-либо нации или народа ненаучно. Это лишь упрощенный стереотип, который может быть у человека с минимальными знаниями об отдельной стране или народе. Такое действие аналогично примеру полностью неправильного представления о другом народе в запрещенном советской цензурой к показу в 80-х годах эпизоде знаменитой кинокомедии Данелии «Мимино». В финале фильма выселенные из московской гостиницы «Россия» высокий грузин с усами (Кикабидзе) и кривоносый армянин (Мкртчян) выходят из лифта. В этот момент один турист-японец говорит другому что-то по-японски. За кадром звучит перевод: «Все эти русские на одно лицо» (Х/Ф «Мимино» 1977 г.). Ничего не понимающие в особенностях российской жизни иностранцы приняли за русских двух совсем разных

представителей двух разных народов.

Становится актуальной высказанная ещё в начале века Л.В. Щербой мысль, что “мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры…” (Щерба 1929:38).

Квалифицируя язык и культуру как автономные системы, отличающиеся друг от друга, как в субстанциональном, так и в функциональном отношении, следует иметь в виду их тесное взаимодействие, как опосредованное, так и непосредственное. В первом случае мы имеем ввиду, что оба феномена соотнесены с мышлением и соответственно через эту связь соединены опосредованно друг с другом. Являясь неотъемлемым компонентом мышления, т.е. логико-рационального осмысления мира, язык принимает участие во всех видах духовного производства, независимо оттого, используют ли они слово в качестве непосредственного орудия творчества.

Культурно-этнический компонент, отражающий так называемую “языковую картину мира ”его носителей как факт обыденного сознания, воспринимается по фрагментам в лексических единицах языка, однако, сам язык непосредственно этот мир не отражает. Он отражает лишь способ представления(концептуализации) этого мира национальной языковой личностью, и поэтому выражение “языковая картина мира” в достаточной мере условно: образ мира, воссоздаваемый по данным одной лишь языковой семантики, скорее схематичен, поскольку его фактура сплетается преимущественно из отличительных признаков, положенных в основу категоризации и номинации предметов, явлений и их свойств, и для адекватности языковой образ мира корректируется эмпирическими знаниями о действительности, общими для пользователей определённого естественного языка.

Каждый язык формирует у его носителя определенный образ мира, представленный в языке семантической сетью понятий, характерной именно для данного языка: и ассоциативные эксперименты, и трудности, возникающие в межкультурном общении и при переводе, доказывают это.

С.Г. Тер-Минасова различает окружающий человека мир в трех формах – это реальная картина мира, культурная (или понятийная) картина мира и языковая картина мира. Именно культурная картина мира различается у разных народов, что обусловлено многими факторами, такими как география, климат, социальное устройство, верования, традиции, образ жизни (Тер-Минасова 2000:49). Языковая картина мира, в свою очередь, отражает реальность через культурную картину мира. Тер-Минасова подчеркивает сложность вопроса о соотношении культурной и языковой картин мира, суть которого сводится к различиям в преломлении действительности в языке и культуре (Тер-Минасова 2000:50).

По мнению С. Тер-Минасовой, этническая (народная) культура–наиболее древний слой национальной культуры, охватывает в основном, сферу быта, обычаи, особенности одежды, народных промыслов, фольклора и т.д. У каждого народа есть свои этнические символы (*кимоно*–у японцев, *клетчатая юбка*–у шотландцев, *рушник*–у украинцев, *самовар*-у русских и т.д.), характерные блюда национальной кухни (*овсяная каша*-у англичан, *борщ*-у украинцев, *щи да каша*–у русских и т.д.). Соответственно, у каждой этнической группы есть и свойственные только ей черты характера: предприимчивость – у американцев, рационализм – у немцев, эмоциональность – у итальянцев и т.д. Национальная культура-более сложное образование. Она есть – разновидность субкультуры, совокупность символов, верований, убеждений, ценностей, норм и образцов поведения, которые характеризуют духовную жизнь человеческого существа в той или иной стране, государстве (Тер-Минасова 2000:43).

Язык, мышление и культура взаимосвязаны н1астолько тесно, что практически составляют единое целое. Все вместе они соотносятся с реальным миром, противостоят ему, отражают и одновременно формируют его. Слово отражает не сам предмет реальности, а его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете. Далее, как подчеркивает Тер-Минасова, путь от реального мира к понятию и затем к его словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии,

особенностями жизни этих народов, и, соответственно, различиями развития их общественного сознания (Тер-Минасова 2000:49).

Национальная политика должна своевременно реагировать на новые проблемы и ситуации в межнациональных отношениях. Одним из важнейших условий ее эффективности, ее способности стать подлинным инструментом межнациональной консолидации и интеграции народов, имеющих прочные традиции плодотворного взаимодействия и сотрудничества должны стать культурные особенности, заложенные в менталитете нации. Национальная политика, хотя и корректируется, носит противоречивый характер и не всегда последовательна. В качестве одного из критериев оценки для реформирования национальных отношений необходимо учитывать этноментальные особенности нации, содержание традиций народов, их исторический опыт, те культурные, этнодуховные комплексы, которые архетипно закреплены в структуре этнонационального самосознания и обозначают форму и меру культурного самоопределения людей. Этнонациональный менталитет — это сложная комплексная форма индивидуального и общностного сознания, которая выступает в роли духовного фундамента национального самосознания.

В тоже время межнациональные отношения представляют собой сложную, многоуровневую систему взаимодействий различных факторов и обстоятельств. Действительно, национальная проблема является специфической категорией, в которой переплетаются история нации, ее политическая жизнь, культура и психология, сознание принадлежности к определенному национальному обществу, традиции нации и ее отношения к другим нациям, а также отношения других наций к ней. Хотя менталитет и является наиболее устойчивой и стабильной частью духовной этнокультуры, он, сохраняя в себе в традиционном виде общечеловеческие этические и нравственные нормы и требования, тем не менее, постоянно меняется под влиянием изменений в общественной жизни. И эти перемены тем заметнее и значительнее, чем решительнее и кардинальнее изменяется жизнь социума. Поэтому отчетливее всего изменения в менталитете наблюдаются на переломных этапах в жизни общества, когда резко меняется весь ее уклад, а жизнь начинает идти по новым путям.

В такой многонациональной стране, как Россия, от состояния межнациональных отношений зависит многое. Люди, представляющие разные национальные группы и столетия проживающие без конфликтов, вдруг начинают испытывать определенный дискомфорт, недоверие и даже враждебность в процессе взаимодействия и общения друг с другом. Прогрессирующая в ряде регионов межнациональная напряженность грозит перерасти в конфликты. Осознание сложности и взрывоопасности сложившейся ситуации делает необходимым ответ на вопрос: в чем причины возникших проблем и противоречий? Какие факторы могут сыграть решающую роль в нагнетании напряженности в межнациональных отношениях, привести к ее усилению и перерастанию в конфликты? Ответ на эти вопросы можно найти в ментальных основах этнокультуры.

Исходя из того, что этнонациональный менталитет — это психологический стержень духовной жизни народа, культурный инвариант, обогащаемый в процессе накопления и трансляции культуры, учет и использование этноментальных установок — это условие гуманизации и пацификации современных межэтнических отношений, роста межэтнической комплиментарности.

Говорить об одном менталитете по отношению к какому-то народу или обществу неверно. Под менталитетом, мы будем понимать исторически сложившееся долговременное умонастроение, единство сознательных и несознательных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом воплощении, присущее той или иной социальной группе (общности) и ее представителям. Возникает проблема совместимости менталитетов, которая может стать предметом комплексного исследования, в частности, сопоставления картин мира и эксплицитно-имплицитных философий разных народов и групп. Думается, что в странах СНГ, за исключением духовно-религиозных менталитетов других конфессий, в остальном распространены примерно те же основные умонастроения, но, конечно, со своей национально-культурной спецификой (Семенов 2000:486).

Анализируя природу национально-этнических конфликтов, следует отметить, что в многонациональном государстве достаточно противоречий, которые можно отнести к

разряду объективных. Однако если объективные противоречия, отчасти, снимаются в ходе общественного развития, то от ошибок субъективного порядка может оградить только компетентность и высокая культура в межнациональных отношениях и здесь возникает необходимость учитывать ментальные установки культуры этноса. При этом непременным условием предупреждения межнациональных конфликтов должен быть более полный, чем это было до сих пор, учет состояния массового сознания, сложившихся и доминирующих в нем оценок и представлений, связанных с проблемами межнациональных отношений, реальных ожиданий масс, их ориентации на традиции, исходящие из ментальных основ культуры нации, и новации. Усложнение этнополитической ситуации в России, межнациональные конфликты и войны на ее рубежах, возникшая неосознанная всеми угроза целостности российского государства делает эту проблему особенно актуальной.

В определении системы мер по гармонизации межнациональных отношений важно определить степень готовности массового сознания к ним. Как показывают результаты социологических исследований, такого рода готовность еще не сложилась. Антитеза «мы — они», лежащая в основе этнического самосознания, в России строилась исторически и на работе по отграничению «наших» от «чужих», мало внимания уделялось процессу налаживания отношений с чужими. В современных условиях, когда «свои» по своей инициативе становятся «чужими», наблюдается кризис национальной государственной политики, активно вырабатываются ее новые принципы. Преодоление дуализма находится в перенесении акцента на момент развития межэтнических отношений.

Становление новой национальной политики связано с формированием в этническом сознании представления о необходимости взаимодействия с «чужими», даже если они не включены в круг «своих». Необходимость изжить стереотип пренебрежения к моменту развития, становления такого взаимодействия (от «совсем чужих», до «близко-чужих»). В настоящее время просто деление на «нас» и «их» и перенесение всех остальных проблем, связанных с этим делением, в плоскость повседневных стихийных взаимодействий неконструктивно.

1.2. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Бурные политические и социально-экономические события XX–начала XXI века убедительно свидетельствуют, что межкультурные взаимоотношения и взаимодействия

являются весьма важными в жизнедеятельности современных государств и народов. Значимой особенностью сегодняшнего дня является то, что, как ни один человек не может жить без каких-либо взаимоотношений с другими людьми, так и ни одна этническая общность не способна существовать в абсолютной изоляции от других народов.

Современный мир очень сложен и многообразен. В нём существуют разные культуры, которые или взаимодействуют друг с другом, или никогда не пересекаются между собой. Общение людей в жизни так же безгранично и разнообразно, как само человеческое общество. Общение в современном мире возможно только на основе межъязыкового и межкультурного взаимопонимания и взаимодействия. Важную роль при этом играет язык как главный посредник в межкультурном коммуникационном процессе.

Сам по себе язык является неотъемлемым компонентом сознания, его инструментом и выступает как посредник между человеком и картиной мира, отображаемый им в языковых формах. Это связь человека с картиной мира, содержащейся в языке, на котором он говорит, с кругом представлений, образов и понятий, которые запечатлены в языке. Каждый человек, врастающий в язык, вынужден усваивать его способ понимания мира явлений и духа. Язык конкретного человека не существует сам по себе. Он формируется языком других людей, которые принадлежат одному народу, имеют общую культуру и традиции.

Социальная сущность языка заключается в том, что он существует, прежде всего, в языковом сознании – коллективном и индивидуальном. Соответственно, носителями культуры в языке являются языковой коллектив и индивидуум. Коллектив как этнос и индивидуум являются крайними точками на условной шкале языкового сознания.

Одной из характерных тенденций современного этапа развития языкознания является изучение проблемы человеческого фактора в речевой деятельности. В новой лингвистической парадигме на первый план выдвигается языковая личность, определяющая семантическое пространство языка. Антропологическая лингвистика являет собой интегральный подход к языку, что обусловливает использование в

лингвистических исследованиях данных различных наук, занимающихся изучением человека, его внешнего и внутреннего мира. Необходимость комплексного изучения языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии в ходе исторического развития общества становится все очевиднее, т.к. невозможно рассматривать языковые явления в отрыве от условий функционирования общества, развития его культуры. Языковая личность является именно тем перекрестком, где сталкиваются интересы лингвистов, культурологов, социологов, философов и др.

Изучение языковой личности в лингвистике тесно связано с именем Ю.Н. Караулова. Под языковой личностью он понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)», которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной языковой направленностью. Данное определение допускает двойственную интерпретацию: статическую и динамическую. В первом случае, мы принимаем индивида в качестве личности, то есть субъекта социальных отношений, обладающего своим неповторимым набором личностных качеств. Во втором случае, мы предполагаем, что на определённом этапе индивид ещё не является личностью, т.е. не обладает отличительными социально обусловленными характеристиками.

В.Б. Кашкин считает одним из определяющих параметров коммуникативной личности, наряду с мотивационным и когнитивным, функциональный, который подразумевает – практическое владение вербальными и невербальными средствами общения, умение варьировать коммуникативные средства; построение дискурса в соответствии с нормами кода и правилами этикета, что, в конечном итоге, характеризует проявления личности на уровне коммуникативного поведения (Кашкин 2000:103).

Представители разных культур используют различные модели восприятия социальной действительности посредством символических систем, что находит отражение в используемых языковых конструкциях, стилях устной и письменной коммуникации. В межкультурной среде лингвистическая компетентность как владение

абстрактной системой правил языка, используемого партнерами в качестве средства общения, выступает необходимым, но не достаточным условием эффективности интеракций. Они должны обладать коммуникативной компетентностью – умением применять правила в конкретных социальных ситуациях, а также когнитивной – способностью словообразования и генерирования мыслей на языке общения. Владеть языком – значит быть в состоянии говорить, читать, писать и слушать на данном языке, при этом основным критерием владения языком является взаимопонимание с партнерами по общению. Одним из основных условий владения языком является сформированное у человека ощущения, что он может свободно и без боязни пользоваться своим речевым и языковым опытом.

Коммуникативная компетенция, как способность человека понимать и порождать иноязычные высказывания в разнообразных социально-детерминированных ситуациях с учетом лингвистических и социальных правил, которых придерживаются носители языка, включает в себя: а) знания о системе изучаемого языка и сформированные на их основе навыке оперирования языковыми (лексико-грамматическими и фонетическими) средствами общения – лингвистический компонент коммуникативной компетенции; б) знания, навыки и умения, позволяющие понимать и порождать иноязычные высказывания в соответствии с конкретной ситуацией общения, речевой задачей и коммуникативным намерением, – прагматический компонент коммуникативной компетенции; в) знания, навыки и умения, позволяющие осуществлять речевое и неречевое общение с носителями изучаемого языка в соответствии с национально-культурными особенностями чужого лингвосоциума, – социолингвистический компонент коммуникативной компетенции.

Языковые знания человека не существуют сами по себе. Они, формируясь через личностное переживание человека и находясь под контролем сложившихся в социуме норм и оценок, функционируют в контексте его многообразного опыта. Изучение коммуникативного поведения представителей иноязычного социума, их лингвосоциологических и культурологических особенностей способствует приобщению «неносителей» языка к концептуальной системе, картине мировидения,

ценностным ориентирам его носителей, сокращению межкультурной дистанции, воспитанию готовности адаптироваться к культуре другого народа, иному социокультурному контексту взаимодействия и воздействия с целью выработки оптимальной стратегии сотрудничества и общения.

М.В. Арошидзе считает, что «языковая карта» современной Грузии и «лингвистические иерархии» нуждаются в пристальном изучении, связанном с теоретическим исследованием таких вопросов, как языковое планирование, языковая политика. Ведь ошибки, допускаемые в социо-коммуникативном отношении могут быть катастрофическими как для политического диалога, так и для экономического сотрудничества. Сам термин «диалог» весьма условен, ибо современное сотрудничество скорее представляет собой «полилог». Поэтому надо стремиться к новому, не теряя старого. Приоритетное изучение английского языка должно сочетаться с сохранением русской коммуникативной компетенции, ибо русский язык не только один из распространенных международных языков, но и важнейший язык межкультурного общения на огромной территории постсоветского пространства (Арошидзе 2011:43).

Язык является важным элементом определяющим национальную идентичность, выполняя консолидирующую функцию. В лингвистически многообразном и многонациональном обществе заложена большая вероятность возникновения микронационального движения этнических меньшинств, которое таит серьезную опасность порядку и стабильности государства. Неправильная языковая политика может привести к политическим катаклизмам. Поэтому язык в многонациональном государстве может быть использован как средство для узаконения ассимиляции, так и диссимиляции.

Роль русского языка на постсоветском пространстве обсуждается общественностью, экспертами и политиками, эта проблема стала предметом научного интереса политологов. Как полагает К. П. Боришполец, тенденция в снижению статуса русского языка на постсоветском пространстве обусловлена как объективными, так и субъективными моментами. К первым относятся: утверждение статуса государственного языка за титульными национальными языками, сокращение

количества этнических русских как основных носителей русского языка и культуры, переориентация молодежи на знание европейских языков и языков крупных стран регионального окружения. Ко вторым — неблагоприятные политические условия для распространения русского языка, вытеснение его из сферы коммуникации, сокращение русскоязычных образовательных учреждений и ухудшение их материального обеспечения

Поликультурное воспитание общества представляет собой процесс, который направлен на формирование личности, способной к адекватному восприятию многообразия нации государства. Поликультурность охватывает все стороны человеческих отношений: социально-экономические, политические, культурные, религиозные. На общее сознание в этой области влияние оказывают экономические и социально-политические реалии, определённые институты, которые поддерживают общепринятые образцы поведения, создавая тем самым потенциал дружеских отношений конкретных социальных групп. Процесс поликультурной социализации начинается с вхождения в культуру своего народа, с процесса формирования поликультурного воспитания, изучение языков.

Распространение английского языка в Грузии имеет большое значение с точки зрения интеграции страны в глобальную экономическую систему и культурное пространство. Английский язык пользуется большой популярностью среди молодежи, что в значительной степени окажет на политические процессы в будущем.

Языковая политика Правительства Грузии объективно отражает его политическую и идеологическую ориентацию. Любое многонациональное и разноязычное государство неизбежно сталкивается с проблемой регулирования языковой жизни страны. Способы ее решения зависят от многих факторов, но в основе всегда лежат некие идеологические постулаты, которые более или менее успешно воплощаются в жизнь путем законодательных, административных и организационных мер. Их совокупность обычно именуется языковой политикой. Современный период характеризуется возникновением ряда надгосударственных образований, например, ЕС, СНГ, успешное функционирование которых также не в последнюю очередь зависит от

адекватности проводимой в них языковой политики. Необходимо отметить, что языковые проблемы, возникающие в таких образованиях, имеют много общего с проблемами многоязычных государств, опыт которых в этой сфере, им, по-видимому, следовало бы учитывать при разработке и реализации собственной языковой политики.

В советское время много говорилось о «гармоничном двуязычии», в период перестройки на первый план вышла идея о «паритетном двуязычии». Эти словосочетания включали в себя значительную идеологическую составляющую и, в общем-то, не имели строгих дефиниций. Попробуем установить, что это такое и возможны ли такие типы двуязычия. Грузия, оставаясь полиэтническим и поликонфессиональным государством, переживает на сегодня сложный и противоречивый период своего культурно-языкового развития, о чем свидетельствует сложившаяся языковая ситуация, характеристика которой дана в Концепции языковой политики Грузии. Следует отметить, что практически во всех документах в области языковой политики стрежневой идеей является необходимость овладения несколькими языками (http://journal.mosinyaz.com/page_30_34/).

Разрешение данных противоречий и проблем, обусловило выбор темы нашего исследования в следующей формулировке «Полиязычие – основа формирования поликультурной личности». Понимание роли языков в современном мире с особой остротой ставит перед нами вопрос о результативности обучения языкам и повышении уровня языковой подготовки учащихся.

Концепция развития образования в Грузии направлена на качественное обновление форм и методов подготовки профессиональных кадров, квалификационно отвечающей общемировым стандартам. Большое внимание при этом уделяется полиязычному образованию, которое рассматривается как действенный инструмент подготовки молодого поколения к жизнедеятельности в условиях взаимосвязанного и взаимозависимого мира.

Владение грузинским, русским и иностранным языками становится в современном обществе неотъемлемым компонентом личной и профессиональной деятельности человека. Все это в целом вызывает потребность в большом количестве

граждан, практически и профессионально владеющих несколькими языками и получающих в связи с этим реальные шансы занять в обществе более престижное как в социальном, так и в профессиональном отношении положение. Разумное, грамотное и правильное внедрение трехъязычия даст возможность выпускникам наших школ быть коммуникативно-адаптированными в любой среде.

Во второй половине XX – начале XXI вв. интерес к социологическим проблемам языка возрос в связи с потребностями современного общества, для которого проблемы языковой политики и другие практические аспекты социолигвистики приобретают все большую актуальность. Но необходимо отметить, что социолингвистические направления, разрабатываемые учеными разных стран, характеризуются различной методологической ориентацией.

В решении некоторых своих задач социолингвистика пересекается с этнолингвистикой, которая «изучает язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и развитии языка» (Кузнецов 1990:597). В первую очередь необходимо отметить проблемы двуязычия и многоязычия, которые традиционно считаются объектом социолингвистических исследований, но нередко требуют комплексного подхода, учитывающего не только языковые и социальные факторы, но и особенности культуры данного народа, национальную специфику языковой картины мира, этнически обусловленные стереотипы речевого поведения и т. п.

Рубеж века двадцатого с веком двадцать первым поистине стал периодом информационного и научно-технического бума. В каждом национальном языке ощутимо усилился поток заимствований из других международных языков, и, в первую очередь, из английского языка. Сам же английский язык встал перед целым рядом проблем - функционирование языка в инокультурной среде не может не влиять на развитие языка.

М.В.Арошидзе считает, что «языковая карта» современной Грузии и «лингвистические иерархии» нуждаются в пристальном изучении, связанном с

теоретическим исследованием таких вопросов, как языковое планирование, языковая политика (Арошидзе 2011:42).

Приоритетное изучение английского языка должно сочетаться с сохранением русской коммуникативной компетенции, ибо русский язык не только один из распространенных международных языков, но и важнейший язык межкультурного общения на огромной территории постсоветского пространства (Арошидзе 2011:43).

Язык окружает наше бытие как сплошная среда, вне которой и без участия которой ничто не может произойти в нашей жизни. Однако эта среда не существует вне нас как объективированная данность; она находится в нас самих, в нашем сознании, нашей памяти, изменяя свои очертания с каждым движением мысли, каждым проявлением нашей личности.

Наша память не просто хранит множество отдельных выражений: она пронизывается бесконечными ассоциациями и аналогиями между этими выражениями. Именно аналогическое осмысление мнемонического фонда позволяет создавать все новые языковые фигуры, находить новые условия для употребления словоформ, известных нам в составе определенных выражений, и создавать (или принимать и осмысливать) новые словоформы и выражения с ними. Тот факт, что мы, отправляясь от первично нам известных явлений, все время расширяем наш языковой репертуар, действуя “по образцу”, на основании аналогий и прототипов, определяет сходство вновь создаваемых языковых произведений — будь то новые выражения или новые словоформы — с теми или иными уже известными. Кристаллизуясь в нашей памяти, превращаясь в первичное и безотносительное знание, эти новые произведения несут на себе печать аналогического сходства с их прототипами, на основе которых они были созданы, приняты и включены в фонд языковой памяти говорящих.

Встретившись однажды (или несколько раз), новые выражения постепенно вживаются в конгломерат языковой памяти говорящего субъекта. Процессы непосредственного опознавания и аналогического проецирования фрагментов языковой ткани находятся в непрерывном взаимодействии; конфигурации этих фрагментов все время меняются в представлении говорящего — меняются с каждым

конкретным опытом такого аналогического распознавания. Во многих случаях говорящий сам не мог бы определить, присутствует ли то или иное выражение в его памяти в качестве готового блока, либо является результатом легко опознаваемой, почти незаметной, но все же вторичной аналогической проекции. Сделать это различение часто оказывается невозможным хотя бы в силу того, что в тот самый момент, когда говорящий силится точно квалифицировать статус, который данная частица языковой ткани имеет в его сознании, объект его наблюдения — в самом процессе "переживания" его говорящим и в силу этого процесса — изменяет свой статус в фонде его языкового опыта. Это не отменяет, конечно, того, что в сознании говорящего всплывают многие фрагменты, которые он опознает (не обязательно — безошибочно) как заведомо ему уже известные или как заведомо вновь созданные.

Языковая память каждого говорящего формируется бесконечным множеством коммуникативных актов, реально пережитых и потенциально представимых. Каждая мысль, которую говорящий хочет выразить, уже при самом своем зарождении пробуждает этот цитатный мнемонический конгломерат, актуализирует некоторые его компоненты, которые почему-либо ассоциируются с образом зарождающейся мысли. Эти компоненты, в силу присущих им множественных ассоциативных связей, в свою очередь притягивают к себе другие языковые частицы, актуализируя их в сознании говорящего в качестве возможных ходов выражения его мысли (Гаспаров 1996:81).

Культура отражает формы мышления, ментальности, духовную деятельность индивидов и групп в искусстве, символах, ритуалах, языке, формах организации жизни и формирует универсальное поле взаимодействия образа мышления, практики и социальных институтов . Культурную память можно, следовательно, понимать как форму трансляции и актуализации культурных смыслов. Одновременно это и обобщающее название для всего «знания», которое управляет переживаниями, действиями, всей жизненной практикой людей в рамках общения и взаимодействия в социальных группах и в обществе в целом и которое подлежит повторяющемуся из поколения в поколение повторению и заучиванию. В этом смысле культурная память

отличается как от науки, так и от коммуникативной памяти, базирующейся на обыденном опыте индивидов и групп.

Коммуникативная память мало формализована, это, скорее, устная традиция, возникающая в интерактивном контексте человеческих отношений в повседневной жизни, — своего рода «живое воспоминание», существующее на протяжении жизни трех поколений: дети — отцы — деды. Ее недолговечность (всего 80-100 лет) и отсутствие общепризнанных «пунктов фиксации», связывающих ее с глубоким прошлым, в первую очередь отличают коммуникативную память от культурной.

Культурная память, напротив, формируется веками. Ее характеризует высокая степень формализации, и возникает она в поле церемониальной коммуникации. «Пунктами фиксации» или «объективированными формами» культурной памяти.

Культурная память обязательно связана с социальными группами, для которых она служит условием самоидентификации, укрепляя в них ощущение единства и собственного своеобразия. Она имеет «реконструктивный характер», т. е. имплицированные в ней ценностные идеи, степени релевантности, равно как и все транслируемое ею «знание о прошлом», непосредственно связаны с актуальной для настоящего момента ситуацией в жизни группы.

На современном этапе развития общества, полиязыковая ситуация в Грузии, в основании которой полиязычие, культура не одного народа становится важным механизмом гуманизации общественной жизни, человеческой культуры, в том числе и образовательных систем в условиях глобализации. Грузия сегодня – это качественный шаг, скажем, даже, скачок в развитии производительных сил, это прогресс во всех сферах жизнедеятельности человека. Полиязычие в Грузии способствует взаимопониманию и сотрудничеству народов, обогащению и развитию родных языков, повышению общей культуры человека. На всестороннее развитие жизненных сил личности существенно влияет знание не только родного языка, но и изучение других языков.

Процесс поликультурной социализации начинается с вхождения в культуру своего народа, с процесса формирования поликультурного воспитания, изучения

языков. Концепция языковой политики Грузии определяет русский и английский языки как основные источники информации по разным областям науки и техники, как средство коммуникации с ближним коммуникации с ближним и дальним зарубежьем

В завершении обзора научной литературы по проблемам этноментальности и поликультуризма необходимо подчеркнуть, что вслед за Б.А.Душковым и Пантиным, мы понимаем менталитет как «общую духовную настроенность, относительно целостную совокупность мыслей, верований, навыков», которая создает целостную картину мира имеющую языковое воплощение (языковая картина мира) и представляющую собой «своеобразную память народа о прошлом, психологическую детерминанту поведения». На протяжении длительной истории своего развития человечество убедительно продемонстрировало на многочисленных примерах, что народ остается верен своему исторически сложившемуся коду, в первую очередь, по нашему мнению, во дни тяжелых коллективных испытаний, таких как война.

Тесная связь этноментальности с языковым сознанием членов лингвокультурной общности превращает проблему полилингвизма и поликультуризма в ключ к решению проблемы национальной идентичности народов, которая находится в центре внимания современного европейского сообщества, стремящегося ко всеобщей глобализации и интеграции.

Глава II
КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

2.1. СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРИИ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

О памяти и способности помнить следует сказать, что она такое и по какой причине возникает и какой из частей души свойственно это состояние, равно как и состояние припоминания. Действительно, не одни и те же суть помнящие и припоминающие, но обычно лучшей памятью обладают медлительные, а легче припоминают проворные и сметливые. Поэтому, прежде всего надо рассмотреть, о каких предметах может быть память, так как люди часто заблуждаются относительно этого. Нельзя помнить будущего, ибо оно предмет мнения и предвидения (пожалуй, могла бы существовать даже наука, основанная на предвидении, каковой некоторые считают мантику); нет памяти и о настоящем, ибо оно постигается ощущением - мы ведь не познаем ощущением ни будущего, ни прошлого, но только настоящее. Память же есть память о прошлом. Никто не сказал бы, что помнит настоящее, когда оно налицо, как, например, вот это белое, когда я его вижу; или что он помнит умозримое, когда ему случится созерцать и мыслить, но он скажет, что первое он только ощущает, а второе — только познает. Когда же, не совершая никакого действия, он будет обладать знанием и ощущением, вот тогда он будет помнить, что одно выучил или видел мысленным взором, а другое - слышал или видел, или т.п. Ибо всякий раз, когда он действительно вспоминает, он как бы говорит в душе, что раньше уже слышал, ощущал или мыслил об этом. Поэтому память не есть ни ощущение, ни постижение, но - приобретенное свойство или состояние чего-то из них по прошествии времени. О настоящем же в момент настоящего нельзя помнить, как уже было сказано, но настоящее постигается ощущением, будущее - предвидением, а прошедшее -памятью. Значит, любая память - вместе со временем. И значит, помнят только те животные, у которых есть ощущение времени, причем помнят тем же, чем и ощущают (http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/Aristotle-de%20memoria.pdf).

Культурная память — феномен коллективный, но коллективные воспоминания являют собой отнюдь не простую сумму индивидуальных воспоминаний. Мысль о том, что коллективная память создается определенной социальной группой и в ее возникновении участвуют разные факторы, впервые была высказана Хальбваксом.

(Хальбвакс 2007:49). К таким факторам он относил, например сам процесс интерактивной коммуникации, традиции семей, особенно аристократических, где трепетно хранят память о славных деяниях и достоинствах великих предков, памятные традиции религиозных групп, например монашеских общин и т. п. Более того, даже память отдельных людей не в полном смысле «индивидуальна», ибо всякий индивид осознает себя членом определенной группы и «вспоминает» в контексте её памяти— память группы актуализируется в индивидуальной памяти её членов. Он в коллективной памяти подразумевал фактор, объединяющий группу поддерживающий ее идентичность. Места герои события воплощают группу тем самым обозначая ее сущность и специфику. Для поддержания чувства солидарности и единства, их нужно регулярно вспоминать. Поддержание идентичности требует ощущения непрерывности истории.

Коллектив, адаптируя новые явления и идеи, должен периодически проводить переинтерпретацию прошлого так, чтобы эффект новизны был утрачен и новое предстало продолжением исторической традиции. Поэтому прошлое постоянно реорганизуется в коллективной памяти.

Рубеж века двадцатого с веком двадцать первым стал важнейшей вехой в парадигме социально-гуманитарных исследований. Интенсивные процессы глобализации и интеграции актуализировали интердисциплинарные исследования коллективной культурной памяти, культурной идентичности.

В условиях перекраивания политической карты современной Европы создание социально-гуманитарной мемориальной парадигмы, осмысление своей культурной памяти, пересмотр тоталитарного прошлого способствует процессу демократизации, помогает процессу создания активного и ответственного гражданского общества.

Как общество строит свою сегодняшнюю жизнь и как оно продвигается вперед во многом зависит от осмысления прошлого культурного опыта. По мнению автора теории культурной памяти, Яна Ассманна, демократизация и осмысление прошлого – тесно связанные и взаимовлияющие процессы, лишь осознание ошибок прошлого

способствует созданию активного и ответственного гражданского общества (Ассманн 2004:86).

Мы живем в эпоху социальных бурь и потрясений: в свете изменившегося настоящего мы заново переосмысливаем наше прошлое, которое, в свою очередь формирует наше будущее.

Людей всегда интересовали причины того, почему народы так сильно отличаются друг от друга, почему представители разных этносов не только говорят по-разному, но иначе одеваются, празднуют, горюют и пр. В этнографической литературе под этносом (этнической общностью) принято понимать устойчивую совокупность людей, проживающих, как правило, на отдельной территории, имеющей свою самобытную культуру, включая язык, обладающую самосознанием (Бромлей 1983:44-45). Кроме того, в любой этнической группе людей сплачивают общие переживания, общие радости, общие беды, и это же противопоставляет их всем другим окружающим этническим группам, обладающих иным культурным наследием, хранящимся в коллективной памяти народа.

Древние греки с уважением относились к матери всех муз – Мнемозине (Памяти), противопоставляя ей Лету (Забвение). Общеизвестна сократовская метафора о куске воска (восковой дощечке), который хранит в наших душах отпечатки чувств. Когда отпечатки стираются – наступает забвение. По-своему понимают механизмы памяти величайшие представители греческой философской мысли – Платон и Аристотель, последний в своем трактате «О памяти и припоминании» излагает теорию памяти, по которой вспоминать – значит созерцать запечатленные в душе образы, заново испытывать чувственные импульсы (Аристотель 2004:162). Причем Лета не всегда властна над памятью: исключительные личности и важнейшие для всего народа события побеждают забвение.

Исследуя феномен памяти Ю.Е. Арнаутова отмечает, что в средние века латинский термин «memoria» обозначал память, которая формирует общество. «Memoria, как способность удержать знание о пережитом, о людях, умерших или отсутствующих, есть свойство человеческого сознания (mneme). Но это еще и само

воспоминание, точнее, вспоминание (anamnesis) – воспроизведение в сознании (в мыслях, в рассказе) событий и образов прошлого, а также те социальные действия, в которых это воспоминание манифестируется». Формы выражения memoria были самыми разнообразными: писали биографии, заказывали портреты и скульптуры умерших, возводили надгробия. Постепенно историки наряду с литургической стали выделять и другие формы memoria: историографическую, изобразительную, монументальную. Таким образом, memoria можно рассматривать как характерную для определенной эпохи форму мышления и действий, конституирующих отношения живых и мертвых (Арнаутова 2003:23).

Несмотря на несомненное господство историзма в XIX веке немецкий историк Иоганн Густав Дройзен обосновал очень важный тезис о том, что воспоминания есть сущность и потребность человека в обществе (Дройзен 2004:126), а в 1882 году философ культуры Э.Ренан в своей знаменитой речи «Что такое нация?» уточнил, что для существования нации необходимы как общие воспоминания, так и коллективное забвение определенных моментов прошлого.

В начале XX в. усилился интерес к памяти как к социальному явлению. Основатель французской социологической школы Э.Дюркгейм в процессе анализа тотемического культа первобытных австралийских племен, пришел к выводу, что для поддержания стабильности общества, для осознания солидарности и преемственности своей социальной группы, ее члены должны сохранять память о неких событиях, а какие-то определенные события должны организованно забывать, то есть феномен памяти/забвения в определенной степени регулируется обществом (Дюркгейм 1912:47).

Ученик Э.Дюркгейма, французский социолог Морис Хальбвакс, обосновал теорию коллективной памяти, исследуя ее социальные условия и связь между социальной групповой и коллективной памятью. В своей работе «Память и ее социальные условия» (1925). Хальбвакс продолжил тему воспоминаний и предположил, что история и память оппозиционируют друг к другу по отношению к прошлому и настоящему: история устанавливает различия между ними, а память сохраняет сходство между прошлым и настоящим. По мнению ученого, история на

протяжении столетий собирает документальные свидетельства, воплощающие более объективный образ прошлого, тогда как память искажает облик прошлого (Хальбвакс 2005:21).

Немецкий историк искусства Аби Варбург изучал природу и функции коллективных воспоминаний через произведения искусства и выдвинул теорию социальной памяти, в рамках которой интерпретировал произведения искусства как символы культуры, созданные в «определенном кругу» и манифестирующие «свою культурную идентичность» с ним в определенную эпоху (Арнаутова 2006:47).

Благодаря трудам этих ученых память перестала быть объектом изучения лишь естественных наук, в качестве социального феномена она была перенесена в культуру.

Настоящий «мемориальный бум» начался в восьмидесятые годы двадцатого столетия, когда появляется целый ряд работ, в которых память рассматривается как социальный, культурный, коллективный феномен, непосредственно связанный с национальной идентичностью. Классические работы: книга Йозефа Йерушалми «Помни: еврейская история и еврейская память» (1982), многотомный проект исследования французской памяти и идентичности под руководством Пьера Нора «Места памяти» (1984-1992), сборник статей «Изобретение традиции» под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рэнжера (1983 г.). Их дискуссия о степени пластичности памяти вылилась в «теорию политики памяти», в соответствии с которой политически доминирующие группы манипулируют образами исторического прошлого и внушают массам определенную концепцию истории, легитимизирующую их политические цели и господство. Подобный подход к механизмам социальной памяти созвучен с идеями М. Фуко о «контрпамяти» как форме сопротивления доминирующему комплексу «власти — знания» и с подходами представителей британской школы cultural studies (исследования культуры). В 1980-х годах исследования по этой теме проводились группой по изучению popular memory (массовая память) Центра современных исследований в Бирмингеме и касались в основном массовой памяти британцев о Второй мировой войне. В отличие от М. Фуко, подчеркивавшего абсолютный приоритет официального властного дискурса, бирмингемские исследователи отмечали

более сложный и диалектический характер взаимоотношений различных видов памяти (Васильев 2009:56).

В 1992 г. была опубликована работа египтолога Яна Ассманна, который развил идею М. Хальбвакса и А. Варбурга о памяти (коллективной, социальной), формирующей культурную идентичность общества. Анализируя египетскую, еврейскую, греческую культуры он разработал теорию культурной памяти, а также сформулировал основные задачи ее изучения новым научным направлением, названное им историей памяти. Ассманн выделял:

1) коммуникативную память (индивидуальную, групповую), охватывающую 80-100 лет и передаваемую от родителей детям и внукам;

2) культурную память, как форму трансляции и актуализации культурных смыслов, которые фиксируются в текстах, изображениях, постройках, обрядах и которая имеет своих профессиональных хранителей;

3) миметическая память – запоминание посредством подражательного повторения действий;

4) память «вещей» из повседневного быта, привязывающих людей к миру, в котором он живет (Ассманн 2004:45).

Ассманн противопоставляет историю и миф, историю фактов и историю памяти, ибо первая посвящена изучению событий, тогда как вторая – изучению воспоминаний о них. Актуальными проблемами коллективной национальной памяти, в частности, отношением общества к своему тоталитарному прошлому, занимается его супруга, немецкий филолог и культуролог Алейда Ассманн.

Коллективная память формирует символический универсум, очерчивающий границы общности. Эти знаки становятся знаками идентификации, отличительными маркерами «своих». Манипуляции памятью являются одновременно и манипуляциями с идентичностью.

Сегодня в связи с развитием мультикультуризма и глобализации актуальность этой проблематики не только возросла, но и получила новые теоретические измерения.

Несмотря на то, что в последнее время исследования социальной (культурной) памяти приобрели исключительно масштабный характер, вопрос об общих формах социальной организации культурной памяти, «грамматике памяти» оставался на периферии исследовательских интересов. Между тем рассмотрение этого вопроса совершенно необходимо для анализа различных форм политики идентичности, их сознательных и бессознательных изменений, конкретно-исторических способов манипулирования ими.

Память обладает способностью структурировать серии разрозненных событий в различные структурированные нарративы. Одно и то же событие при этом может приобретать разное значение, в зависимости от того, в какую сюжетную структуру оно оказалось включено. В этом процессе структурирования можно выделить определенную логическую последовательность. Во-первых, в зависимости от задач и ситуации сегодняшнего дня, выбирается временная перспектива. Группа может смотреть в более или менее удаленное прошлое. Таким образом, событие может попасть в то или иное повествование или же, напротив, быть из него исключенным. Так, событие получает значимость. Социальная общность находит в истории тех или иных предков, выделяет принципиально важные для идентификации группы исторические события или периоды.

Очевидно, что манипуляции с коллективной памятью являются наиболее эффективными стратегиями в области «политики идентичности», позволяющими создавать или, напротив, уничтожать определенные идентичности, манипулировать культурным многообразием. Как отмечает А.Г.Васильев, положение о том, что образ прошлого является социокультурным конструктом, а не данностью, сегодня практически никем не оспаривается. Проблемой является, однако, степень податливости этого образа к манипуляциям. А.Г.Васильев приходит к выводу, что культурная (социальная) память и идентичность тесно взаимосвязаны. Механизмы мемориализации и забвения играют важнейшую роль в формировании культурного ландшафта. При этом политика в области памяти и идентичности не может рассматриваться как абсолютно произвольное конструирование. Имеет место скорее

игра в рамках определенных структурных ограничений, устанавливающих пределы социально-культурному проектированию (Васильев 2009:68).

В нашем экскурсе в историю становления и развития теории культурной памяти четко прослеживается мысль о том, что человека всегда интересовали механизмы памяти/забвения, но этот интерес обострялся в период судьбоносных перемен в жизни социальной группы, этноса, целого региона, всего человечества. Любые катаклизмы, природные или социальные, меняли привычный уклад жизни и оставляли неизгладимый след в памяти современников, которые передавили эти воспоминания своим потомкам.

Особенно остро запечатлеваются в памяти травмы: чем страшнее и масштабнее событие, тем тяжелее травматический опыт, влияющий на судьбу потомков. А.Эткинд считает, что историческая травма продолжает жить, изживаться и переживаться выжившими (Эткинд 2004. №2:35).

Человечество пережило много кровавых событий, в его истории сменилась не одна социальная парадигма, но двадцатый век оказался наиболее насыщенным социальными потрясениями: первая мировая война, вторая мировая война с многочисленными лагерями смерти, Холокост, Хиросима и Нагасаки, война во Вьетнаме, многочисленные террористические акты второй половины двадцатого века, техногенные катастрофы. Не менее страшным был процесс становления социализма: революция 1917 года, гражданская война, раскулачивание, насильственная коллективизация, Голодомор, репрессии, насильственная депортация народов, Великая Отечественная война, длительная экономическая разруха и нищета, архипелаг Гулаг, межнациональные проблемы периода перестройки и все тот же мировой терроризм и техногенные катаклизмы.

Не удивительно, что рубеж века двадцатого с веком двадцать первым обострил проблемы осознания своего тоталитарного прошлого, усугубил травматический шок, актуализировал интердисциплинарные исследования механизмов коллективной памяти. Советская парадигма ушла в прошлое, но память о ней по-прежнему актуальна и продолжает оказывать влияние на настоящее и будущее, причем не только стран

постсоветского пространства, но и всего мира, что подчеркивает необходимость исследования механизма коллективной «памяти/забвения», в частности, механизма манипуляции коллективной памятью общества.

Процесс обновления социальной парадигмы на рубеже веков был ускорен еще и по причинам социально-экономического и технического характера: очередной виток технического прогресса, глобальные социально-экономические изменения общества в русле всеобщей глобализации, информационный бум, серьезные миграционные процессы конца XX в.- начала XXI в. – все это заставляет человеческую память мчаться в бешенном беге, не успевая фиксировать и осмысливать изменяющиеся обстоятельства. Молодые люди не успевают проникнуться осознанием своей принадлежности к национальному этносу, коллективная память детей столь резко отличается от коллективной памяти отцов, что встает проблема национальной идентичности.

Процесс социализации человека – это, прежде всего, процесс овладения культурной коллективной памятью, овладение тем символическим культурным кодом, который позволяет говорить о национально-культурной идентичности. Культурная коллективная память зафиксирована в многочисленных текстах, архивных материалах, произведениях устного народного творчества, мифах, в художественной и специальной литературе, в медиа-текстах, фотодокументах, кинофильмах, в произведениях изобразительного искусства и других видов искусства, в материальных памятниках, сооружениях и пр., в том числе и в языке. И опять встает вопрос о манипуляции коллективной памятью – одно и то же событие столь по-разному освещается и интерпретируется в средствах массовой информации, что подчас создаются полярно противоположные нарративы.

Ассманн понимает культурную память как непрерывный процесс, в котором всякая культура, всякое общество или общественная группа формирует и стабилизирует свою идентичность посредством реконструкции собственного прошлого, а прошлое не исчезает бесследно, как мы знаем. Оно не теряет связь с настоящим и часто, в какой-то мере, имеет влияние на него. В работе об интерпретации персоны

ветхозаветного пророка Моисея в контексте традиции воспоминаний о ней европейцев Я. Ассманн обосновал задачи и возможности изучения культурной памяти. В отличие от истории в "традиционном" смысле история памяти занимается не изучением прошлого как такового, а того прошлого, которое осталось в воспоминаниях — традиции, интертекстуальной сети континуитетов и дисконтинуитетов в литературе о прошлом. Она концентрируется на том аспекте значения или релевантности исторических артефактов, который является продуктом воспоминания о прошлом, будучи сохраненным в живой традиции или в текстах, т. е. в своего рода рецепции. Но прошлое, подчеркивает Я. Ассманн, не просто «реципируется" настоящим, а "открывается" им заново, "моделируется" в зависимости от обстоятельств в самом настоящем, так что гораздо продуктивнее говорить о "динамике воспоминания", чем о рецепции. Поэтому цель изучения "истории памяти" Ассманн видит не в том, чтобы вычленить "историческую правду" из существующей традиции, а чтобы проанализировать саму эту традицию как феномен коллективной или культурной памяти. Воспоминания могут быть неверными, фрагментарными или намеренно созданными, и в этом смысле они совсем не надежный источник для "объективных" фактов. То же самое касается и культурной памяти. Поэтому для изучающих ее историков "истинности" воспоминания заключается не в его „фактичности“, а в его „актуальности“: события либо продолжают жить в культурной памяти, либо забываются. Установить, почему то или другое событие продолжает жить в воспоминаниях, и есть самое важное, поскольку отражает его релевантность и специфику.В свою очередь, релевантность события обусловлена не «историческим прошлым», а постоянно меняющимся настоящим, удерживающим в памяти самые важные факты данного события, его смысл.

Разумеется, «история памяти» Я. Ассманна не является чем-то принципиально новым. На эвристическую ценность изучения вертикальных линий традиции и рецепции, «магистралей» культурной памяти и бродячих сюжетов обратил внимание еще А. Варбург в своих иконографических студиях. А М. Хальбвакс видел задачу современной ему исторической науки в «осмыслении неотрефлектированной

традиции», т. е. в изучении коллективной памяти. Ассманн же развивает свою концепцию «истории памяти» в аспекте принципиального ее отличия от «истории фактов». Без учета этого отличия история памяти может легко превратиться в историческую критику воспоминаний.

Процессы, происходящие в науках о культуре последних двух-трех десятилетий, привели к формированию новой парадигмы социально- гуманитарных исследований, связанной с понятиями «память», «воспоминание», «забвение», «ностальгия» в их социально-культурном измерении. Исследования коллективной памяти стали местом встречи социологов, историков, психологов, социальных (культурных) антропологов, литературоведов, специалистов в области теории массовых коммуникаций и т.д.

Соответствующее дискурсивное пространство и понятийный аппарат формировались постепенно. Для обозначения коллективного измерения памяти было предложено большое количество терминов - «коллективная память», «социальная память», «культурная память» и др. Их определения, а также соотношение понятий остаются предметом дискуссий.

Культурная память относится ко времени "истоков" и включает в себя "обосновывающие воспоминания", утверждающие законность и оправданность существующего порядка вещей. Культурная память предполагает устойчивые объективации, создание специальных носителей. Культурная память специально учреждается, искусственно формируется. Для её создания, хранения, трансляции в обществе создаются особые институты. Культурная память требует существования профессиональных носителей. Приобщение к культурной памяти специально организуется и контролируется этими специалистами. Усвоение культурной памяти требует желания и усилий со стороны обучающегося, поэтому овладение ею всегда социально дифференцировано. Одни члены социальной общности или же социальные группы причастны к ней в большей степени, чем другие. Культурная память имеет сакральную окраску, ей присуща приподнятость над уровнем повседневности. Воскрешение культурных воспоминаний осуществляется в ритуализированной форме.

Поэтому культурная память может быть определена как орган ритуально оформленного не повседневного воспоминания. Именно этот подход к пониманию вне индивидуальных аспектов памяти представляется нам наиболее адекватным для целей изучения культурной памяти в контексте формирования российской национальной идентичности и национальной идеи.

В настоящее время в мировой науке выделились основные принципы, в соответствии с которыми осуществляются исследования в рамках «мемориальной парадигмы». К их числу относятся следующие положения: понимание культурной памяти как процесса постоянного развёртывания, трансформаций и видоизменений:

1. восприятие культурной памяти как явления, для которого характерна нелинейная, не всегда однозначно предсказуемая, динамика развития;

2. признание исторического, изменчивого характера принятых в той или иной культуре мнемонических практик, позволяющее говорить о наличии различных «культур воспоминания», характерных для того или иного сообщества;

3. учет неразрывной связи, которая существует между культурной памятью и коллективными (в том числе и национальными) идентичностями, признание основополагающей роли культурной памяти для формирования социальной солидарности;

4. понимание глубокой вовлеченности сюжетов и образов культурной памяти в социальные конфликты различного уровня;

5. рассмотрение культурной памяти в связи с «местами памяти» и мемориальными ландшафтами, анализ топографии социально значимых воспоминаний;

6. учет избирательности, социальной распределённости и потенциальной конфликтности культурной памяти;

7. понимание того, что культурная память всегда является инструментом политики и используется социальными группами для достижения определённых целей, получения тех или иных выгод и преимуществ (Васильев 2012:20).

Анализ культурной памяти настоятельно требует введение понятия

«культурной амнезии», забвения в культуре. Память и забвение – двуединый процесс неотделимый от формирования и трансформаций коллективных идентичностей. Мемориализация, фиксация определенной информации культурой как значимой предполагает одновременное забвение другой информации. И наоборот, вытеснение одних элементов культурной памяти из активного употребления в область забвения предполагает выдвижение на передний план и мемориализацию других. В вопросах, касающихся забвения в культуре, данный исследовательский проект базируется преимущественно на подходах британских антропологов Э.Э.Эванса-Причарда и П.Коннертона.

Они позволяют говорить о том, что «культурная амнезия», забвение в культуре может носить как произвольный, так и непроизвольный характер. В первом случае мы имеем дело с намеренным разрушением и вытеснением определенных воспоминаний репрессивно-цензурными механизмами. Во втором случае речь идет о т.н. «структурной амнезии», специфических механизмах каждой конкретной культуры, направленных на закрепление одних видов информации и исключения других из поля внимания.

При анализе взаимосвязи памяти и идентичности (в особенности, если речь идет о современной российской ситуации) важно иметь в виду, что образы памяти имеют не только когнитивный, но и эмоциональный аспект. Причем последний неотделим от когнитивного и имеет не менее (а подчас и более важное) значение. Образы памяти всегда эмоционально насыщены, будучи «очищены» от конкретно-исторических деталей они выступают как мифологизированные образы добра и зла, носители социально значимых ценностей. Все это делает необходимым введение в понятийно-категориальный аппарат исследования понятия ностальгии в его социально- культурном измерении как тоски-сожаления о прошлом и оппозиционно-парного ему понятия рессентимента в культуре как навязчивого чувства злобы и ненависти к определенным историческим моментам.

Движущими силами процессов мемориализации и забвения в культуре являются точки разрыва исторического континуума. Они организуют мемориальное пространство, задают смысловые координаты событиям, помещая их в повествования

определенного типа. Такими точками- экстремумами являются триумфы и травмы коллективной памяти. Для анализа процессор формирования современной российской национальной идентичности в контексте «мемориальной парадигмы» концепт травмы является особенно эвристичным. Понятие культурной *травмы* данном проекте рассматривается в перспективе заданной такими ведущими современными американскими социологами, как Н. Смелсер и Дж. Александер. С точки зрения подхода Дж. Александера, травма имеет место тогда, когда члены социальной общности ощущают, что они подверглись воздействию ужасающего события, которое оставило неизгладимый след в их коллективном сознании, навсегда оставаясь в их памяти и изменяя их будущую идентичность самым фундаментальным и необратимым образом. Событие, которое может быть определено как культурная травма, - отмечает Н. Смелсер, - должно отвечать трём следующим признакам:

1) иметь негативное воздействие;

2) казаться непреодолимым;

3) рассматриваться как угрожающее самому существованию общества, или разрушительное для его фундаментальных культурных оснований (Дубин 2011:63).

В массовом сознании различных групп современного российского общества на роль таких событий могут претендовать и революция 1917 года, Великая Отечественная война, распад СССР в 1991 г., «шоковые реформы» 1990-х годов. При этом важно подчеркнуть, что то или иное событие само по себе не является травматическим. Травмой оно становится только в рамках соответствующей интерпретации, она должна быть интерпретирована культурой как таковая.

Социальное изменение, для того, чтобы быть потенциально травматичным должно быть быстрым и внезапным, радикальным и глубоким, экзогенным по происхождению, приходящим извне и делающим нас «жертвами, страдающими от того, что случилось с нами», обладать шокирующим воздействием, быть неожиданным и непредсказуемым.

Однако радикальные социальные изменения могут и не быть восприняты как травма. Социальный кризис лишь при определённых условиях может стать

культурной травмой. Статус травмы как таковой зависит от социокультурного контекста, в рамках которого данное событие или ситуация возникли. Для этого кризис должен быть соответствующим образом интерпретирован. Культурная травма возникает в результате «решения» социальных акторов воспринять определённые события как наносящие непоправимый урон их самоидентификации, ощущению своего места в мире и в исторической перспективе. Эта интерпретация совершается определёнными заинтересованными группами, обладающими «властью легитимной номинации», соответствующими интеллектуальными, материальными и организационными ресурсами, а затем уже передаётся широким слоям общества. В зависимости от количества и качества культурного капитала, социальные группы обладают различной степенью восприимчивости к культурной травме, различной степенью способности восприятия события как травматического и артикуляции своей позиции.

То же самое с соответствующими поправками можно сказать и о *триумфах*, запечатленных в культурной памяти сообщества. Победа 1945 года или полет Гагарина в космос, очевидно, относятся к числу таких триумфальных событий, организующих современную российскую идентичность.

Говоря об инструменталистско-конструктивистской перспективе рассмотрения культурной памяти и ее роли в формировании и поддержании национальной идентичности, мы неизбежно выходим на понятие *политики памяти*. Оно также является ключевым для данного исследовательского проекта, поскольку в современной России наблюдаются сложные процессы борьбы и взаимодействия различных политических сил, государства, ветвей власти, партий и движений по поводу интерпретаций прошлого в рамках конкурирующих проектов российской идентичности. Политика памяти понимается в таком случае как все виды интенциональных действий политиков и чиновников, имеющие формальную легитимацию, целью которых является поддержание, вытеснение или переопределение определенных элементов коллективной памяти.

2.2. Коммеморативные места и культурная память

В теории памяти важную роль играет понятие *коммеморативных мест*, составляющих особую область *коллективной (публичной) памяти.* Термин принадлежит П. Нора, который провел аналогию с *мнемоническими местами (правило мест),* составлявшими основу техники запоминания — *искусной памяти.* Была выстроена, таким образом, аналогия между античной теорией искусной памяти и современной историей.

Эта тема продолжает свое развитие в трудах, посвященных *культурной памяти.* Как отмечает Я. Ассман, немецкий египтолог, *искусство запоминания* работает с воображаемым пространством, *помнящая культура* — с расстановкой знаков в естественном пространстве. При этом пространства не столько размечаются знаками («памятниками»), сколько сами поднимаются в ранг знака, т. е. *семиотизируются.*

Я. Ассман различает также понятия *культурной* и *коммуникативной памяти. Коммуникативная память* охватывает воспоминания, связанные с недавним прошлым, например, память поколения. Она существует в модусе *биографического воспоминания,* опирающегося на социальное взаимодействие. *Культурная память* направлена на фиксированные моменты в прошлом. Она существует в модусе *обосновывающего воспоминания,* связанного с истоком или происхождением. *Обосновывающее воспоминание* опирается не на социальное взаимодействие, оно учреждается существующими в обществе социальными институтами, которые, в свою очередь, определяют набор фиксированных моментов прошлого. *Обосновывающие воспоминания* показывают явления настоящего в свете истории, которая делает их осмысленными, необходимыми и неизменными. Прошлое сворачивается в символические фигуры. Например, истории патриархов, исход—это *фигуры воспоминаний,* воскрешаемые с помощью праздников. К *фигурам воспоминания* также относятся мифы.

В отличие от *обосновывающих, контрапрезентные* воспоминания связаны с

ощущением недостатков настоящего по сравнению с прошлым. Прошлое при этом приобретает черты героической эпохи (Assmann 1988:84). (Ср. пример контрапрезентного воспоминания в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино»: *Ведь были люди в наше время Не то, что нынешнее племя, Богатыри — не вы). Контрапрезентные воспоминания* могут оказываться в опале, так как они релятивируют настоящее.

Поскольку *культурная память* может иметь форму ритуального знания, то, в отличие от *коммуникативной памяти,* ее носителями являются избранные: шаманы, барды, грио, жрецы, художники, писатели, ученые и т. д. *Культурная память,* согласно Я. Ассману, обладает свойством прочности, *коммуникативная память* — текучести (Ассман 2004:52).

*Я.*Ассман различает также *успокоительные* и *возбуждающие* элементы в историческом и культурном сознании и памяти. *Успокоительные элементы* «отвечают» за память о повторяющемся, регулярном, а не об уникальном и необычном. Наоборот, *возбуждающие элементы* фокусируют память на уникальном, особенном, передовом, новом (Ассман 2004:74).

В рамках исследования *культурной памяти* Я. Ассман рассматривает три взаимосвязанные темы: *воспоминание* — как обращение к прошлому; *идентичность* — как политическое воображение; *культурная преемственность* — как складывание традиции (Ассман 2004:15). Анализ политического воображения, таким образом, выступает как компонент анализа *культурной памяти.* Вырабатывая культуру памяти о прошлом, различные общества продуцируют собственные воображаемые образы совершенно по-разному. Центральной темой работы становится вопрос о том, как общества помнят себя и как общества через воспоминание «воображают себя».

Таким образом, проблема соотношения *памяти* и *воображения,* введенная в социальный контекст, становится также вопросом о способах, методах и мотивах конструирования памяти.

В этой связи правомерно сомнение Дж. Хартмана относительно того, можно ли *общественную память* вообще называть *памятью,* поскольку между *живыми*

воспоминаниями, характеризующими *личную память,* и политическими конструкциями, формирующими *общественную память,* существуют ощутимые различия. Эти различия обнаруживаются в разных типах отношений, связывающих *личную* и *коллективную память* с прошлым (Хартман 1999:262).

Коллективная память, в отличие от *личной,* не имеет физиологической основы. «Ее замещает в этом случае культура—комплекс обеспечивающего идентичность знания, объективированного в символических формах, таких как мифы, песни, танцы, пословицы, законы, священные тексты, скульптуры, орнаменты, живопись, дороги, и даже — как в случае австралийцев — целые местности» (Ассман 2004:95).

Усиливающееся отчуждение *общественной памяти* от *личной* и от *живого воспоминания* становится очевидным. Функции *памяти*, по мнению Дж. Хартмана, берет на себя *воображение*, способное реконструировать некое подобие существования тех вещей, которых в реальности нет. Иллюстрируя включенность *воображения* в *память*, он говорит о вымышленных историях и именах, которые благодаря силе искусства становятся частью жизни обычных людей. Возникает тенденция к «дереализации» т. е. к общему ослаблению чувства реальности (Hartman1999:264).

Дж. Хартман также ставит вопрос о доверии современного человека к *общественной памяти*, которая является отчужденным от реальности плодом конструирования и воображения.

Предотвращение попыток конструировать и реконструировать прошлое он считает этически важным, отмечая усиливающуюся тенденцию к «историзации» всего, которая характеризует современность. Это способствует забыванию в большей степени, чем воспоминанию. Кризис доверия, нехватка конфиденциальности спровоцирована страхом перед возможным слиянием с помощью силы медиа двух миров: мира видимостей и мира пропаганды (Hartman1999:267).

Исследование разных видов коллективной памяти в их отношении к воображению, политическому символизму, формам и способам мифологизации имеет некоторую аналогию с лингвистическим анализом внутренней формы языковых единиц, их этимологии, процессов метафоризации, реконструкции образного

основания фразеологизмов. Иными словами, методология и метаязык историков и философов памяти могут быть переведены на язык лингвистики.

Исследуемая посредством анализа архивных документов, устных рассказов *коллективная память* воплощается также и в языке, а именно: во фразеологизмах (устойчивых и воспроизводимых единицах); в эпонимах; в формах и способах употребления слова-концепта *память* в текстах разных типов дискурса.

В дальнейшем мы будем различать *личную* и *коллективную память,* а также *коллективную* и *общественную память. Коллективная память* употребляется здесь в двух значениях: 1. ‘такая, которая не является личной’; 2. ‘такая, которая относится к разным социальным группам (семья, школьные товарищи, сослуживцы и др.). *Общественная память* соотносится с *народной памятью* и связана в первую очередь с коммеморативными практиками.

Уничтожение *памятной вещи* или *объекта коммеморации.* Осуществляются действия (предание огню, разрушение, соскабливание портретов и др.), в результате которых *памятная вещь* или *объект коммеморации* бесследно исчезают и не подлежат восстановлению.

Уже Тацит писал: «Вместе с языком мы утратили бы и самое память, если бы забвение было также в нашей власти, как молчание». «Диктатура, — комментирует это место Г. и Г. Кансик, — разрушает язык, память и историю» (Ассман 2004:91).

Уничтожение памяти о прошлом активно проводилось в сталинской России (строительство *нового мира на обломках старого*), в нацистской Германии. При тоталитарных режимах уничтожалась не только вещь, подлежащая вычеркиванию из общественной памяти, но репрессии мог подвергаться и хранитель памяти о знаковой вещи.

В повседневных практиках часто после резкого разрыва отношений уничтожают фотографии. Например, одна женщина после развода своей дочери вырезала из всех семейных совместных фотографий изображение зятя[8]. Пустота (купюра) приняла очертания бывшего зятя.

Удаление из внешнего (обозримого и — реже слышимого) пространства

памятной вещи или *объекта коммеморации.* Целенаправленное уничтожение при этом не проводится. Вещи выбрасывают, их передаривают и т. д. *Вещь* или *объект* при этом могут быть восстановлены.

К данному типу действий можно отнести также записывание портретов официальных лидеров: по старому изображению пишется портрет новой знаковой фигуры. Вслед за сменой власти происходит смена портретов.

Как удаление из внешнего пространства можно рассматривать также цензурные *фигуры умолчания:* а) запрет на *упоминание и цитирование* определенных авторов; б) *купюры* в учебниках истории, в биографиях известных людей и т. д. К *фигурам умолчания* можно отнести и отсутствие среди русских царей изображения Ивана Грозного на *Памятнике Тысячелетию России,* установленном в Великом Новгороде. По просьбе новгородцев изображение Ивана Грозного не воспроизведено на памятнике. Это было сделано как наказание, в память о его походе на город, унесший жизни большого числа горожан.

В современном варианте удаление из внешнего пространства достигается командой «delete», с помощью которой, например, вычеркивается имя из размещенного на сайте списка сотрудников учреждения.

В повседневной практике смена возлюбленного/возлюбленной может быть обозначена с помощью замен фотографии (на рабочем столе, в кабинете и т. д.).

Удаленное хранение *памятной вещи* или *объекта коммеморации. Вещь* или *объект* изымаются из ближнего и помещаются в дальнее, обычно закрытое пространство, в котором они невидимы и, следовательно, не вызывают воспоминаний, не напоминают. Они хранится как *свидетельства личной, коллективной*, *общественной истории.*

Подвергшиеся репрессивному удалению вещи сдаются в секретный архив, доступ к которому строго ограничен (общественная память). Вещи, относящиеся к личной или коллективной (семейной) памяти, складываются куда-нибудь (в сундук, на чердак, на антресоли). Там они *пылятся, желтеют, выцветают* и т. д., утрачивая связь с актуальным настоящим.

Удаленное хранение согласуется с психоаналитическими понятиями *вытеснения* и *предсознательного.* Предсознательные представления, согласно 3. Фрейду, соединены со словесными представлениями, которые являются остатками воспоминаний и которые, как все остатки воспоминаний, могут быть снова осознаны. Жан-Франсуа Лиотар похожим образом интерпретирует молчание, полагая, что вопрос трансформации молчания во фразы связан с вопросом первоначального вытеснения (Лиотар 1999:100).

Вещи, подвергшиеся удаленному хранению, сохраняют свойство оживлять воспоминания, порождая тексты о прошлом. Метафорические словосочетания: *копаться, рыться, перебирать что-либо в памяти,* — поддерживают ассоциативную связь между воспоминаниями, которым предается человек и перебиранием вещей (в сундуке, на чердаке, на антресолях), карточек в картотеке и т. д.

Переименование *памятной вещи* или *объекта камеморации. Вещь* или *объект* оказываются как бы спрятанными под другим именем. Переименование означает стирание памяти о прошлом. Например, *Санкт-Петербург* в патриотических целях был переименован во время Первой мировой войны (1914 г.) в *Петроград* — стирание памяти о немецком корне в названии города. После смерти В. И. Ленина (1924 г.) — в *Ленинград* — стирание памяти о *святом Петре* и о *Петре I,* увековечивание памяти о *В. И. Ленине.* В русле общих процессов демократизации городу было возвращено историческое имя (1991) — стирание памяти о *В. И. Ленине,* актуализация в общественной памяти имен *святого Петра* и *Петра I.*

Замена имени на номер, практиковавшаяся в тюрьмах и концлагерях, также является актом переименования. С одной стороны, это обезличивает, с другой — стирает память о прошлом, о прежней жизни.

Политику забвения, осуществляемую посредством элиминирования из общественной памяти объектов коммеморации, можно рассмотреть на примере политики, проводимой в отношении церквей и церковных строений в бывшем СССР: часть была полностью разрушена; другая — перестала функционировать, была заброшена и медленно разрушалась; третья — перестав функционировать, сохранила

свой первоначальный вид, например, у большинства церквей в Пскове был замурован вход, но с целью сохранения исторического облика города их подновляли и не давали разрушаться. Некоторые церкви были частично перестроены и отданы под музеи, больницы, санатории, клубы и другие общественные учреждения. В первом случае речь идет об уничтожении, во втором—об удалении из внешнего пространства (прекращение функций, частичное разрушение), в третьем — об удаленном хранении (прекращение функций), в четвертом — об удаленном хранении и переименовании.

Как отмечает С.Г. Филиппова, интертекстуальные включения маркируют авторскую интенцию и «составляют часть интерпретационной программы художественного текста, т.е. являются сигналами адресованности» (Филиппова 2008: 11).

Важнейшей функцией интертекстуальности, по нашему мнению, в ряду других функций (суггестивная, стилеобразующая, индуктивная, когнитивная, ассоциативно-образная, фасцинативная, прагматическая и др.), является текстообразующая.

Как известно, интертекстуальность - универсальный семиотический закон, работающий в многомерном интертекстуальном пространстве гипертекста (мегатекста).

Выше приведёнными толкованиями термина «интертекстуальность» нельзя ограничится, в силу её многомерности. Это видно и из того толкования интертекстуальности, которое даёт Н.В. Петрова: «под интертекстуальностью понимаются формообразующие и смыслообразующие взаимодействия различного рода дискурсов, вербальных и невербальных текстов» (Петрова 2005:2). Этой своей гранью интертекстуальность примыкает к дискурсивной лингвистике, что ещё раз подтверждает наш тезис о её многополярности и поднимает проблему интердискурсивной интертекстуальности.

2.3. Нация и национальная идентичность

Концептуальная связка памяти и идентичности как на индивидуальном, так и на коллективном (в т.ч. и национальном) уровнях является общепринятым положением «мемориальных исследований». Неразрывность памяти и идентичности отмечалась

ещё Дж. Локком, который писал о том, что во всех случаях, когда мы теряем из виду своё прошлое Я, возникает сомнение, являемся ли мы тем же самым мыслящим существом.

Идентичность поддерживается памятью. Коллективная память о совместном прошлом – основа идентификации группы, выражение коллективного опыта, объединяющего группу, объясняющего ей смысл её прошлого, причины нынешнего совместного бытия и определяющего надежды на будущее. Однако между памятью и идентичностью существуют отношения взаимозависимости. Не только идентичность укоренена в памяти, но и память зависит от присвоенной себе идентичности.

Идентификация – одна из основных (наряду с легитимацией) функций коллективной памяти. Понятия памяти и идентичности неотделимы друг от друга. Любая идентичность, как индивидуальная, так и коллективная, связана с ощущением длящегося во времени бытия индивидуального или коллективного субъекта. Как на индивидуальном, так и на коллективном уровне - расстройство памяти немедленно сказывается на самоидентификации. Манипуляции памятью являются одновременно и манипуляциями с идентичностью.

Сознание совместного прошлого сплачивает группу эмоционально. Как отмечает выдающийся польский исследователь, специалист по социологии памяти, Б. Шацка, в социальных общностях давность времени является одним из элементов, имеющих сакрализирующую силу. Долгое прошлое как бы удостоверяет право на существование. Память поддерживает коллективную идентичность также тем, что она сохраняет и передаёт ценности и образцы поведения. Коллективная память удерживает образы событий и лиц с отчётливой позитивной или негативной окраской. Они превращаются в лишённые нюансов и полутонов символы идентичности группы, обладающие повышенной резистентностью к исторической критике. Они помогают давать определения текущим ситуациям и выбирать модели реагирования.

Коллективная память формирует символический универсум, очерчивающий границы общности. Эти знаки становятся знаками идентификации, отличительными маркерами «своих».

Особенно очевидной эта взаимозависимость памяти и идентичности становится в эпохи радикальных социально-политических трансформаций наподобие тех, которые Россия пережила в период 1917- конца 1920-х и в конце 1980-х - начале 1990-х годов. Тогда возникает ощущение разрыва исторической преемственности, освобождение от прошлого, желание построить новую страну и новое общество «с чистого листа», заявить о том, что «проклятое прошлое» не имеет к «нам» сегодняшним никакого отношения, что наша история начинается сегодня с «Первого дня Первого года». Однако энтузиазм быстро сменяется «ужасом пустоты» и желанием вновь соединить историческую ткань. На практике это приводит к переформатированию памяти о прошлом в соответствии с новым самосознанием.

Исследование роли культурной памяти в процессах современного российского нациестроительства предполагает тщательный анализ советского опыта в этой области и современны тенденций российской национальной политики. При этом важно иметь в виду, что советский опыт национальной политики был основан на этнокультурном понимании нации, заимствованным И. В. Сталиным у теоретиков австромарксизма и ставшим основой советской национальной политики. Нация здесь понимается как высшая форма этнической общности, основанная на общности языка, территории, экономической жизни, психологического склада и культуры. Исходя из этого, в советском законодательстве говорилось о «многонациональном» советском народе. Перешло это понимание и в современную Конституцию РФ, где российский народ также определяется как «многонациональный». Вместе с тем, с 1990-х годов в современном российском политическом лексиконе, в языке средств массовой информации и в политической практике утверждается иное, гражданско-политическое понимание нации характерное для Франции, Великобритании, США и других западных стран. В таком случае нация определяется как как "согражданство" по принципу "одно государство - одна нация". При этом политическая нация может включать в себя многие этнокультурные традиции, связанные с происхождением человека или группы. В таком случае, российская нации - многоэтничное по составу образование, основными признаками которой являются территория и гражданство.

Россияне в таком случае могут быть полиэтничной, но не «многонациональной» общностью людей. Если территориальная нация основывается в первую очередь на общем законодательстве и политических институтах, то этническая нация во главу угла ставит культуру, язык, веру. Каждая нация содержит черты как этнической, так и территориальной. В разные периоды истории в одной и той же стране может преобладать представление о нации как гражданском сообществе или наоборот как общности по языку, происхождению и культуре. В настоящее время в России происходит выбор доминирующего вектора национальной политики, причудливое и подчас противоречивое сочетание разновекторных тенденций этнического или гражданско-политического нациестроительства. Во всяком случае очевидно, что советской опыт политики памяти, направленный на интеграцию этно-региональных традиций в общесоветскую идентичность, а также современные тенденции формирования российской нации в полиэтничной и поликонфессиональной России, заслуживают самого пристального внимания и анализа с позиций современных подходов изучения национализма и «парадигмы памяти».

Важно иметь в виду, что процессы формирования современной российской культурной памяти и национальной идентичности происходит в контексте процессов глобализации. Распространение новых электронных медиа и глобальных СМИ, реальное превращение мира в «глобальную деревню» создают совершенно новый контекст, радикально отличающийся от того, в котором протекали процессы классического нациестроительства XVIII-XIX веков. Речь идет о появления нового феномена глобальной памяти. Для обозначения этой новой формы коллективной памяти предлагается преимущественно два наименования - «космополитическая память» (Д.Леви, Н.Шнайдер) и «транснациональная память» (А.Хуиссен). Складывающийся нарратив этой глобальной памяти существенно отличается по своему содержанию от традиционного национального нарратива. На смену «героической памяти» победителей пришла «память жертв». Национальная память концентрировалась преимущественно вокруг образов великой государственности,

побед, завоеваний, выдающихся культурных достижений и их распространения в ходе выполнения цивилизаторской миссии. Глобальная память, напротив, тяготеет к поражениям, страданиям, образам вины и несправедливости. Происходит «космополитизация» Холокоста, превращения его в модель организации (пост) современной глобальной памяти вообще, в мировое «место памяти». Поэтому многие государства переформатируют свою национальную память в соответствии с этой глобальной моделью «памяти жертв и страданий». Желание России сохранить на уровне национальной идентичности героически-победный нарратив великой державы выводит ее за рамки этой глобальной тенденции и естественным образом делает объектом критики и претензий с самых разных сторон.

Глобализация - противоречивый процесс. Как подчёркивал создатель теории культурной глобализации Роланд Робертсон, она всегда сопровождается локализацией, т.е. имеет место глобализация. Это не просто возрождение забытых или подавленных некогда традиций. Это – новое конструирование новых локальностей в новом глобальном контексте. Собственная идентичность, культурная знаковость становится в ситуации глобализации дефицитным ресурсом, объектом борьбы. Важнейшей составной частью этой борьбы является отстаивание собственных особых локальных версий прошлого. Таким образом, одновременно с приданием глобального статуса конкретным событиях идёт и обратный процесс – формирования локальных нарративов о глобальных явлениях истории.

Постмодернистский проект подверг тотальной критике «великие повествования» эпохи Модерна. Исчезновение монологов привело к возникновению множества малых и мельчайших историй. На смену «официальной истории» пришло многообразие нарративов. Современные общества превращаются в сообщества «групп памяти». Денационализация памяти и стремление противопоставить унифицирующей глобализации новые идентичности, фрагментация групп интересов, а также распространение политики защиты прав меньшинств, всё это ведёт сегодня к нарастанию волны «сакрализации памяти». Таким образом, анализ современных стратегий нациестроительства и политики памяти должен учитывать это двойное

давление, которое национальная идентичность и национальная память испытывают как со стороны глобализационных процессов, так и со стороны новых нарративов локальной памяти. Поэтому перед российской национальной политикой памяти стоит актуальная и нуждающаяся в научном сопровождении и аналитике задача согласования и определенной интеграции локальных вариантов памяти в общенациональную картину. Современный толковый словарь русского языка (Кузнецов 2001:483) отмечает пять значений, выделяет два подзначения и приводит двадцать один фразеологизм.

Память воспроизводит социальные символы даже вне социальной ситуации. Сохранение / оживление в памяти социального символа или идеологического клише (в данном случае Ленин, несущий бревно на субботнике — репродукция этой картины часто воспроизводилась в учебниках истории, в разделе, посвященном первому коммунистическому субботнику, а также в книгах рассказов о Ленине) означает оживление общественной социокультурной памяти, инкорпорированной в область личной памяти. Образы личной памяти в этом случае получают социокультурную коннотацию.

При рассмотрении понятия «интертекстуальность» следует учитывать, что существует две её стороны: читательская (исследовательская) и авторская. С точки зрения читателя, как показывает в своей работе Н. А. Фатеева, интертекстуальность представляет собой установку на более углубленное понимание текста или разрешение непонимания за счёт установления многомерных связей с другими текстами (или внутри одного текста). С точки зрения этого автора, интертекстуальность - это способ порождения собственного текста и своего «Я» (Фатеева 1997: 322).

В этой связи говорят о существовании автоинтертекстуальности.

Предшествующие тексты, фрагменты которых находят своё повторение в последующих текстах, в текстолингвистике стали называть прецедентными текстами.

Проблема прецедентности, как часть теории интертекстуальности и как самостоятельная теория, также достигла высокого исследовательского уровня и обширного объёма знаний.

Проблема прецедентности, зародившись в парадигме текстолингвистики, тесно связала последнюю и с лингвокультурологией. Лингвокультурология, в свою очередь,

связала проблемы прецедентности и интертекстуальности с лингвокогнитивными исследованиями языковой картины мира и с концептологией. Это объясняется тем, что когнитивная языковая /речевая/ коммуникативная/дискурсивная личность, создавая свой собственный текст, воспроизводит свои или чужие тексты сообразно своему мировоззрению, эмоциональному лексису (Шаховский 2002:37) и эмоциональному интеллекту. Тексты такого рода репрезентируют индивидуальную картину мира креативной личности.

Теперь уже никем не оспаривается коммуникативная природа текста, т.е., что текст является единицей коммуникации, а также то, что текст не отображает мир, а лишь его интерпретирует, в том числе, и через отсылки к предыдущим интерпретациям или их фрагментам.

Важнейшей функцией интертекстуальности, по нашему мнению, в ряду других функций (суггестивная, стилеобразующая, индуктивная, когнитивная, ассоциативно-образная, фасцинативная, прагматическая и др.), является текстообразующая.

Как известно, интертекстуальность - универсальный семиотический закон, работающий в многомерном интертекстуальном пространстве гипертектса (мегатекста).

Выше приведёнными толкованиями термина «интертекстуальность» нельзя ограничится, в силу её многомерности. Это видно и из того толкования интертекстуальности, которое даёт Н. В. Петрова: «под интертекстуальностью понимаются формообразующие и смыслообразующие взаимодействия различного рода дискурсов, вербальных и невербальных текстов» (Петрова 2005: 2). Этой своей гранью интертекстуальность примыкает к дискурсивной лингвистике, что ещё раз подтверждает наш тезис о её многополярности и поднимает проблему интердискурсивной интертекстуальности.

Получается, что к тем категориям текста, которые выделяют И. Р. Гальперин З. Я. Тураева и другие лингвисты, с позиций современного уровня знаний, можно безоговорочно причислить и интертекстуальность как текстовую категорию.

Для теории интертекстуальности ключевыми (знаковыми) являются такие терминопонятия как «общий культурный код», «общая когнитивная база», как для

одноязычных, так и для разноязычных коммуникантов (ср., например, универсальное для всего человечества знание об Иисусе Христе и национально-специфическое о боярыне Морозовой и др.).

Общие знания вертикальны и имеют разную глубину своих когнитивно-культурных пластов. Язык осуществляет межпоколенную связь этих знаний, не только аккумулируя их, но и выстраивая знаниевую вертикаль. Именно язык является главным ключом к этим знаниям для каждого следующего поколения, который открывает кладовую знаний, хранящихся на определённом пласте истории. Межпоколенная связь этих общих знаний не должна прерываться. И при эволюционном развитии она не прерывается. А в случае революционного взрыва происходит отрыв одного поколения от предыдущих. В таких случаях обычно говорят о поколении «иванов, не помнящих родства». Нечто аналогичное наблюдается сейчас в языковом сознании и коммуникативном поведении современных российских подростков, для которых имена Чапаева, Ленина, Пушкина и др., а также события «Великая Отечественная Война», первый полёт в космос и имя Гагарина ничего не значат, т.к. у этого поколения отсутствуют общие с современным старшим поколением культурные знания, что усугубляет проблему отцов и детей в коммуникативном плане.

Базовый культурный пласт советского периода, так же как базовый культурный пласт дореволюционной России и все прочие культурные пласты, транслируются по культурной вертикали времени лишь фрагментарно. Поэтому современному журналисту, писателю, учителю и вузовскому преподавателю - хранителям, носителям таксонов культуры - необходимы особый талант и коммуникативное мастерство, чтобы своими речевыми произведениями вызывать / индуцировать фрагменты базовых культурных знаний.

Интертекстуальные вкрапления в совокупности составляют общие знания определённого этноса. Эта совокупность знаний называется когнитивной базой всех коммуникантов данной общности как аддитивный компонент универсальной когнитивной базы мирового / общечеловеческого языка. Вкрапления, входящие в

последующие тексты, становятся интекстами, ключом к пониманию которых выступает культурный код.

Уже более никем не оспаривается положение о том, что язык отражает культуру и транслирует ее из одной языковой среды в другую, о том, что язык осуществляет межпоколенную лингвокультурологическую связь и что сам язык является таксоном культуры, поскольку язык и культура являются двумя семиотическими кодами (Шаховский 2006: 2).

При всём расхождении определений понятия «культура» современная наука уже не отрицает того, что культура является продуктом многовековой, многослойной деятельности, беспрестанно развивающейся и меняющей свою конфигурацию в зависимости от изменяющихся форм осознания человеком мира, которая облигаторно инкорпорирована во все языковые знаки, в том числе фразеологические (Шаховский 2006: 5).

Наиболее полным мы считаем определение, приведённое В. Н. Телия: «культура - это результат восприятия мироздания как лона собственного человеческого бытия, творимого человеком в процессе его жизнедеятельностного опыта - трудовых практик, знаний, социальных отношений, религий и фантазий» (Телия 2006: 776).

Любое словесное творчество и, прежде всего, художественное, может служить полигоном для вытягивания на поверхность содержимого культурного кода русского языка (Шаховский 2007: 10).

Все прецедентные имена, события, факты, явления хранятся в этнической или мировой культурной памяти в виде свёрнутых номинаций, например, «30 сребреников», «Павлик Морозов», «Понтий Пилат», «рыцари-псы», «Мамаево побоище», «королева-мать Виктория» и др. Одним из наиболее ярких примеров таких кодовых ключей к всемирной культурной памяти общечеловеческому знанию является имя Понтия Пилата.

А.В. Суперанская в своей монографии «Общая теория имени собственного» отмечает, что «ономастическое пространство состоит из множества онимических полей, которые отражают существующую у данного народа модель мира в конкретное время»,

но так как языковая картина мира обусловлена историей, культурой, жизненным опытом данного этноса, то в ономастическом пространстве в той или иной степени всегда отражаются элементы прежних эпох (Суперанская 1973:37).

По мнению В.Б. Касевича, картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем оказывается в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария; с помощью последнего создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом. Иначе говоря, возникают расхождения между архаической и семантической системой языка и той актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива и проявляется в порождаемых им текстах, а также в закономерностях его поведения (Касевич 2001:71).

Вслед за В.Б. Касевичем мы считаем, что в каждый судьбоносный для этноса период (войны, захват территорий, социальные революции, научно-технические революции, природные катаклизмы и пр.) происходят изменения в языковом воплощении картины мира, ее обновление, причем в разных общественно-политических условиях этот процесс протекает по-разному. Более того, исследования динамики грузинской концептуальной системы позволяют утверждать, что помимо объективных обстоятельств, вызывающих обновление отдельных подсистем национальной языковой картины мира, иногда наблюдается искусственное ускорение данного процесса, то есть имеет место сознательное манипулирование коллективной культурной памятью, выработка соответствующей языковой политики.

Как отмечает М. Арошидзе: «Многослойный пирог» грузинской национальной культуры впитал в себя и этническую культуру этого древнего народа, и общечеловеческие культурные ценности, так или иначе, в большей или меньшей степени, в ней отражены и культурные концепты завоевателей (персы, арабы, турки-османы, монголы и пр.), и культурные концепты, сформированные в период тесных русско-грузинских взаимоотношений.

Аджария является одним из уникальнейших уголков Грузии, именно отсюда в Грузии началось распространение христианства благодаря деятельности святых апостолов. Представленная большим количеством субэтносов в отдельных царствах и княжествах (фактор Отчизны) грузинская нация сумела сохранить национальное единство во многом благодаря единой православной церкви (фактор веры). Великий грузинский писатель и общественный деятель, Илья Чавчавадзе, подчеркивал значимость и взаимозависимость трех важнейших факторов национального единства, которые выразил в весьма лаконичной формуле: *Язык. Отечество. Вероисповедание*.

Но в конце XVI - начале XVII вв. в Аджарии, находящейся под игом Османской империи, повсеместно насаждается ислам, в страшных мучениях гибнут самоотверженные христиане. Став частью Османской империи, жители Аджарии утратили вероисповедание своих предков, изменилась государственность, поэтому обострилось трепетное отношение к родному языку. Не удивительно, что в аджарском диалекте грузинского языка в период османского владычества были законсервированы и поэтому сохранились языковые нюансы, утраченные грузинским литературным языком (Арошидзе 2015:7).

Видоизменения и трансформация этнонимов:

картвели, грузины, ачарели, грузины-мусульмане, гурджи.

До Русско-турецкой войны 1877-1878 годов наш регион именовался в русских источниках «Турецкой Грузией», в отличие от «Русской Грузии», которая начиналась за Кобулети от поста Св. Николая, расположенного на границе современной Гурии и Аджарии. Местные жители описывались как «воинствующие грузины-мусульманы».

Турки-османы называли Грузию – Гурджистаном, а жители Грузии были для них - *гурджи.* Наш регион, ставший в составе Османской империи отдельным вилайетом, получил название - *Аджаристан*, но жителей по-прежнему именовали - *гурджи.* В настоящее время в составе Турции находятся исторические грузинские земли, коренные жители которых были в свое время отуречены, получили турецкие имена и фамилии, также как и потомки мухаджиров, переселившихся в Турцию по конфессиональному признаку, все они и сегодня называются *гурджи*, и сами себя

именуют - *гурджи*, но с уточнением – *гурджи цармошобит* (что означает – грузин по происхождению).

Сами жители Аджарии воспринимали себя *грузинами (*т.е *картвели)*, но чаще употреблялся термин, обозначающий субэтнос – *ачарели* (наряду с наименованиями соседних субэтносов: *гурули, имерели, кахели* и пр., очень четкую фиксацию которых мы находим в грузинском фольклоре, в том числе и в таком популярном виде современного городского фольклора, как анекдот). После разгрома Османской империи в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. мусульманская Аджария воссоединилась с христианской Грузией и на первый план выступил фактор веры, произошло расширение значения этнонима *аджарец* и он стал обозначать «коренного жителя Аджарии – мусульманина» (при том, что коренные жители Аджарии – христиане не идентифицируют себя как аджарцы). Термин турецкого происхождения Аджаристан оказался столь употребительным, что после присоединения Аджарии к Грузии, и даже позже, после советизации Грузии, наш регион все еще назывался – *Аджаристан*, точнее *Советский Аджаристан.* В Российском государственном архиве Военно-морского флота даже сохранились сведения о каконерской лодке Черноморского флота «Красный Аджаристан» - 1922-1930 годы (РГАВМФ фонд Р-379).

Грузинские писатели и поэты, известные общественные деятели проводили разъяснительную работу среди местного населения, чтобы термин *аджарец* не был противопоставлен этнониму *грузин*, несмотря на это после советизации региона была попытка зафиксировать национальную принадлежность всех местных жителей с помощью этого термина (по свидетельствам респондентов, которые хранят старые дедовские документы, даже выдавались паспорта, в которых в графе национальность было вписано – *аджарец).* Но идейно-просветительская деятельность дала свои плоды, и в итоге, этническая принадлежность населения нашего региона была определена как *грузины.* Попытка расширения термина не удалась, и в настоящее время данный термин вновь подвергается частичной трансформации: дело в том, что в 80-ые годы двадцатого столетия грузинский народ вновь «нашел дорогу к храму» после долгой полосы безверия. Так называемая вторая христианизация Аджарии приобрела большой

размах не только на волне национально-освободительного движения, не только в результате активной деятельности грузинской православной церкви, но и благодаря тому, что в народе все еще сильна была коммуникативная память об истинной вере предков. Она передавалась от поколения в поколение и даже в условиях господства Османской империи находила свое выражение в традициях местного населения (женщины ставили крест при выпечке кукурузных лепешек *мчади*, вязали изделия из шерсти, в которых всегда создавался крест и пр.). Поэтому сегодня у нас очень много христиан, но они продолжают считать себя аджарцами (сужение термина – показатель коренного жителя), хотя коренные жители нашего края по-прежнему не идентифицируют себя с аджарцами (Арошидзе 2015:8).

Память о своём прошлом помогает людям лучше и глубже понять настоящее, осознать свои взаимоотношения с другими народами, яснее представить себе возможное будущее. Особенно мощно консолидирующая и вдохновляющая роль социальной памяти проявляется в периоды резких перемен в жизни общества, в моменты опасности для существования нации. В таких ситуациях политики и государственные деятели часто апеллируют к ярким эпизодам из прошлого своего народа для того, чтобы сплотить и воодушевить сограждан, напомнив им о славных деяниях предков. В трудные моменты истории социальная память народа оказывается источником духовной силы и патриотического воодушевления всего населения.

Завершая анализ теорий памяти (культурной, коллективной, общественной, неофициальной и пр.), хотелось бы отметить, что в нашей работе мы исходим из основных положений теории культурной памяти Яна Ассманна, воспринимая ее как непрерывный процесс, в котором всякая культура, всякое общество формирует и стабилизирует свою идентичность посредством реконструкции собственного прошлого, причем прошлое не теряет связь с настоящим, а в какой то мере влияет на него. Феномен коллективной или культурной памяти в понимании Ассманна, обогащен идеей М. Фуко о существовании официальной и неофициальной памяти. Сам же концепт «память» неотделим от «забвения», наше восприятие которого базируется на подходах британских антропологов Э.Э. Эванса-Причарда и

П.Коннертона, которые ввели понятия *«культурной амнезии», забвения в культуре*. Отсюда, мемориализация, фиксация определенной информации культурой как значимой предполагает одновременное забвение другой информации. И наоборот, вытеснение одних элементов культурной памяти из активного употребления в область забвения предполагает выдвижение на передний план и мемориализацию других. Именно этот механизм «памяти/забвения» лежит в основе концепции А.Г. Васильева, который считает, что манипуляции с коллективной памятью являются наиболее эффективными стратегиями в области «политики идентичности», позволяющими создавать или, напротив, уничтожать определенные идентичности, манипулировать культурным многообразием. Следовательно, образ прошлого является социокультурным конструктом, а не данностью, различающимся в разных социумах и в разные исторические периоды лишь степенью податливости этого образа к манипулированию. Именно в свете этого утверждения особое значение приобретает роль языка в фиксировании культурной памяти, о которой пойдет речь в следующей главе.

Глава III

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

3.1. КОНЦЕПТ ПАМЯТИ И ЕГО ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Анализ языковых маркеров концептуальной парадигмы «война» необходимо начать с лингвокультурологического анализа самого концепта «память», чтобы в дальнейшем четко очертить рамки языкового поля «война», в частности «Русско-турецкая война 1877-1878 годов».

В русле лексикографических традиций память описана достаточно четко и подробно, однако при описании таких слов-концептов как память, имеющих преимущественно устойчивую метафорическую сочетаемость, необходим иной метаязык. Современные словари практически не фиксируют смысловые связи, относящиеся к области концептуального согласования. Эту задачу может решить словарь иного жанра, а именно, концептуальный словарь и соответствующий метаязык. Это дело будущего. Ступенью к созданию такого словаря мог бы стать словарь базовых метафор, а также учитываться опыт словаря Ю. С. Степанова «Константы русской культуры». С другой стороны, возможен и иной подход, а именно: рассматривать концептуальное поле памяти как объект комментирования. Именно комментирование концептуального поля памяти находится в фокусе исследований Н.Г.Брагиной (Брагина 2007).

В отличие от лексикографического описания лингвистические работы близки идеям концептуального анализа, поскольку в них большое внимание уделено именно образной семантике слова; значение и употребление слов поля памяти поставлено в связь (рассматривается в соответствии) с философскими идеями. Большинство утверждений о смысловых компонентах слова делается на основе анализа устойчивых метафорических словосочетаний, включая такие, которые толковые словари определяют как фразеологизмы, как например, без памяти.

Возможность построить логичную и непротиворечивую картину семантики слова память, равно как и создать универсальное толкование слова, вызывает большие сомнения, что косвенно подтверждают данные работы. Метафорические словосочетания проявляют сразу несколько базовых метафор слова, и выбор одной из

них в качестве доминантной не представляется оправданным. Отношения памяти и времени, памяти и социума в указанных работах не рассматривались.

Н.Г.Брагина представила подробнейший языковедческий, филологический экскурс, она погружается в тончайшие нюансы языковых полей, связанных с тематикой памяти, тщательно иллюстрируя то, как память отражена в русском языке.

Современный толковый словарь русского языка (Кузнецов 2001:483) отмечает пять значений, выделяет два подзначения и приводит двадцать один фразеологизм.

Синонимы, антонимы, аналоги. Слово *память* не включено в словари синонимов и антонимов. Словарь синонимов Н. Абрамова (Абрамов 1994:302) приводит шестнадцать фразеологизмов со словом память. При этом синонимический ряд со словом память в данном словаре отсутствует. ТКС приводит для разных значений следующие синонимы: запоминающее устройство, ЗУ; воспоминание; сувенир, реликвия; сознание, чувство, а также с пометой спец. антоним: амнезия. Лексическая основа русского языка (Морковкин 1984:591,616) включает слово в следующие немногочисленные синонимические ряды: память — воспоминание, сознание: рассудок, память. В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка (Апресян 2004:40) память включена в семантический ряд аналогов к словам воображение и ум. Воображение: мечтательность, выдумка; память, ум, душа. Ум: мозг; мозги; голова; башка; котелок; интуиция; инстинкт; мудрость; сообразительность; душа (орган внутренней жизни); сердце (орган чувств); память (представляемый орган хранения знаний и впечатлений); сознание (представляемый центр координации органов чувств, ума и памяти); воля

Словосочетания и фразеологизмы. Словари сочетаемости фиксируют значительное число словосочетаний со словом память. Словарь сочетаемости (Денисов, Морковкин 1978:369—370) приводит около ста словосочетаний, ТКС (Мельчук, Жолковский 1984:55) — около двухсот, при этом оба словаря показывают, что ряды возможных заполнителей присловных позиций являются открытыми. В словаре эпитетов (Горбачевич, Хабло 1979:314—315) зафиксировано 132 эпитета.

Фразеологические словари описывают значительное число фразеологизмов со словом память: двадцать четыре в словаре под ред. А.И.Молоткова (Молотков 1986:

309—310), четырнадцать в словаре под ред. Федорова (Федоров 1991:33) пятьдесят шесть в словаре Лубенской. В словарях крылатых слов описано по пять единиц со словом память.

Согласно словообразовательному словарю А.Н.Тихонова память включена в словообразовательное гнездо, содержащее двадцать две единицы.

Как это видно из приведенного материала, слово память имеет сравнительно небольшое количество лексем, она слабо представлена в синонимических рядах, почти не имеет антонимов. Благодаря устойчивым словосочетаниям (преимущественно метафорическим) память обладает большим фразеологическим потенциалом. Она также образует значительное число дериватов.

Современные словари практически не фиксируют ассоциативно-коннотативные ряды, члены которых находятся в отношении концептуального согласования со словами-концептами, в частности, с Памятью. Вместе с тем такие ряды представляют значительный интерес.

На некоторые несовпадения между лексикографическим описанием памяти и его употреблением в обыденной речи, его устойчивой метафорической сочетаемостью обратила внимание Е. С. Кубрякова: «Обороты память чувств сердца слова и т. п. начинают цепь представлений о ней как об определенном вместилище, хранилище, кладовой и даже складе, и, пожалуй, именно концепт LOC становится главным для конструкций в обыденной речи. Действия, связанные с памятью, описываются такими предикатами, как хранить в памяти — извлекать из нее, присутствовать в памяти — отсутствовать в ней, удерживать в памяти — не удерживать. Хотя лексикографически этот компонент не отмечен, фактически он маркирует огромное количество случаев употребления слова. Именно это осмысление служит мотивом для сравнения памяти с библиотекой, и Аристотелю принадлежит мысль о том, что обращение к памяти равносильно поиску нужного тома книги» (Кубрякова 1991: 87).

Метафора имеет устойчивый характер и используется очень часто. Хорхе Луис Борхес приводит следующий пример: «В одной из комедий Бернарда Шоу огонь угрожает Александрийской библиотеке; кто-то восклицает, что сгорит память

человечества, и Цезарь говорит: “Пусть горит. Это позорная память”» (См. Брагина 2007:27).

Тексты, относящиеся к разным типам дискурса, как правило, регулярно проявляют эти отношения, так как память является одним из ключевых концептов, влияющих на формирование мировоззрения и, следовательно, неоднократно интерпретируемых. Над памятью (ее свойствами, характеристиками, ролью) в течение многих веков размышляют и оставляют письменные свидетельства своих размышлений философы, теологи, писатели, поэты, психологи, социологи, историки, филологи и т. д. В таких интерпретациях память устойчиво и регулярно сближается с некоторым набором слов-концептов.

Существуют также стереотипные представления, влияющие на формирование ассоциативно-коннотативных рядов. Например, высказывание *Память — это прошлое* объединяет *память* и *прошлое.* Устойчивая метафорическая сочетаемость слова, базовые метафоры также могут включаться в ассоциативно-коннотативный ряд.

«Память слова» часто проявляется на уровне этимологии, поскольку смысловые компоненты, выделяемые при историко-этимологическом анализе, часто совпадают со словами, включенными в ассоциативно- коннотативный ряд слова-концепта, либо служат дополнительной мотивацией для такого включения. Современный лексикон лингвиста пополнился такими полутерминологическими словосочетаниями как: этимологическая память слова (Апресян 1995:171), культурная память, «скрытая память».

Исследованием концепта занимается лингвистика. Очень интересный комплексный анализ языкового воплощения концепта память дает Брагина, точку зрения которой мы, в основном, разделяем. Брагина приводит слова, находящиеся в отношении концептуального согласования с памятью и соответственно формирующие ассоциативно-коннотативные ряды, ими являются: *Пространство, Время, Прошлое, Жизнь, Век, Вечность, Смерть, Забвение, Бессмертие, След, Небытие, Любовь*, *Разлука*, *Детство, Старость, Слава, Позор, Совесть, Травма, Мысль, Ум, Рассудок, Душа, Сознание, Творчество* и др.

Мы считаем, что этот ассоциативно-коннотативный ряд, в который Брагина ввела забвение, должен быть представлен иначе. *Память-Забвение* настолько неотделимы друг от друга, что забвение нельзя считать коннотативной ассоциацией Памяти. *Память и Забвение* настолько тесно взаимосвязаны друг с другом, что представляют две стороны одной медали. Это, воистину, «двуликий Янус», который поворачивается к человеку то одной, то другой своей ипостасью.

Языковая картина мира каждого народа отражает его способность сохранять и воспроизводить впечатления о судьбоносных явлениях в жизни нации, выражать схожий эмоциональный опыт, схожие переживания, травматический шок. Способность сохранять и воспроизводить события и эмоции человека это физиология, способность сохранять и воспроизводить события и эмоции целой группы, нации - это социология, но если мы говорим о способности языка, это становится возможным благодаря кумулятивной и эмотивной функциям языка. Способность сохранять и воспроизводить в памяти - всегда фиксировалась с помощью языковых маркеров. В языке до сих пор присутствуют древние представления человека о мире: *солнце встает, заходит, ветер дует* и пр.

Смысловые отношения, которые можно отнести к области концептуального согласования слов и которые практически не фиксируются современными словарями, эксплицитно представлены в текстах разных типов дискурса, устойчивой метафорической сочетаемости, стереотипных высказываниях, культурных ритуалах и культурных практиках. Эти связи подтверждаются также историко-этимологическими параллелями.

Этимологический анализ проявляет родство памяти со словами, обозначающими интеллектуальную деятельность. П. Флоренский пишет: «Действительно, п а м я т ь — это и есть м ы с л ь по преимуществу, с а м а мысль в ее чистейшем и коренном значении». Согласно словарю Фасмера (Фасмер 1987:195), память родственна словам, обозначающим интеллектуальную деятельность: словен. *Pamet «разум, рассудок» // Родственно др.-лит. Mintis «мысль, суждение», вост.-лит. Mintis «загадка», др.-инд. mati, mati$ ж. «мысль, намерение, мнение», авест. maiti— «мысль, мнение», лат. mens, род. п.*

mentis«ум, мышление, разум», сюда же мню*,* мнить.

Подробную этимологию слова память приводит П. Флоренский, используя данные этимологических словарей Н. В. Горяева и В. Прелвитца, а также работу, посвященную этимологии греческого языка Г. Куртиуса. Полагая, что корень слова память происходит от mnmn в индоевропейских языках, он показывает связь слова с производными основы mn-, men-, топ-, которые соотносятся как с памятью, так и с мыслью, ср.: мнить, мнение, мнимый, мнительный. Флоренский далее приводит следующие параллели: старославянские: *мьшж, мьнЪти, сжмьиЬти* (са)**.** На основании приводимых параллелей показано родство памяти с совестью: *польские pomniee, niemae, mienie, sumnieme, sumienie* — совесть.

Этимологические параллели, приводимые Флоренским, проявляют связь памяти с сомнением, духом, волей, вниманием, мыслью, намерением, отвагой и негодованием, умом, упоминанием, чудовищем (заставляющим о себе подумать, обращающим на себя внимание), любовью, человекам (буквально: мыслителем), воспоминанием, с сильным душевным движением, стремлением, желанием, волей, гневом, яростью, с жизненной силой, жизнью, силой', с глаголами: помнить, вспоминать, мнить, думать, верить, ценить, напоминать, убеждать, увещевать, сильно стремиться, сильно желать, рваться душою к чему-нибудь; с прилагательными вымышленный, ср.:

*малорусские***:** мниты, помняты; *белорусские:* сумъ сомнение, сумный; *санскритские:* man(только в среднем залоге) думать, верить, ценить; manjate мнить; manasдух, воля; matis внимание, мысль, намерение; manjus отвага и негодование; *латышские:* minetвспоминать; manitiмнить; *латинские:* memi (-e) niпомню, reminisci вспоминать, comminisci, commentus *немецкому* vermeint вымышленный), men (t)s мысль, ум, воля; Minerva, mentio— упоминание, monere— напоминать, убеждать (= ***немецкому*** mahnen), monstrum чудовище (заставляющее о себе подумать, обращающее на себя внимание); *немецкие:* meinenмнить, Minne— любовь, Mensh— человек (т. е., собственно, «мыслитель»); *готские:* gaman, man— думаю, munan— мнить, mund, gamunds, muns — мысл, *древне-верхне-немецкие:* minnon, тапёп, тапоп увещевать, напоминать, meina мнение;

Память может быть феноменальная, слабая, зрительная, слуховая, логическая, эмоциональная ... память. Память кого.~ человека, животного... (какая-л), память на что: ~ на лица, на имена, на цифры ... Тренировка, нарушение, потеря ... памяти. Упражнять, напрягать, потерять ... память. Лишиться ... памяти. Обладать ... какой-либо памятью.

В память (врезаться ~ ...). В памяти (удержать что-либо, сохранить что-либо ~, рыться (разг.) ~, копаться (разг.) ~, перебирать что-л. -...). Из [чьей-либо] памяти (вычеркнуть кого-что-либо ~ ...). На [чью-либо] память (рассчитывать ~…). Память выручает кого-либо...; чья-л. память поражает кого-л. ... У кого-либо, какая-либо память.

В словарных описаниях памяти присутствует значительное число фразеологизмов, которые снабжаются отдельным толкованием. Сравнительно небольшое количество общих значений памяти дополняется («уравновешивается») большим числом фразеологизмов, выносимых за ромб. Общее смысловое пространство слова формируется (преимущественно) при участии метафор. «Доля» фразеологических значений в нем велика.

То, что у слова память отсутствуют близкие синонимы и антонимы, позволяет сделать предположение о языковой уникальности слова. (Душа и ум, например, имеют близкие синонимы: сердце; голова, мозг, рассудок.)

Одним из устойчивых признаков культурных концептов является то, что в отношении них уместен регулярно возобновляющийся вопрос: Что есть? (Что есть память, истина, красота, добро?..), на который регулярно дается ответ: Память Истина Красота — это... Культурные концепты создают вокруг себя лакуны смысловой неопределенности и тем самым провоцируют высказывания о себе. Они не могут быть истолкованы «раз и навсегда», в них заключено нарративное ожидание. Не одно тысячелетие они являются темой разговора, предметом спора, объектом размышления. В чем-то они сходны с классическими пьесами Шекспира, которые в течение нескольких веков входят в репертуар театров мира, и в каждом поколении создается своя (как правило, не единственная) интерпретация/версия Гамлета, Отелло, Ромео и

Джульетты, короля Лира (см. Брагина 2007).

Если на вопрос: Что есть память? попытаться ответить как бы изнутри языка, обходя метаязык, лингвистические и лексикографические модели, то можно предложить экспериментальный текст, составленный из устойчивых словосочетаний. Этот текст — одна из возможных, «собственно языковых» интерпретаций слова-концепта память. Заголовком текста, его главной и единственной темой является Память. Внутри текста слово память в основном заменено местоимением она. Словосочетания организованы в предложения. Глаголы быть, бывать выступают в роли предикатов.

Память бывает *неплохая, необыкновенная, долгая, феноменальная, короткая, надежная, избирательная, неизгладимая, нестареющая, редкая, острая, твердая, цепкая, хваткая, никудышная, девичья, дырявая, слабая, куриная.* Она бывает *зрительная, слуховая, образная, ассоциативная, логическая, музыкальная, фотографическая, эмоциональная, моторная, механическая, историческая, народная.* Бывает *память людей.* Бывает *память сердца.* Она бывает *о далеком, о прошлом, об ушедшем, о минувшем, о далекой жизни, о детстве, о [первой] любви, о юности, о юношестве, о товариществе, о рыцарстве, о молодости, о [погибших] героях, о жертвах чего-л. (войны, блокады, террора), о родителях, о детях, о друзьях.* Она бывает *на имена, на фамилии, на числа, на цифры, на даты.* Она бывает *жива, мертва, бессильна.* Она бывает у кого-л. *никуда, хоть куда.* Ее *тренируют, совершенствуют, развивают, упражняют, освежают, перегружают, обременяют, напрягают, теряют, утрачивают, лишаются, заслуживают.* Ее *отшибает, отбивает у кого-л.* Ее, имеющую отношение к кому-чему-л*, хранят, чтут, увековечивают, [не] омрачают.* Ее *[не] оставляют по себе.* Ей, имеющей отношение к кому-чему-ъ, *посвящают что-л., остаются верны, преданы.* У нее *есть голос.* В ней *что-л. откладывается, запечатлевается, застревает, западает, засело, сидит, въелось, оставляет след, оставляет отпечаток, фиксируется, остается, всплывает, встает, живет, оживает, возникает, воспроизводится, воскресает, мелькает, стирается, смягчается, тает, пропадает, уступает кому-чему-л. место, покрывается туманом, смешивается, смазывается, затерялось что-л.* В ней что-ч. *есть, живо, свежо, ясно.* В ней *остается кто-что-*

л., остается след, сохраняется, отпечатывается, есть связь с чем-л., что-л. представлено; хранятся образы, воспоминания, обрывки фраз, имена, след, отпечаток, картина, лицо. В ней *роются, копаются, ищут что-л., перебирают, восстанавливают, вызывают, фиксируют, отыскивают, освежают, видят что-л.* В ней *хранят, держат, удерживают что-л., делают зарубку.* Бывают *кладовые памяти.* Бывает *сокровищница памяти.* В ней *бывают провалы, пробелы, проблески.* В нее *врезается, приходит что-л.* Из нее *что-л. выпадает, выскакивает, вылетает, стирает что-л., стирается, изглаживается, ускользает, уходит.* Из нее *вычеркивают, выбрасывают, вымарывают, выкидывают что-л.* Из ее глубин *что-л. появляется, всплывает.* Из нее *что-л. выплывает.* По ней *восстанавливают, воспроизводят, воссоздают, идут куда-л., обходят что-л , рисуют что-л., читают, цитируют что-л.* На нее *надеются, полагаются.* С ней *что-л. происходит.* Она *говорит, помогает, хранит, сохраняет, воскрешает, воспроизводит, возвращает куда-л., выручает, развивается, слабеет, сдает, подводит, изменяет, лжет, устроена как-л.* Она *возвращается к кому-л.*

«Биологический» подход находит выражение в народной медицине, в популярных изданиях, посвященных здоровью, а также в приметах. Согласно «биологическому» подходу памяти могут быть полезны либо, наоборот, вредны те или иные вещества, ср.:

Расскажет он! послушайте! // Такая память знатная, / Должно быть (кончил староста) / Сорочьи яйца ел (Н. Некрасов.Кому на Руси жить хорошо).

Кофе пить память крепить (http:/ www.km.ru/magazin view.asp?id-E9F28196F).

После тарелки ячневой каши память улучшается на 37° о, после картофельного пюре на 32° (http://www.km.ru/magazin/view. asp?id=A5332863A).

Жир притупляет память (http:/www.km.ru/magazin/view.aspid-244C19E616734). Пилюли п а м я т и (http://www.km.ru/magazinview.asp?id= EA4254C115874). *Минералы и витамины, улучшающие память* (http://www.km.ru/magazin/view.asp?id=597A246B62D.

«Символический» взгляд на улучшение ухудшение памяти выражен в приметах, пословицах, поговорках, ср.: *На себе платье зашивать, пуговку пришивать — пришьешь память* (Даль 1955:14), *Кто ест и читает, память зачитает* (Даль 1984:349). Если что-то нужно не забыть / вспомнить, говорят: *Завяжи [себе] узелок на память*; *Намотай себе*

это на ус! Намотай на ус кольцом! (Даль 1984:349).

А. Бергсон различает два вида воспоминаний: те, которые были приобретены усилием воли, повторением, и спонтанные воспоминания, возникающие сами по себе. Спонтанные воспоминания относятся к памяти в собственном смысле слова, заученные — к тому, что, собственно, памятью не является, а может быть названо «привычкой, освещаемой памятью». Заученные воспоминания полезны, их замечают в первую очередь, несмотря на то, что они редки (Бергсон 1992:209). В языковой аксиологии оценку получает именно полезная память, оценочные слова относятся в первую очередь к «памяти - привычке», а не к спонтанной памяти. И. Кант к числу формальных достоинств памяти относит способность «быстро запоминать, легко вспоминать и долго помнить» (Кант 1996: 419).

Хорошую память характеризуют как отличную, отменную, большую, огромную, громадную, знатную, неимоверную, редкую, феноменальную, острую, цепкую, хваткую, необыкновенную, потрясающую, надежную, блестящую, колоссальную, невероятную, крепкую... и х. д. О человеке с хорошей памятью говорят, что он памятливый, его отличает памятливость. В социуме ценятся люди с феноменальной, надежной памятью, т. е. с такой, которая не имеет неожиданных (спонтанных) пропусков. Работающую в режиме запоминания «деятельную» память характеризуют как острую, твердую, цепкую, хваткую. Это относится к памяти, которая осуществляет правильную селекцию, т. е. не упускает ничего существенного, включая детали и значимые мелочи. Память является ценностью. Хорошая память может восприниматься как природный дар, которым наделен человек.

Стереотипное представление о том, что Мужчины любят глазами, а женщины — ушами делает цитирование по памяти !на память одним из приемов мужского обольщения женщины (обольщение словом). Стереотип «обязательного цитирования» печально и иронично обыгрываете.

Довлатов:

Я одинокий человек. Я люблю вас... Это глупо... У меня нет времени, отпуск заканчивается. Я постараюсь... Освежу в памяти классиков. Ну и так далее. Я прошу вас.

Цитирование определенных произведений является культурным кодом, по которому распознается «свой» — «чужой».

В Советском Союзе в 70-80-е гг. было модно и престижно цитировать роман М.Булгакова «Мастер и Маргарита». Образ человека, цитирующего Булгакова, предполагал примерно следующий коннотативный ряд: ‘интеллигентность’, ‘оппозиционность', ‘нервность’, ‘чувствительность и тонкость’, ‘талант’. Если Мастера отождествляли с автором романа, а Маргариту с его женой, Еленой Сергеевной, то человек, цитирующий произведение, как бы входил в круг их близких друзей, также отождествляясь с Мастером или Маргаритой соответственно.

Если у человека была хорошая память и он узнавал автора/произведение, цитировал наизусть стихи, литературные отрывки, отвечавшие каким-либо социальным установкам (мода, престиж, элитарность, запрещенность), то его авторитет был достаточно высок. Такой авторитет часто находился/оказывался в оппозиции официальной власти, носители которой сравнительно редко имели хорошее образование и навыками свободного цитирования практически не обладали (например, речи читались «по бумажке»). Цитирование по памяти, таким образом, формировало социокультурную идентичность определенной страны. Основу коллективной культурной идентичности составляли тексты, включенные в общественную память: отрывки прозаических произведений и стихи, из обязательной школьной программы, цитаты из фильмов, например, Гайдая, а также фразеологизмы, пословицы, поговорки, «крылатые слова».

Память и повседневность (бытовая память). Бытовая память — это разновидность памяти-привычки. Ее отличают: нормативность; функциональность; связь с «текущим моментом»; с повседневностью. Бытовая память хранит мелочи, детали, относимые к «прозе жизни». Бытовая память согласуется с социальной нормой, отклонение от которой делает человека асоциальным: забыл свой адрес, имя и отчество тещи, день рождения своего ребенка и т. д. Человека с плохой бытовой памятью называют забывчивым, рассеянным, чудаком. О нем говорят: Он все забывает. Ему надо обо всем по несколько раз напоминать. В ситуации, когда что-то было забыто, человек может сказать: совсем из памяти выскочило, вылетело.

Сравним также: *Вот бы на памяти, да выскочил!*

А вы скоро придете? спросил Римский. Через полчаса, ответил Степа и, повесив трубку, сжал горячую голову руками. Ах, какая выходила скверная штука! Что же это с памятью, граждане? А? (М. Булгаков Мастер и Маргарита).

Если у человека хорошая бытовая память (профессионально она бывает хорошей у секретарей), то его характеризуют следующим образом: *Ему/*ей *не нужно [лишний раз] напоминать. Он/она никогда ничего не забывает. Он/ она все помнит.*

Качество бытовой памяти, как правило, не связано напрямую ни с интеллектуальными способностями, ни с объемом знаний, ни с возрастом. Оно обусловлено тем, насколько человек внутренне собран, внимателен, хорошо концентрируется на бытовых проблемах. У рассеянного человека — заведомо плохая бытовая память.

Ориентированность на мелочи, детали. Бытовая память ориентирована преимущественно на последовательность мелких дел, на детали, Ср.:

*У нее день очищается днем, и независимо от громадной памяти, сохраняющей всякую мелочь, на всякое распоряжение имеется оправдательный документ (*М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина).

Функциональность и соотнесенность с текущим моментом, с повседневностью. Бытовая память обеспечивает порядок повседневных действий и поведения человека и, как правило, не предполагает длительного хранения. «Единицы хранения» бытовой памяти регулярно обновляются: исчезают старые, появляются новые. Ср.:

Уж извините, сударь, совсем из памяти вон. Все утро помнил, даже жене говорил: беспременно напомни об белорыбице и вот, словно грех случился (М. Сачтыков-Щедрин. Господа Гоювтевы).

Записки на память, памятные записки, памятки. Бытовая память реализуется в текстах особого жанра: в памятных записках / памятках / записках на память.

В XIX веке память имела (в числе других) значение: ‘Памятная записка, что-либо записанное на память, чтобы не забывать, чтобы не забыть, не запамятовать’. Возьми-ка

вот память, я запишу, неравно забудется. Еще одно значение слова память, приводимое В. Далем с пометой “Стар”., было. ‘Письменное отношение, деловое сообщение, предписание, записка’. Память такому-то от такого-то (Даль 1955:14).

В долговременной памяти хранятся воспоминания, имеющие ценностную коннотацию. Они могут преобразовываться в мемуары, документы, стихи, романы. К бытовой памяти относятся тексты, такой коннотации, как правило, не имеющие: памятные записки (записки на память), записи в ежедневниках, списки дел. Первые сохраняют след прошлого, с их помощью можно реконструировать его фрагмент. Вторые обычно исчезают.

Записки на память отличает п р о с п е к т и в н о с т ь: фиксируя повседневные дела и заботы, они адресованы ближайшему будущему: записать что-л. для памяти. Человек делает записи относительно текущих дел, потому что не доверяет своей памяти, либо не хочет перегружать ее, ср. высказывания: Я не надеюсь на свою память I боюсь забыть, я лучше запишу. Памятные записки выполняют функцию личного секретаря. В них часто используются глаголы в императиве и/или в неопределенной форме, например, не забыть: позвонить, отдать, поговорить, принести; напомнить кому-л. о чем-л./встретить кого-л. и т. д. Ср. также:

По стенам, около картин, лепилась в виде фестонов паутина, напитанная пылью; зеркала, вместо того, чтоб отражать предметы, могли бы служить скорее скрижалями для записывания на них, по пыли, каких-нибудь заметок на память (И. Гончаров.Обломов).

В народной культуре символической функцией памятных записок наделены узелки на память. По старой памяти. Будучи хранительницей прошлого, память к о н с е р в а т и в н а «по определению». Она хранит традиции, привычки, которые формируются в результате частого повторения чего-л., ка- ких-л. действий. Говоря о привычках (обычно бытовых), сформировавшихся в давнем прошлом и к настоящему времени полузабытых, мы говорим: по старой памяти / по старой привычке по старинке. Можно заглянуть куда-л. зайти к кому-л. по старой памяти / по старинке. Привычка создает порядок. Возможно, с этим связана поговорка: По старой памяти, что

по грамоте (Даль 1955:14).

Сравним также:

Супер, заверила его Настя. Самый писк. Моднее не бывает. Чаю-то нальете по старой памяти? Эк, матушка, заворачиваешь, укоризненно покачал головой Константин Михайлович, ежели по старой памяти, так я помню, что ты кофий пьешь, а вовсе не чай. Проверять меня вздумала? И не гляди на меня невинными глазками-то, не обманешь (Б. Маринина. Реквием).

Память воспроизводит социальные символы даже вне социальной ситуации. Сохранение/оживление в памяти социального символа или идеологического клише (в данном случае Ленин, несущий бревно на субботнике — репродукция этой картины часто воспроизводилась в учебниках истории, в разделе, посвященном первому коммунистическому субботнику, а также в книгах рассказов о Ленине) означает оживление общественной социокультурной памяти, инкорпорированной в область личной памяти. Образы личной памяти в этом случае получают социокультурную коннотацию.

Выделенные общие места в памяти. Типология общих мест. Память не только трансформирует время, но также моделирует апроприацию человеком личного и коллективного прошлого. Время обозначается в памяти через выделенные события и сюжеты — культурные индексы — в личной жизни (личная память) и в жизни социума (общественная память). Культурные индексы вербализуются в рассказах о прошлом, в воспоминаниях и мемуарах. Они проявляют нарративную функцию памяти и «реально воспроизводят некоторые мыслительные шаблоны» (Kirmayer 1996:175).

В отношении конкретного (индивидуального) воспоминания иногда используют термин «мнемонические места». Мнемоническим местом, например, можно назвать то, что У. Вордсворт называл «пятном времени». «Пятно времени» обозначало хранимые памятью образы, которые служили этапами для проникновения в историю его собственной жизни. «Каждый человек — это память о самом себе», — писал У. Вордсворт.

Эту мысль можно продолжить: «Каждый человек — это память не только о самом себе». В работах Выготского показано, что у взрослого человека восприятие может

рассматриваться как перевод на язык эталонов, формируемых и хранящихся в памяти. В раннем возрасте не сформирован ни язык эталонов, ни правила перевода на него (Иванов 1999:753). Таким образом, личная память человека, переведенная на язык эталонов, выстраивается примерно по общей схеме.

Структурирующая прошлое система культурных индексов — это своего рода личная анкета индивида. В нее включены: воспоминания о детстве, о первой любви, об учебе и учителях, о счастливых знаковых событиях (свадьба, рождение ребенка), о личных травмах (разлука, развод, несчастья и т. д.), о коллективных травмах (война, катастрофа, стихийное бедствие) и др. Выделенные общие места в памяти вербализуются в стереотипных словосочетаниях: память о далеком, о прошлом, об ушедшем, о минувшем, о далекой жизни.

Анализ фразеологии показывает, что языковой образ памяти коннотативно связан с идеей вечной жизни, верой в бессмертие человеческой души. Память живущих выступает как символическое пространство, в котором продолжается жизнь умерших. Она концептуализируется как пограничная область между бытием и небытием, как место символической встречи живых и мертвых. Устойчивое представление о том, что живущие, вспоминая умерших (воскрешая их образы в своей памяти), тем самым продлевают их символическое существование, закрепилось во фразеологизмах, используемых как верующими, так и атеистами. Эта область памяти представляется наиболее архаичной и наиболее ритуализованной. Составляя часть ритуала (некрологи, надгробные речи, тосты на поминках), она слабо подвержена влиянию времени и слабо реагирует на социальные изменения.

Отношение памяти и истории Смысловое сближение памяти и истории имеет давнюю традицию. Сложилось общее представление об историке как «воспоминателе» (‘remembrancer’), хранителе памяти о публичных событиях. Такие события обретают письменную форму во славу великих деятелей, а также как пример для подражания, адресованный последующим поколениям.

Цицерон называл историю «жизнью памяти». Многие историки, такие как Геродот, Лорд Кларендон, видели свою задачу в сохранении живой памяти о великих

подвигах и великих делах. Историю сравнивали с защитным сооружением, поставленным против потока времени, уносящего все в пучину забвения. Характерно, что осмысление отношения память — история происходит с помощью метафор. Также следует отметить, что отношение памяти и истории тесно связано с выстраиванием этических норм.

Активно разрабатывающаяся в XX веке теория памяти меняет отношение к исторической памяти: от памяти, предназначение которой — воскрешать прошлое, к памяти как системе знаков. Это можно проследить на примере различных интерпретаций значимого события, предложенных французскими историками разных поколений. Современные историки, таким образом, отмечают, что отношение памяти и истории в течение нескольких веков претерпело серьезные изменения. Характерно, что такой ученый, как П. Нора, в значительной мере инициировавший исследования, посвященные памяти, с тревогой отмечает экстраполяцию памяти на области, традиционно относимые к истории'. «*У нас нет больше общей почвы с прошлым. Мы можем обрести его лишь через реконструкцию — с помощью документов, архивов, памятников. Эта операция превращает "память" — тоже конструируемую — в модное имя для того, что прежде называли просто "историей". В этой глубокой и опасной инверсии смысла тоже проявляется дух времени. Слово "память" получило такой общий и экстенсивный смысл, что имеет тенденцию вообще попросту вытеснить слово "история" и поставить занятия историей на службу памяти*» (.

Коллективная память и ее разновидности. Отношение памяти и традиции. Интерес к исследованию памяти во многом обусловлен тем, что в XX веке она начинает рассматриваться как функция социальной власти. М. Хальбвакс, введший термин коллективная память, определил ее как сложную сеть общественных нравов, ценностей и идеалов, отмечающую границы нашего воображения в соответствии с позициями тех групп, к которым мы относимся. Он связывал коллективную память с работой механизмов социальной власти, полагая, что образы человеческого сознания, которые Фрейд считал индивидуальными, относятся к коллективным образам социального дискурса, представленным в повседневной жизни. Способ, которым вызывается

прошлое, зависит от власти группы, создающей свою собственную память. Интеграция индивидуальных воспоминаний в структуры коллективной памяти осуществляется благодаря традиции, сохраняющей и модифицирующей социальные рамки во времени. Для М. Хальбвакса коллективная память была «живым хранилищем» (Хаттон 2003:312).

Взаимосвязь механизмов коллективной памяти и традиции исследовал также французский историк Филипп Ариес. Обратившись к стереотипам мышления, передаваемым от одного поколения к другому через большие промежутки времени, он утверждал, что они поддерживают традицию (Хаттон 2003:231).

В работе «Человек перед лицом смерти» Ф. Ариес отмечает усиление значения коммеморативных практик, как в личной, так и публичной сферах жизни в начале XIX века. Благодаря его исследованиям в исторической науке стало формироваться новое направление: история политики коммеморации.

Тема соотношения памяти и традиции активно обсуждается в современной литературе. Эдвард Шиле, например, утверждает, что существует «чувство прошлого», которое является важным и которое подчинено общей «чувствительности к событиям прошлого». Об этом также пишет Д. Лоуэнталь: «Мы можем подобраться к прошлому через память истории или реликты» (Лоуэнталь 2004:22).

Коллективная память, рассмотренная в трудах М. Хальбвакса и позже в работах П. Нора, согласуется с пониманием публичной памяти — социального продукта, возникшего в результате селекции, интерпретации и определенного искажения (погрешности) относительно фактов прошлого.

Дж. Хартман различает коллективную память и публичную память. Потребность в создании коллективной памяти (как полагал М. Хальбвакс) возникает в момент опасности полного исчезновения вещи прошлого. Коллективная память конструируется по прошествии значительного времени. Возникновение коллективной памяти он связывает с возрастанием чувства национального самосознания, проявившегося в эпоху романтизма в XIX веке, когда идеи национальных традиций получили исключительное развитие. Публичная память появляется как реакция «на злобу дня», почти сразу по прошествии каких-либо событий:«.. .на сегодняшний день

мы чувствуем необходимость увековечивать все, даже случайное событие; и масс медиа не просто делает это возможным, но способствует этому» (Hartman1996:106). Дж. Хартман также выделяет официальную память — продукт государственного манипулирования, форму и результат политизации памяти. В современных условиях он находит важным разделить публичную, коллективную и официальную виды памяти.

П. Бёрк также оперирует понятиями официальной и неофициальной памяти о прошлом (Burke 1989:107).

Глубинные структуры национальной памяти исследует Пьер Нора. Он рассматривает память как риторику коммеморации. Национальная память проявляется в интересе социума к памятникам, монументам славы, проявившимся в XIX веке и количественно увеличившимся в XX веке. В разных культурах степень востребованности прошлого различается. Например, в традиционной китайской культуре к прошлому относятся бережно, в традиционной индийской культуре — равнодушно. Похожие процессы происходят в Европе: у поляков и у ирландцев достаточно долгая социальная память. На юге Ирландии люди продолжают негодовать по поводу действий Англии во времена Кромвеля. В Польше жива память о наполеоновских временах, приведших к национальному противостоянию. Англичане, наоборот, страдают от «социальной амнезии», которая противоположна «социальной памяти». Причину востребованности прошлого П. Бёрк усматривает в стремлении к самоидентификации, которая приводит к поиску национальных корней. Польша и Ирландия были разделены, поэтому поиск национальных корней, национальной символики для них имеет первостепенную важность. Национальная память в этих странах играет определяющую роль.

3.2. КОНЦЕПТ «ВОЙНА» В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ РУССКОГО И ГРУЗИНСКОГО НАРОДОВ

Культурная память разных народов, принимавших участие в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. была исследована группой ученых из восьми стран (Австрия,

Греция, Болгария, Турция, Россия, Македония, Грузия, Армения)в рамках проекта MEMORYROW, в котором принимали участие историки, этнологи и лингвисты из нашего университета. Принимая участие в научных исследованиях культурной памяти мы получили возможность исследовать языковые маркеры культурной памяти грузинского народа и сравнить их с языковыми маркерами, сохранившимися в памяти русского народа. Помимо этого мы привлекли материалы исследований по концепту ВОВ (Великая Отечественная война) в силу значимости данного концепта для этих народов.

Работа памяти имеет вид восстановления временной последовательности, продолжения прошлого настоящим. Но если разбирать работу механизма воспоминания, то он включается сознанием разрыва привычного течения времен, утраты автоматизированной, «нормальной» самоидентичности и активизацией «программы культуры». Роль спускового крючка здесь выполняет страх потерять прошлое, угроза его забывания, ослабление или даже временное разрушение памяти, амнезия. Говоря «сознанием», я имею в виду, что сам этот разрыв тоже не дан «естественно», а произведен и осознан концентрированным усилием воли и заинтересованной работой ума, более коротко – он ими конструируется. Знаком и следом подобного разрыва выступает указание на разную «природу» настоящего и прошлого – а такое указание воплощается в символе; в более узком смысле слова это может быть памятное событие, памятник (Левада 1993:59).

Выделение из всего богатства смысловых ресурсов индивида, группы, института, именно этих разрывов, разломов, а не всех прочих моментов подчинено интересам и планам настоящего. Это результат действий определенного автора – опять-таки: индивида, группы и института, – реализующего собственные цели и представления в настоящем, но программирующего свою деятельность в будущем. Работа института и системы институтов приобретает, таким образом, «естественный», т. е. циклический характер. Интересы, оценки, установки настоящего переносятся на прошлое и, подкрепленные, утвержденные авторитетом прошлого, проецируются рикошетом в будущее. Тем самым проблематичная актуальная ситуация получает «твердое» место в

хронологической цепи. Временная конструкция приобретает форму как бы «логической» связи: «мы наследники» и потому нам принадлежит завтра. С воссоединением времен коррелирует интеграция коллективного субъекта воспоминаний – «мы».

Перечислим как работают механизмы конструирования, разрушения и формирования коллективной памяти, на примере представлений жителей России о Великой Отечественной (для всех остальных – Второй мировой) войне и победе в ней.

Почему в качестве примера мы выбрали меморизацию Отечественной войны? По всем опросам общественного мнения, проведенным Левада-Центром, победа в этой войне – главное событие XX века для населения России. Больше того, это едва ли не единственное (наряду с полетом в космос Ю. Гагарина, чей ценностный ранг все-таки заметно ниже – на него указывали от трети до половины опрошенных) позитивное событие века и, в этом плане, единственное более или менее несомненное достижение советского периода отечественной истории. Сознание его первостепенной значимости объединяет, далее, не менее трех четвертей россиян (по опросу 1999 года даже 85%) – из событий, относящихся к прошлому, такой сплачивающей силой не обладает никакой другой символ. И, наконец, символ - Победа, наделяется объединяющей силой по отношению ко всей отечественной истории XX столетия, и не исключено, что и для всей истории как таковой: это символическое событие – ее центр и, вместе с тем (в конструировании памяти такой парадоксальный механизм «обращения времен» действует постоянно), ее начало, «исток», дающий саму возможность помнить и представлять историю в качестве осмысленного и структурированного, обозримого и понятного целого.

Важно, что монопольным держателем памяти и конструктором истории выступает в данном случае государство. Речь идет о символической политике советской власти, впервые в таком масштабе развернутой на военном материале вокруг празднования двадцатилетия Победы 9 мая 1965 года всеми институциональными средствами, находившимися в ее распоряжении. Перечислим лишь некоторые: массовые ритуалы меморизации (праздничный парад и демонстрация на Красной площади столицы,

списочные награждения участников, «Минута молчания», «Вечный огонь»), произведения литературы и искусства, в особенности – монументальной пропаганды и кино, программы массмедиа, прежде всего – телевидения, издание учебной и научно-популярной литературы по истории, библиотеки и серии мемуаров военачальников и т. д. Символическая сцена воображаемого «антропологического театра» выстраивается вокруг воплощений государства (власти, которая представлена первыми лицами, военачальниками, работниками спецслужб) – его проекции, народа-героя – фигур его противника (вооруженного врага) – и, наконец, героя-воина.

Монополизация памяти государством – выражение и продолжение принципиальной структуры монополизированной власти и ее идеологии. Этот момент предопределяет оценочную (идеологическую) квалификацию любой иной точки зрения на происходящее и прошедшее как вражеской, а значит, постоянно возвращающуюся модель осмысления отечественной истории в терминах и фигурах войны – будь то внешней, мировой, будь то внутренней гражданской. Сражение, бой, битва, схватка, фронт и т. п. – не случайные, а базовые метафоры образа мира, построенного на непримиримом расколе: «Кто не с нами – тот против нас». Антропологу, конечно же, ясен архаический характер таких оппозиций, но их первичность и простота служат залогом понятности массам и принятости массами: власть, в представлении российских масс, должна быть проста и понятна, и всякая власть, которая опирается на подобные примитивные (в этимологическом смысле слова) образы и формулы, скорее всего, будет принята большинством населения на правах, в этом отношении, «своей», «близкой». Социолог фиксирует в таких случаях как исходный для себя факт массовую готовность принять подобный упрощенный и мифологизированный язык самоописания.

Новый образ войны и победы распространяется в социокультурном пространстве: идет характерная для империй трансляция ключевых символов и значений на периферию. Это относится к званию «город-герой» и строительству мемориалов в таких городах, переносу в них Вечного огня и т. п. Вместе с тем, идет переструктурирование

культурного времени: как уже говорилось, роль главного события и, одновременно, начала новейшей истории теперь принимают на себя война и победа.

Течение времени и смена поколений ставят общество перед проблемой передачи памяти от «живых свидетелей» к «наследникам», принимающим образ прошлого, которое не было пережито ими в качестве собственного настоящего и может быть усвоено только символически, через посредство символов. К ролям в государственном театре «исторического воображения», о которых шла речь выше (власть, герой, враг и т. д.), в описываемый период прибавляется новая значимая фигура – ветеран.

Начинает формироваться официальная система гратификации, благ, привилегий для воевавших и уцелевших, многие из которых во второй половине 1960-х приближаются к пенсионному возрасту. Это – институциональная сторона дела, важная, но не единственная.

Подобная система должна, кроме того, дать процессу направленной трансформации представлений о прошлом, в данном случае – образов и значений войны, антропологическую основу, человеческую размерность. Подчеркнем, что этот аспект нисколько не противостоит институциональному: именно личность «общественного человека» является «наиболее устойчивым социокультурным институтом» ; анализ репродукции и частичной реставрации советского в политической и повседневной культуре России последнего десятилетия в этом лишний раз убеждает. К тому же, опираясь на фигуру ветерана, власть производит еще одну важную смысловую переакцентировку, а именно: отсылка к молодости воевавших обеспечивает символическую интеграцию их жизни как осмысленного целого, оцененного и вознагражденного «потомками». Многие из них приближаются к пенсии, что, по неписаным законам советского обихода, фактически означает конец социальной жизни, социальную дисквалификацию или, по крайней мере, очень значительное снижение статуса и престижа. А фигура ветерана представляет пожилого человека в авторитетной роли обобщенного отца, что должно обеспечить передачу памяти в рамках семьи либо, так или иначе, с опорой на позитивные значения семьи и семейных отношений. Нужно ли говорить, насколько остро в стране воспринимается в

послевоенный период проблема безотцовщины и какой угрозой, в частности, для интеллигенции выглядит возможный разрыв в цепи культурного воспроизводства.

Таким образом, фигура ветерана как бы представляет государство в рамках семьи, она надставляется над семейной памятью и соответственно перестраивает ее, транспонируя в общий, государственный план. Отдельная, частная жизнь, которая еще и близится к концу, встраивается теперь в панорамную картину объединяющего всех целого. Недаром многие читатели мемуаров военачальников, жанра, ставшего в описываемое десятилетие одним из лидеров массового чтения и библиотечного спроса, искали, по их признанию, упоминание своих воинских частей на общей карте военных действий, описываемых тем или иным маршалом.

Сказав о множестве субъектов памяти, что ни у кого лично и ни у одного института нет в отношении памяти и прошлого вообще никаких привилегий. Иногда говорят об особых альтернативных возможностях, к примеру, семейной памяти в ее сопротивлении официально государственной историзации прошлого. Не думая отрицать значимость и роль семейного архива и предания, замечу, что у семьи как института есть свои границы, а у советской и постсоветской семьи – свои особенности. «Объем» семейной памяти вообще сравнительно невелик, а каналы передачи образцов здесь несопоставимы по силе со школой, телевидением, системой наглядной пропаганды. Победить и даже компенсировать вторые первыми – задача вряд ли реалистичная, хотя это и не значит, будто такие попытки сами по себе лишены смысла. Кроме того, советская и постсоветская семья далеко не всегда противостоят «большому» социуму, а куда чаще выступают его продолжением. Выше об этом говорилось на примере фигуры ветерана, но, конечно, официальная символика и риторика, образ мира и представления о других, о значимом и не значимом проникают в семью по многим другим каналам.

Важной частью идеологической работы Советского союза было установление на публичной сцене фигуры «врага». Как известно, термин «враг народа» не был только клише политической риторики сталинского периода, он также употреблялся в официальных документах. Так, в части 2 статьи 131 Конституции СССР 1936 года было

отмечено: «Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа». На сегодняшний день существует множество лингвистических работ, авторы которых, описывая тоталитарный язык, говорят о том, что активизация роли врага в общественном мнении была результатом навязанной пропаганды, идеологического манипулирования, направленного на консолидацию общества вокруг коммунистической идеологии (Научный диалог 2013 Выпуск № 5:17). Что же это такое? Что есть война?

В нашем исследовании концепт «война» предстает как:

Война - организованная вооруженная борьба между государствами или общественными классами. *"Война без особых причин" из песни группы "Кино", "Война и мир", "Готовься к ней, если хочешь мира", в переводе с санскрита это слово означает "желать больше коров", а самая короткая из них длилась всего 30 минут и происходила в 1896 году, великая Отечественная, вооруженная борьба между государствами, вооруженное столкновение стран.*

Концепт «война» ассоциируется в русскоязычной среде с очень широким кругом ассоциаций, приведем наиболее частотные из них:

Захватнические боевые действия, звериный способ решения жизненных трудностей, картина французского художника Анри Руссо, кровопролитие на международном уровне, началась 22 июня 1941 года, немирное время, организованная злоба, освободительные боевые действия, повесть российского писателя Б. Васильева "Завтра была война", половина романа Льва Толстого, причина, по которой трижды не проводилась летняя олимпиада, роман Герберта Уэллса "Война миров", самое немирное слово, серия катастроф, ведущих к победе, у нее не женское лицо, фильм Виктора Турова "Война под крышами", фильм Сергея Бондарчука "Война и мир", фильм Стивена Спилберга "Война миров".

Анализируя языковые маркеры исследуемого концепта, приведем его парадигматические и синтагматические связи:

I Синонимы к слову война:

Баталия, битва, борьба, брань, вражда, побоище, противостояние, рать, сеча, сражение, столкновение.

II Гипонимы к слову война – *газават, гражданская война, джихад, интифада.*

III Антонимы – *дружба, мир.*

IV Однокоренные слова

Глаголы- *воевать*

Существительные- *воин,* уменьшительно- ласкательное - *войнушка*

Фразеологизмы и клишированные конструкции: *гражданская война, отечественная война, Великая Отечественная война, холодная война, первая мировая война, вторая мировая война, развязать войну, эхо войны, на войне как на войне.*

Исследование процессов взаимодействия концептов в целостной системе авторского сознания приводит к необходимости рассмотрения формы их ментальной организации — когнитивных структур. К их числу относятся фреймы, сценарии, метафорические и метонимические модели и др. когнитивные параметры концепта (понятийно-содержательная сторона, образно-ассоциативные характеристики, аксиологический статус и пр.) эксплицируются в пропозициональных и метафорических моделях. Понятийная структура концепта «война» может быть представлена в виде фрейма, в организации которого присутствуют следующие слоты: виды войн, участники войны, виды вооружения, этапы войны, театр военных действий и построение войск, воинские символы и атрибуты, военный быт и церемонии, ранение и смерть на войне. Сценарий «война» заключается в следующей последовательности событий: Подготовка к войне — объявление войны — ведение боевых действий с использованием оружия (разработка стратегии — атака — защита или отступление — контратака — капитуляция; возможность ранения и смерти участников) — победа или поражение, подписание мирного договора.

Война отождествляется с человеком, уподобляется явлениям и стихиям природы, другим общественным явлениям, таким как театральное зрелище, охота, игра, праздник, ассоциируется с созданной человеком вещью (нить, ткань, вино),

помещением (скотобойня). Наиболее значимым в структуре концепта является оценочный компонент.

Отрицательная оценка характеризуется преимущественно психологическим эмоциональным значением: войну проклинают, так как она приносит смерть и сметает все на своем пути. Положительная оценка представлена в точках зрения сторонников войны и революции, которые видят в них единственный путь к новой жизни.

Война как общественно-политический феномен находит яркое воплощение в русскоязычной картине мира. Концепт «война» является культурным концептом, основное содержание которого в русском языке сводится к следующим признакам:

- предметно-образная сторона концепта – это обобщенный образ противостояния враждующих сторон,
- понятийная сторона концепта – это языковое обозначение характеристик войны, поведения участников боевых действий,
- ценностная сторона концепта – это принятые в обществе эксплицитные и имплицитные нормы поведения.

Исследуемый нами концепт находит множественное проявление в русском языке, выражаясь, главным образом, в семантико-лексических и фразеологических единицах в виде универсального признака войны. Его специфика заключается в своеобразии моделей комбинаторики, в которых он находит свое компонентное выражение, сочетаясь с другими, близкими по значению, признаками.

Концепт «война», относящийся к абстрактным именам, структурируется метафорически в русской языковой картине мира и находит образное выражение в сопоставляемом языке (грузинском).

Мы рассмотрели значения концепта «война» в грузинской картине мира, данный концепт имеет следующие показатели:

1. მშვიდობის არ არსებობა, კონფლიქტი, შეიარაღებული ბრძოლა სახელმწიფოებს, ან ერთი სახელმწიფოს შიგნით არსებულ სოციალურ ჯგუფებს შორის;

2. სამხედრო მოქმედებები, სამხედრო გამოსვლები, სამხედრო ოპერაცია. (ჟარგონული);

3. დაძაბული მდგომარეობა, შეუიარაღებელი კონფლიქტი სახელმწიფოებს შორის, რომელთა მთავარ მიზანს წარმოადგენს საკუთარი იდეოლოგიის სხვა სახელმწიფოებზე თავზე მოხვევა, მოწინააღმდეგის დასუსტება ეკონომიკურ, პოლიტიკურ და სხვა ურთიერთობებში და ა.შ. ინდუსტრიული-ეკონომიკური ომები და სხვ. (გადატანითი მნიშვნელობით);

4. მტრული განწყობა, ბრძოლა და დაპირისპირება ცალკეულ პირებს, ან მოქალაქეებს შორის; ჩხუბი, დავა (გადატანითი) (http://www.nplg.gov.ge/gwdict/index.php?a=term&d=6&t=6458).

В современном русском и грузинском языках, с использованием концепта «война» чаще всего используются следующие лексемы и словосочетания:

предотвращение войны	ომის თავიდან აცილება
развязывание войны	ომის დაწყება
подготовка войны	ომის მომზადება
пропаганда войны	ომის პროპაგანდა
политика войны	ომის პოლიტიკა
причина войны	ომის მიზეზი
возможность войны	ომის შესაძლებლობა
угроза войны	ომის საფრთხე
опасность войны	ომის საშიშროება
объявление войны	ომის გამოცხადება
близость войны	ომის სიახლოვე
состояние войны	ომის მდგომარეება
ход войны	ომის მსვლელობა
возникновение войны	ომის დაწყება/აღმოცენება
расширение войны	ომის გაფართოება
очаг войны	ომის კერა

эскалации войны	ომის ესკალაცია
начало войны	ომის დაწყება
окончание войны	ომის დასრულება
жертвы войны	ომის მსხვერპლი
годы войны	ომის წლები
последствия войны	ომის შედეგები
ведение войны	ომის წარმოება
итоги войны	ომის შედეგები
результаты войны	ომის შედეგი
уроки войны	ომის გაკვეთილები
участник войны	ომის მონაწილე
инвалид войны	ომის ინვალიდი
герой войны	ომის გმირი
поджигатель войны	ომის დამწყები
курс на войну	ომისკენ აღებული გეზი
они немало повоевали	ცოტა როდი უომიათ
долой войну	ძირს ომი

Определения-эпитеты концепта «война»:

короткая	მოკლე
длительная	ხანგრძლივი
кровопровителная	სისხლიანი
беспощадная	დაუნდობელი
братоубийственная	ძმათ გამანადგურებელი
жестокая	სასტიკი
разрушительная	დამანგრეველი
затяжная	გაჭიანურებული
справедливая	სამართლიანი
партизанская	პარტიზანული
империалистическая	იმპერიალისტური
Великая Отечественная	დიდი სამამულო
мировая	მსოფლიო

оборонительная	თავდაცვითი
гальская	გალების
гражданская	სამოქალაქო
Иудейская	იუდეველთა
манёвренная	მანევრული
мировая	მსოფლიო
тотальная	ტოტალური
победоносная	გამარჯვებით დამთავრებული
химическая	ქიმიური
холодная	ცივი

Пословицы «о войне» в грузинском языке: მჭრეტელთ ომი არ ეძნელებაო; ომიანობა ზოგს ააშენებს, ზოგს გადააშენებს; ომიანობა რომ არ იყვეს, გამარჯვებას პატივი არ ექნებოდაო; ომში ნაცადი ხმალისა იმედი გქონდეს სახლშიო; ომში რა სჯობიაო, და-რაც ხელში მოგხვდებაო; ომი სჯობს შეგნებულთანა, შეუგნებელთან ნადიმსაო; ომი დამთავრდა მშვიდობის გეშინოდეთ; სხვა სხვის ომში ბრძენიაო.

Война — дело молодых, лекарство против морщин – Виктор Цой.

ომი ახალგაზრდების საქმეა, წამალი ნაოჭთა წინააღმდეგ.

Тема конфликтов, войн, противостояния всегда занимала важное место в сознании человека, и можно без преувеличения сказать, что история человечества в целом и история каждой отдельной цивилизации – это история войн. Общественно-политический феномен «война» играет исключительно важную роль в жизни человека и общества. Этому явлению посвящены отдельные лингвистические и философские исследования, особенно актуальные на современном этапе развития науки и общества. В работе делается попытка рассмотреть лингвофилософский аспект в понимании концепта «война», который чаще всего представлен абстрактным именем, которое отличается многоликостью и неоднородностью экстенсионала. За ним стоят существительные (война, мир, победа, поражение, воин, сражение), прилагательные (воинственный, вражеский, мирный, смертельный) и глаголы (*воевать, сражаться, победить, умереть, выжить*). Исследуемый нами концепт реализуется в языке с помощью разнообразных средств и занимает важное место в языковой картине мира.

Проанализировав лексический материал на русском и грузинском языках, мы обнаружили, что наиболее существенным является связанный признак войны, который и был положен в основу построения фрейма концепта «война» в нашей работе. Признак войны конкретизируется в направлении «нарушить мирное существование неожиданно, внезапно».

В настоящем исследовании выявлены определенные направления взаимосвязи концепта «война» с близкими по смыслу словами в сопоставляемых картинах мира.

Например, по отношению к лексеме «конфликт» выделяются следующие ассоциации: *противостояние*, *столкновение*, вооруженная борьба как способ разрешения различных споров и разногласий при невозможности устранить противоречия мирными средствами. Эти ассоциации представлены лексическими единицами, выделенными методом сплошной выборки из лексикографических источников:

война; столкновение; противоборство; бой; военные действия; противоречие интересов; вражда; борьба, битва, сражение.

Специфику поля «виды войны» определяет большая группа прилагательных, которые широко употребляются в сфере политики и международных отношений для номинации видов войн: *идеологическая война, гражданская война, мировая война, «холодная» война, колониальная война, химическая война, воздушная война, справедливая война, освободительная война, ядерная война.*

В русскоязычной картине мира используется словосочетание «священная война», которое отражает национально-специфическое отношение русского народа к Великой Отечественной войне: нет ни одной семьи в России, где бы кто-то из родных и близких не погиб на этой войне. Лексема «военщина» имеет яркую негативно окрашенную модель словообразования: все слова, оканчивающиеся в русском языке на -щина, имеют негативную коннотацию, выражая презрение или пренебрежение (дедовщина, казенщина, деревенщина).

Концепт «война» является составным элементом имен собственных, обозначающих названия войн: - *Войны Роз, Война за независимость, Первая мировая война, Second World , Вторая мировая война.*

Во фразеологической семантике русского языка признак войны конкретизируется по тем же направлениям, что и в лексике. Анализ оценочных характеристик фразеологизмов английского и русского языков показывает, что объектами отрицательной оценки выступают следующие действия, обозначаемые глагольными сочетаниями:

1) сдавать свои позиции без боя

2) проигрывать, терпеть поражение

3) совершать предательство –действовать на два лагеря,

4) проявлять трусость

5) дезертировать

6) угрожать агрессией

7) сеять рознь, вызывать войну = выходить на тропу войны,

8) враждовать

9) убивать, уничтожать людей

10) проявлять неоправданный риск

11) вмешиваться в чужие дела

12) выдавать секреты

13) быть настроенным воинственно (вооружиться до зубов).

Положительно оцениваются следующие характеристики:

1) храбрость= храбрец, = сражаться как лев, = храбро рваться в бой = храбрый,

2) самопожертвование: =сражаться на смерть, = сражаться не на жизнь, а на смерть,

3) самообладание, выдержка, мужество= сохранять хладнокровие,

4) риск ради победы над противником:

5) неодобрение войны, поддержка мирного курса: гневно протестовать против войны,

6) невмешательство в чужие дела: = не совать свой нос в чужие дела.

В результате проведенного нами отбора фразеологического материала на русском языке была выделена многочисленная группа словосочетаний, обозначающих различное отношение людей к войне:

запретить испытания ядерного оружия; проводить политику мира; = миротворец; поджигатель войны, бряцать оружием.

Таким образом, на фразеологическом уровне средства репрезентации концепта «война» представлены достаточно широко.

В настоящем исследовании была предпринята попытка выделить модели, положенные в основу метафорического представления концепта «война» с точки зрения образного содержания:

1) пространственные образы: *находиться в непосредственной близости с противником; быть в авангарде; погибнуть, сохранять нейтралитет;*

2) образы, связанные с физическим восприятием пространства человеком: *игнорировать, усилить давление на кого-либо;*

3) образы, связанные с физическими ощущениями человеческого тела: *открытый военный конфликт, занимать двойственную позицию, сражаться рука об руку;*

4) образы, связанные с охотой: *преследовать (противника) по пятам, преследовать кого-либо как охотничья собака;*

5) образы, связанные с животными: *храбро сражаться (букв. как кошки из Килкенни), as храбрый как лев, занимать выжидательную позицию.*

Под «паремией» в работе подразумевается единица надъязыкового семиотического яруса, которая обладает свойствами клишированности, афористичности и сентенциозности.

По результатам паремиологического анализа в русском языке отрицательно оцениваются следующие аспекты войны:

1) вмешательство в дела других государств: *Не суй свой нос в чужой вопрос; Любопытной Варваре на базаре нос оторвали;*

2) враждебность, агрессивность, жестокость*: Война порождает воров, а мир казнит их; Войны приносят шрамы; Война – праздник смерти;*

3) трусость: *Трусы жестоки; Трусость приводит к неудачам; Тот, кто один раз струсил, может стать убийцей.*

Вместе с тем объектами положительной оценки выступают следующие ситуации:

1) невмешательство в дела других государств*: Живи и дай другим жить; Не судите и не судимы будете;*

2) соблюдение границ чужой территории*: Хорошие заборы у хороших соседей; Мой дом – моя крепость;*

3) групповые ценности: *Храбрый трус лучше трусливого друга; Самый надежный способ жить в мире – это держать в руке меч; Худой мир лучше доброй ссоры;*

4) индивидуальные ценности*: В любви и на войне все средства хороши; Промедление смерти подобно; Хорошее начало полдела откачало; Двум смертям не бывать, а одной не миновать;*

5) проявление храбрости*: Храбрый как лев; Смелость города берет; Волков бояться – в лес не ходить; Где смелость, там и победа; Отвага мед пьет и кандалы трет.*

В русскоязычной картине мира порицаются хвастовство и бахвальство, заменяясь смелостью и удалью, что в частности отражено в одной из пословиц «*Не хвались, идучи на рать, а хвались, идучи с рати*». Представители русской культуры осуждают людей, для которых война – средство обогащения: «*Кому война – а кому мать родна*».

В русскоязычной картине мира больше ценится не физическая сила, а интеллектуальные способности человека (*Сила есть – ума не надо*):

«*Ведь думать кулаками, особенно когда они большие, гораздо легче, чем головой…Думая кулаками, Вашингтон может не считаться с такой ценой*» («Ирак: бить или не бить?» / Независимая газета, 27.02.03.).

Данная метафорическая модель представлена фреймами «война – это игра в шахматы» и «война – это азартная игра». Первый фрейм более характерен для англоязычной культуры, в которой процветают казино (появившиеся в России сравнительно недавно), где люди делают крупные ставки, рискуя большими деньгами:

“It’s time for people to show their cards and let people know where they stand…” (“Bush: We will go to war against Iraq without UN / Independent, 07.03.03.).

Для русской культуры национально специфичной является игра в карты, что подтверждается большим числом примеров:

«*Такой поворот будет серьезным поражением администрации Джорджа Буша, лишит ее важных пропагандистских козырей»* («Битва за Совет Безопасности» / Известия, 26.02.03.).

Метафорическая модель «война – это театр» представлена широкой палитрой метафорических словоупотреблений: приготовления к войне рассматриваются как подготовка сцены к спектаклю, написание сценария, распределение ролей между актерами. Как и любое шоу, война имеет своих сценаристов, режиссеров, постановщиков, а также публику, следящую за развитием событий на сцене (театр военных действий):

«…Совет Безопасности ООН уже не способен играть роль стража международной безопасности…» («Буш предъявил ультиматум не Саддаму, а всему международному сообществу» / Независимая Газета, 18.03.03.).

По нашему мнению, анализируемые метафорические модели обладают яркой лингвокультурной окраской и являются отражением особенностей национального менталитета и политических традиций. Лингвокультурологический анализ позволил нам определить сущностные характеристики исследуемого концепта, которые заключаются в следующем: концепт «война» - это этнически, культурно-обусловленное, сложное, структурно-смысловое, вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в свою архитектонику образ и оценку.

Мы обнаружили, что языковая картина мира обладает многочисленными этноспецифическими особенностями, что обусловлено историческими, социальными, психологическими и многими другими факторами. Феномен войны как социального и общественно-политического явления представляет собой фрагмент языковой картины мира.

Исследование подтверждает, что концепт «война» находит множественное и вариативное проявление в русском языке, выражаясь в семантике единиц разных уровней в виде универсального признака войны. Специфика указанного признака заключается в своеобразии моделей его комбинаторики. В лингвокультурологическом отношении наиболее ценными являются метафорические словоупотребления, интерпретация которых позволила нам обнаружить сходства и различия в отражении определенного фрагмента окружающего мира в сознании людей, говорящих на разных языках.

Сопоставительный анализ метафорического словоупотребления в языковой картине мира позволил выделить доминантные модели универсального характера. Состав универсальных метафорических моделей, функционирующих в грузино- и русскоязычных газетных текстах, достаточно однороден. На уровне фреймовой структуры обнаруживаются наибольшие различия, обусловленные спецификой национальных языков и национального сознания. Исследование метафорических моделей концепта «война» позволило выявить модели, наиболее ярко отражающие культурные традиции и национальный менталитет носителей языка. К числу этих моделей относятся метафорические модели «война – это работа сложного механизма/ движение поезда», «война – это театр/кино», «война – это игра в шахматы/в азартные игры».

Идеологема «враг народа» многие десятилетия была одной из самых действенных: объединяя общество, в то же время она рождала массовую подозрительность и страхи.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля враг – ‘противник, неприятель, супостат, недоброжелатель, злорадец, супротивник, противоборец’ (Даль:2000:263). В словаре Д. Н. Ушакова мы можем увидеть идеологическое осмысление понятия: «Человек, борющийся за иные, противоположные интересы, противник. Классовый враг, Идейный враг - Недоброжелатель, человек, стремящийся причинить вред». Наслоение идеологической коннотации на основное значение дает нам право говорить о появлении идеологемы «враг».

Анализируя содержание газетных статей советского периода, можно составить своеобразную «классификацию врагов». Прежде всего, разделяются враги внешние и внутренние. Внешние враги – это представители иностранного буржуазного лагеря. Для их обозначения используются слова, содержащие компонент дистанцирования: они, те, там, у них, вокруг и др. Собственно употреблением этих знаков как бы проводится граница, отделяющая «своих» от «чужих».

Разделение мира на «своих» и «чужих» свойственно насильственному сознанию, которое закрепляет это деление в языке и тем самым усугубляет отчуждение.

«Внутренний враг» – образ достаточно многогранный и объемный. Он может быть детализован при обращении к следующему высказыванию, в котором объясняются цели создания Общенародного фронта: «Почему народный фронт? Многие испугались кон-фронтационности названия, стали искать врагов. Это ложные страхи. Конечно, цель народного фронта не в разделении общества на своих и врагов, не гражданская конфронтация, а наоборот – гражданский мир. … Что касается противников, то не мы будем определять противников, а они будут самоопределяться сами. Врагам дается резко отрицательная оценка.

К внутренним врагам причисляются и так называемые «враги общества» - пьянство, алкоголизм, наркомания, коррупция и т. д. Слова с милитарной семантикой: борьба («с кем-чем, против кого-чего. Сражаться, состязаться, стремясь победить. Борющиеся армии. Б. с конкурентами» (Ожегов 2003:57), вытеснение («Тесня, удалить, заставить выйти. Вытеснить противника из города» (Ожегов 2003:121), победить («кого-что. Одержать победу над кем-чем-н. Победить врага. Наши спортсмены победили» (Ожегов 2003:527) – транслируют модель противодействия, итогом которого должно быть превосходство идеологии правящей партии. Лексические единицы с семантикой долженствования (обязан, должен, нужно) показывают, что ситуация требует непременного «превращения потенциального в актуальное». Важность процесса борьбы подчеркивается без использования инвективной лексики.

Таким образом, идеологема «враг», активно функционирующая в советские годы, активно эксплуатируется и сейчас. Сравнительный анализ газетных публикаций 1930-х

годов и текстов последних четырех лет показывает, что идеологема, трансформировавшись, сохранила основные смыслы, свойственные ей в эпоху развития тоталитарного языка. К врагам по-прежнему причисляют людей, отвергающих идеологию партии власти, преследующих собственную выгоду, обворовывающих государство, не желающих трудиться на его благо. Все также борьба с врагами возводится в ранг государственных задач, поскольку разрушительная деятельность врагов представлена как подрывающая правовые и нравственные основы общества. Меняется классификация врагов. В современных текстах к ним относят и антисоциальные явления (пьянство, алкоголизм, коррупцию и др.), персонификация которых все же приводит к актуализации смыслов советского прошлого: ‘человек, неспособный трудиться на благо страны’, ‘стяжатель’, ‘вор’. Однако, как кажется, современные тексты не столь агрессивны и не содержат резких призывов к борьбе с врагами.

В текстах советского времени при четком выделении групп населения, которые относились к «чужим», сложно обстояли дела с понятием «свой», так как оно не поддавалось классификации.

Хотя идеологическое давление на сознание людей осуществлялось постоянно, не всегда оно было эффективным. Потому столь часто внешнего исполнения предписаний тоталитаризма оказывалось достаточно для того, чтобы стать «своим». Например: «Вообще обыкновенно… Ну, конечно, ударник… Ну, само собой разумеется, активист по общественной линии. Ну, ясно, пожелал вступить в партию… На субботниках он бывал, но не за тем, зачем ездили туда другие» (МР 1933 № 178). Было возможно разоблачение: «Начальник углеподачи, член партии Карманов, проявляет удивительное невежество в политических вопросах. Этого делягу не интересует, что делается на пленуме, конференциях».

Так, в период грузино-югоосетинского конфликта августа 2008 года благодаря массированной информационной войне западных СМИ в мировом информационном пространстве Россия предстала для глобальной массовой аудитории не защитником маленькой Южной Осетии, а агрессором, демонстрирующим свои имперские амбиции

в духе СССР времен холодной войны. Это выражалось, в частности, в характерных заголовках: *«Россия превращается в подобие СССР?»* («The Globe And Mail», Канада, URL: http://www.inosmi.ru/world/20080814/243252.html), «Back to USSR» («Delfi .lt», Литва, URL: http://www.inosmi.ru/world/20080901/ 243682.html), *«Назад в СССР»* («The Guardian», Великобритания, URL: http://www.inosmi.ru/inrussia/20081210/245961.html), *«Россия – авторитарный агрессор»* («The New York Times, URL: http://www.inosmi.ru/nytimes_com/ 11/08/08), «Ахиллесова пята русского медведя» («Российские Вести», Россия, URL: http://www.inosmi.ru/world/20080918/244078.html), *«Русский медведь предстал во всей красе»* («The Independent», Великобритания, URL: http://www.independent.co.uk/), *«Медвежьи истории»* («Delfi .lt», Литва, URL: http://www.inosmi.ru/world/20080916/244039.html), а также в карикатурах, на которых Россия изображалась в виде разъяренного медведя – славянского тотема – с оскалившейся пастью и огромными когтями. В свою очередь, в российских СМИ, а также в различных блогах и форумах, были популярны карикатуры на М. Саакашвили в образе А. Гитлера.

Процесс переосмысления событий истории, исходя из перспектив и задач настоящего времени, — распространенная культурная и политическая практика. В двухтысячные годы перед странами прежнего "социалистического лагеря" и бывшими советскими республиками стоят задачи конструирования национальной идентичности и самоопределения по отношению к советскому наследию. Выработка групповой солидарности по отношению к прошлому даже в рамках одного государства дается непросто. Истории постсоветских и, шире, европейских стран настолько переплетены, что изменение приоритетов и трактовок прошлого, выделение и ресемантизация того или иного события одной стороной неизбежно вызывают ответные реакции в других государствах. Выбор памятных дат, определение героев и жертв, трактовки событий в публичном пространстве становятся предметом переговоров, дискуссий, конфликтов. Состояние неопределенности в оценке недавнего прошлого не только заставляет переписывать ученые труды и учебники истории, но и побуждает людей заново

интерпретировать собственные воспоминания или пытаться отстаивать личные версии памяти. Смена ориентиров на государственном уровне отзывается в семейной истории.

Исследователи истории стран Восточной Европы XX века часто характеризуют культурные и политические процессы постсоветского периода в терминах “переходной парадигмы”, как переход от тоталитарных государств к современным государствам либеральной демократии. Но политико-юридические и социально-экономические термины не всегда улавливают сложность происходящих изменений. В условиях плотности и высокой скорости обращения информации человек постоянно сталкивается с вызовами самоопределения по отношению к прошлому: принимать или отвергать новые интерпретации событий в учебниках, публицистических текстах, заявлениях политиков, в кино, литературе, в Интернете.

События памяти — означающие, которые выстраивают друг с другом синтагматические отношения, независимо от означаемых исторических фактов и процессов. У них своя динамика, зависящая не от прошлого, а от настоящего времени. По мере повторения они ритуализируются и рутинизируются, но и самое выхолощенное событие может изменить свой смысл. Так, *день Октябрьской революции*, ежегодно отмечаемый в СССР 7 ноября, в 1996 году в России превратился в *День примирения и согласия*; затем в 2005 году праздник был переименован в День народного единства; праздничная дата была перенесена на 4 ноября в ознаменование освобождения от польско-литовской интервенции в 1612 году. Между 1612 и 1917 годами нет связи, но в обыденных практиках празднования есть преемственность от 4 ноября к 7-му.

Хотя событие памяти изменило имя, значение и дату, оно воспринимается как единое целое. Событиям памяти свойственна серийность, но характер повторения варьируется (события памяти, отражающиеся в фазах, — M-shaped memory events; события, вспыхивающие в одной точке и потом затухающие и исчезающие, — L-shaped events; события, оставляющие долговременные следы, — Q-shape events). Они имеют своих авторов и исполнителей, так же как фильмы: есть режиссеры и продюсеры памяти, ее цензоры и противники. В событиях памяти как в мультимедийных

продуктах происходит взаимодействие между “железом” (локусы, памятники и т.п.) и “программным обеспечением”. Культурная память зависит от баланса между местами и событиями, монументами и текстами, следами прошлого и историями о них. Есть и третий компонент, “призраки памяти”: чтобы представить ужасное прошлое, память нередко выбирает нерепрезентационные формы. Тишина — это один из типов нерепрезентационной памяти. Другой — это призраки, монстры и другие фантазии. События памяти “интертекстуальны”: последующие события ссылаются на предшествующие, и все они отсылают к тому, что учредило всю серию. Их серийный характер размывает интуитивное различение между актами и продуктами памяти. События памяти могут быть перформативными: они способны изменить то, как люди помнят, воображают и говорят о прошлом. Сила воздействия такого события зависит от обоснованности претензий (воспринимает ли сообщество описание прошлого как правдивое), от оригинальности (воспринимается ли оно как нечто новое и отличное от принятой версии прошлого) и от претензий на идентичность (http://nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/2194/2238/index.html).

“Память” и “история” работают как формы репрезентации, но если история стремится к власти, то память больше обращена к поискам аутентичности. История предполагает, что она уже наделила смыслом прошлое; таким образом, она нацелена на свое собственное завершение. Память, в частности дискурсивные феномены (истории, песни, фильмы), при помощи которых она распространяется, — это непрерывный процесс порождения новых значений.

Говоря о способах презентации в кино войн прошлого — тех способах, которые либо по замыслу авторов, либо вне и помимо каких бы то ни было намерений «работают» на национальную идею как на фактор, определяющий смысл существования социальной общности (народа) и цементирующий её идентичность, — следует отметить, что именно они вызывают сейчас наиболее острые дискуссии в связи с вышеописанной дихотомией «объективного» и «эмоционального» на фоне проблематики социальной памяти. Принимая во внимание тезис об отсутствии у

памяти объективного измерения как такового и опираясь на проделанный западными исследователями в конце 1970-х — начале 1980-х гг. анализ массового «изобретения традиций» как стратегии политических элит по удержанию власти в условиях кризиса, попытаемся проследить стратегии формирования национальной идеи в досоветский, советский и постсоветский период при помощи «памяти о войне», актуализированной средствами кино для массового зрителя. В спектр нашего внимания попадают фильмы разнообразных жанров: драма, военная драма, героическая драма, военно-патриотический фильм, исторический фильм и другие, включая те, жанровую принадлежность которых определить непросто (как, например, фильм «В бой идут одни старики», реж. Л.Быков, 1973).

Если бросить взгляд на всё множество фильмов о войне, то можно провести их условное деление на те, которые представляют события, ставшие уже достоянием культурной памяти, и те, которые еще попадают в сферу действия памяти коммуникативной. Так, фильмы о войнах допетровского времени, эпохи Петра I, VIII века, Отечественной войне 1812 года, Крымской войне, войнах второй половины XIX века, русско-японской, Первой мировой войне и Гражданской войне имеют дело с теми историческими событиями, которые относятся к арсеналу памяти культурной. Что же касается памяти коммуникативной, то события, которые находятся в зоне ее действия, оказываются представлены фильмами, посвящёнными Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. войне в Афганистане и войне в Чечне.

Первое, что позволяет заметить концепция Ассмана в применении к ситуации отечественного военного кино (и, возможно, вообще к кино), это эффект «превращения» любого события, независимо от времени его свершения, в достояние культурной памяти. Другими словами, это эффект «нарративизации», то есть «рассказывания» о событии любыми средствами, отличными от тех, которыми пользуется память коммуникативная. А она использует средства, характерные для ситуации личного общения (это «короткая» память). Таким образом создание любых произведений, составляющих сферу художественной культуры, будет актом превращения событий прошлого в события, о которых состоялся рассказ. Тем самым происходят две вещи:

событие оказывается медиатизированным, и у него появляется аудитория, которая с течением времени будет пополняться. Ведь произведение (фильм, книга, музыка) со временем начинает вести себя так, что к нему вполне применимо выражение Ю. Ломана «память текста»: оно впитывает в себя память о своих предшествующих контекстах. Память культурная, к которой относятся произведения, в том числе, художественной культуры, - это память «длинная». Связь нарративности и памяти была обнаружена еще Полем Рикёром: он подчеркивал, что мы обладаем «нарративной» идентичностью, другими словами мы есть то, что сами о себе рассказываем, и воспоминания – это наши рассказы.

Из картин периода Великой отечественной войны необходимо выделить в первую очередь те, которые отображали непосредственные события военного вторжения в СССР. Это, в частности, картина «Старый двор» (1941, реж. Владимир Немоляев), а также «Славный малый» Бориса Барнета (1942). Страна не была готова к реалиям начавшейся войны. В первый период войны, который Михаил Геллер назвал эпохой «стихийной десталинизации», создается новая модель военных сюжетов. Эта тенденция отчетлива в таких разных фильмах, как «Два бойца», «Жди меня», «Радуга». Все они вышли в 1943 г. И объединяет их то, что здесь не находится места не только самому Иосифу Сталину, но даже руководящей и направляющей силе страны Советов — партии. Героями тут являются рядовые. Всю полноту ответственности берет теперь на себя тот персонаж, который до войны, как правило, зачислялся в разряд ведомых.

Определенную раскрепощенность, живые человеческие чувства продемонстрировала аудитории картина Тимошенко «Небесный тихоход» (1945). Жизнь торжествует над смертью, и тем главным чувством, которое спасает героев, оказывается любовь. В 1943 г. Иван Пырьев в картине «В 6 часов вечера после войны» срежиссировал будущий день Победы. Борис Барнет создает новеллу боевых киносборников.

В 1948 г. вышла «Повесть о настоящем человеке» Александра Столпера, которая ввела в пантеон официальных героев Александра Маресьева. Был снят фильм «Звезда»

Александра Иванова, но в 1949 г. ее положили на «полку». Выпустили фильм только в сентябре 1953 г. — с доснятым по сталинскому указанию хэппи-эндом.

В эти годы действует негласный запрет на обращение к личному военному опыту, в силу чего даже в эпоху оттепели новое поколение режиссеров, и именно поколение фронтовиков, достаточно долго (вплоть до конца 1950-х гг.) не касалось военной темы. Первые этапные картины о Великой Отечественной были созданы режиссерами довоенного призыва. В 1956 г. вышли «Солдаты» Александра Иванова — по повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда»: писатель согласился на эту экранизацию после просмотра еще не уничтоженной авторской версии «Звезды». Фильму «Солдаты» во многом удалось преодолеть советские идеологические установки. Еще одной важной кинокартиной этого времени становится фильм «Летят журавли» Михаила Калатозова, — где в центре повествования вновь оказался отдельный, частный человек, столкнувшийся с войной. После этого в кино приходит двинулось новое режиссерское поколение, преодолевшее запрет помнить и опираться на личную память об этой войне. И тогда появились «Баллада о солдате» Григория Чухрая (1959), «Первый день мира» Якова Сегеля (1959), «Мир входящему» Александра Алова и Владимира Наумова (1961), «Чистое небо» Чухрая (1961), «У твоего порога» Василия Ордынского (1963) и др. В этом же ряду фильмов стоит и «Судьба человека» Сергея Бондарчука (1959). Героями этих картин рубежа 1950-х–1960-х гг. вновь оказались не преданные подчиненные, направляемые твердой рукой Верховного Главнокомандующего, но братья и сестры, к которым он вынужден был обратиться в начале войны. В центре внимания создателей фильмов оказалась не военная машина совершенной системы, но частные человеческие судьбы.

В кинематографе 1960-х гг. военная тема доминировала. Война воспринималась как главное событие в жизни страны, как точка отсчета в процессе самопознания и самоидентификации общества. Чем ближе к середине десятилетия, тем сильнее проявлялась тенденция к документализации, к освобождению от условностей. Режиссеры-фронтовики пытались воспроизвести и зафиксировать в пространстве фильмов войну с точки зрения рядового человека, вынесшего на себе ее тяготы. Так, в

1963 г. Режиссер Столпер вместе с Симоновым создает фильм «Живые и мертвые», в котором проявлятся где уже совершенно иная степень приближения к реальности.

Процесс забвения неизбежен и естественен (много ли переживаний вызывает сейчас Крымская война 1853–1856 гг.). Чем дальше по времени отстоит от нас историческое событие, тем легче с ним обращаться и тем меньше эмоций оно в себе несет. Фильмы, снятые за последние двадцать лет, демонстрируют, в лучшем случае, некоторое подобие рефлексии в отношении Великой Отечественной войны как войны, происходившей в советское время. Советское прошлое, как и любое прошлое, разрыв с которым произошел слишком неожиданно, болезненно и резко, стало своеобразным магнитом, притягивающим мысли и чувства очень многих людей, что находит отражение в литературе, а также – в теле- и кинопроизведениях для широкой аудитории. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. изредка обнаруживает себя сейчас как предмет интереса в том смысле, что она велась и была выиграна страной, не существующей больше на политической карте. Но это в лучшем случае; а в худшем – мы становимся зрителями тех фильмов, которые критики именуют «глянцевыми», которые не несут никакой самостоятельной идеи в отношении изображаемых событий, если не считать таковыми некоторые модные ныне тренды, как-то темы православия и сталинизма.

Тема конфликтов, войн, противостояния всегда занимала важное место в сознании человека, и можно без преувеличения сказать, что история человечества в целом и история каждой отдельной цивилизации – это история войн.

Модель «война»– это наказание за преступление» является второй по частотности употребления в газетных текстах после экономической метафоры и чаще встречается в англоязычных статьях, поскольку США и Великобритании, инициировавшим войну в Ираке, необходимо убедить мировую общественность в правильности своих действий. В российских статьях эта модель встречается реже.

Лингвокультурологический анализ позволил нам определить сущностные характеристики исследуемого концепта, которые заключаются в следующем: концепт «война» - это этнически, культурно-обусловленное, сложное, структурно-смысловое,

вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в свою архитектонику образ и оценку.

Общественно-политический феномен «война» занимает важное место в сознании носителей сопоставляемых нами языков. Этот фрагмент действительности выделен общественным сознанием и общественной практикой, т.к. в языке и в коллективном сознании есть слово, которое способно очертить границы исследуемого нами феномена.

Основываясь на общезначимых теоретических положениях и используя лингвокультурологический анализ, мы установили следующее: концепт «война» - это этнически, культурно-обусловленное, сложное, структурно-смысловое, вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе и включающее в свою архитектонику образ и оценку. Понятийная составляющая формируется фактуальной информацией о войне как реальном явлении, служащем основой для образования концепта. Образная составляющая культурного концепта «война» связана со способом познания действительности, и в нее входят все те наивные представления, которые существуют в сознании разноязычных индивидов в связи с этим концептом. Результаты исследования подтверждают правомерность выделения лингвокультурного концепта «война» в англо- и русскоязычной картинах мира.

Сопоставительный лингвокультурологический анализ рассматриваемого концепта в языковой картине мира был проведен на основе изучения семантической структуры обеих языковых систем. Его данные свидетельствуют о том, что концепт «война» находит множественное и вариативное проявление в русском и английском языках, выражаясь в семантике единиц разных уровней (лексического, фразеологического, паремиологического) в виде универсального признака войны. Специфика указанного признака заключается в своеобразии моделей его комбинаторики. Исследуя способы языкового выражения концепта «война» в лексической, фразеологической и паремиологической системах, мы получили возможность рассмотреть основные сходства и отличия в реализации изучаемого концепта в сопоставляемых картинах мира. Нами обнаружено, что

существование универсальных признаков концепта «война» в сопоставляемых языковых картинах мира обусловлено одинаково негативным отношением к войне как социальному и общественно-политическому феномену.

Различия в универсальных метафорических моделях связаны с историко-культурными особенностями менталитета разноязычных людей. Они касаются плана выражения, распределения и комбинаторики норм, а также степени их актуальности для языковой личности.

В период «перестройки», в процессе распада советского официозного языка, формировавшего многосоставный метадискурс общенародного многонационального единства вокруг Коммунистической партии и правительства, произошло разрушение внутренних перегородок и смешение иерархичных, жестко сегментированных дискурсивных практик, которые номинально выражали специфику структурно-номенклатурного подразделения советского государства и общества. Обширные лакуны, образовавшиеся в официозном метадискурсе, содействовали распространению феномена «безъязычия» в пространстве нормативных коммуникаций.

До начала 1990-х слово война ассоциировалось в продуктах массовых коммуникаций преимущественно с Великой Отечественной войной. И сейчас эта война продолжает занимать важнейшее место среди символов коллективной солидарности в России. В коллективной памяти на протяжении многих десятилетий Великая Отечественная война неизменно связывается с судьбой страны, страданиями, людскими потерями, народным подвигом и массовым героизмом. Для производителей медийных продуктов она является мощным средством конструирования коллективной идентичности (воображаемой идентичности) в целях созидания идеологического целого — «мы». Интенсивное мифотворчество о войне 1941—1945 годов в популярной литературе, массовом кинематографе и, в особенности, на телевидении облегчает построение мобилизационной идеологии, в которой настоящее оказывается подчиненным идеологической конструкции авторитетного военизированного прошлого.

Интердисциплинарный характер исследований социальной динамики коллективной памяти предполагает широкое использование методологических принципов, применяемых в области теории коммуникации, и этнопсихолингвистических методов исследования языкового сознания. Язык и культура рассматриваются как формы существования общественного сознания.

Теоретической основой исследования КП по концепту «война», проведенного нами в рамках вышеуказанного проекта под руководством М.Арошидзе, служит обоснованное представление, выдвинутое авторами «Славянского ассоциативного словаря» о том, что «явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании в виде причинных, пространственных связей между явлениями, эмоций, вызываемых восприятием этих явлений», что фиксируется в языковой картине мира реципиентов (Уфимцева, Черкасова, Караулов, Тарасов 2004:3).

В качестве основного инструмента исследования нами была использована широко известная методика свободного ассоциативного эксперимента (САЭ). По мнению ведущих специалистов в области психолингвистики, для получения объективных данных количество испытуемых должно составлять 1000 человек, авторы «Болгарского ассоциативного словаря» провели опрос не менее 600 человек по единому списку слов-стимулов, в исходном (русском) варианте состоящий из 12 слов (Караулов, Тарасов, Уфимцева, Черкасова, Балтова, Ефтимова, Липовска, Петрова 2003:7). Автор монографии «Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка» И.Н.Кавинкина отмечает, что направленный ассоциативный эксперимент (НАЭ), в отличие от свободного ассоциативного эксперимента «сокращает разброс ассоциаций (за счет снятия ненаправленных реакций) и поэтому позволяет, в отличие от САЭ, ограничиться значительно меньшим числом информантов для получения надежных данных (Кавинкина 2006:57). Анализируя методику проведения свободного и направленного ассоциативного эксперимента, Е.И.Горошко выделяет особую разновидность – цепной эксперимент (ЦАЭ), в котором «испытуемому предлагают

ответить любым количеством слов, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слов» (Горошко 2005:54).

Количество испытуемых в нашем эксперименте составило 100 человек. Каждый испытуемый должен был сообщить о себе следующие сведения: пол, возраст, родной язык, место проживания, специальность. Исходный список слов-стимулов составил 10 единиц. Каждый испытуемый получал бланк анкеты (на бумажном носителе или электронный) с учетом его родного языка и должен был отвечать на каждый стимул первым приходящим в голову словом. На эту работу отводилось 10 минут. Затем еще 10 минут выделялось для заполнения второго бланка анкеты, в котором испытуемым предлагалось уже по методике цепного ассоциативного эксперимента зафиксировать любое количество реакций, всплывающих в их сознании в связи со следующим перечнем слов-стимулов, также состоящим из 10 единиц.

Так как целью нашего эксперимента было, в первую очередь, выяснить эффективность данного метода при исследовании культурной памяти представителей различных этносов, а также нас интересовало, сохраняются ли в сознании современников какие-либо ассоциации, связанные с давними событиями Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., то в список слов-стимулов как свободного, так и цепного ассоциативного эксперимента вошли не только нарицательные существительные, но и имена собственные, связанные с конкретными участниками войны, топонимы, важнейшие политические события и пр.

I в рамках САЭ предлагались слова-стимулы: Скобелев, Шипка, Берлинский конгресс, Шериф Химшиашвили, Царь-Освободитель, Баязет, Цихисдзири, Сан-Стефано, Георгий Мазниашвили, Хуцубани.

I в рамках ЦАЭ предлагались слова-стимулы: мухаджирство, Вронский, турки, воссоединение, война, болгары-ополченцы, аджарцы, русские, Фандорин, капитан Штоквиц.

Эксперимент проводился методом письменного анкетирования на родном языке испытуемых (грузинском или русском), также использовалась методика электронного опроса через интернет. Предлагаемые испытуемым анкеты имели следующий вид:

I САЭ

	Слово-стимул	Слово-реакция	Примечания
1	Скобелев		
2	Шипка		
3	Берлинский конгресс		
4	Шериф Химшиашвили		
5	Царь-освободитель		
6	Баязет		
7	Цихисдзири		
8	Сан-Стефано		
9	Георгий Мазниашвили		
10	Хуцубани		

II ЦАЭ

	Слово-стимул	Слова-реакции	Примечания
1	Мухаджирство		
2	Вронский		
3	Турки		
4	воссоединение		
5	Война		
6	болгары-ополченцы		
7	Аджарцы		
8	Русские		
9	Фандорин		
10	Капитан Штоквиц		

При обработке полученных данных нами была заполнена таблица, в которой приводятся точные данные по каждому слову-стимулу следующего характера: отсутствие или наличие реакции, в случае наличия реакции – количество тематических реакций, связанных с исследуемым событием) и количество общих ассоциаций; отдельно были выделены ассоциации специфического характера.

I САЭ

	Слова-стимулы	Наличие реакции в %	Отсутствие реакции в %	Тематические реакции в %	Общие реакции в %	Специфические в %
1	Скобелев	31	69	Генерал-13	фамилия-6, ученый-5 артист-3, художник-4	
2	Шипка	25	75	герои Шипки-3, сражение-4, армия-1, Русско-турецкая война-1	гора-7 высокая точка-2	головной убор-2, одеколон-1, быстро-2, ашипка-2,
3	Берлинский конгресс	42	58	война-12, примирение-5, политическая встреча-13	Германия-11	Евросоюз-1
4	Шериф Химшиашвили	100	0	общественный деятель-14, патриот-24, герой войны-13, народный освободитель - 12, сын Грузии-7	аджарский паша-3, бег-5, улица-20	дальний родственник -2
5	Царь-освободитель	39	61	Александр -2, герой-14	Давид Строитель-23	0
6	Баязет	35	65	0	«Великий век»-многосерийный фильм-9, турецкое имя-4, турецкое слово-3, сын султана-12, фильм-6	танец баядерок-1
7	Цихисдзири	100	0	0	крепость-26, остатки крепости-1, село-62, областной центр-2, курорт-7	Пансион «Родина»-1, железная дорога «Москва-Батуми»-1
8	Сан-Стефано	34	64	какой-то военный договор-3	Деревня-8, деревня во	0

					Франции-4, деревня в Италии-5, курорт-5, порт-3, Святой Стефан-6	
9	Георгий Мазниашвили	100	0	национальный герой-36, генерал-14, Жордания-2	улица-48	
10	Хуцубани	100	0	0	село-64, район-19, Аджария-15	0

II ЦАЭ

	Слова-стимулы	Наличие реакции в %	Отсутствие реакции в %	Тематические реакции	Общие реакции	Специфические
1	мухаджирство	78	22	переселенцы-24, переселенцы на новые территории-7, вынужденное переселение-7, насильственное переселение-9, аджарцы в Турции-18, беженцы-мусульмане-13	0	0
2	Вронский	36	64	0	Литературный герой-4, киногерой-14, поручик-5, Анна Каренина-8, Толстой-5	0
3	турки-османы	100	0	завоеватели-12, завоеватели Аджарии-14, враги-4, турецкая война-9	соседи-24, жители Турции-21, соседняя национальность-16	0
4	воссоединение	100	0	Аджарии с Грузией-26, присоединение исконных	слияние-21, присоединение-17,	

				территорий к Грузии-16,	примирение-11, Берлинская стена-6, воссоединение семьи-3	
5	война	100	0	Русско-турецкая-4, ВОВ-31, Холодная война-8, война с Украиной-14, I мировая-8, II мировая-12	смерть-9, разруха-6, голод-8	0
6	болгары-ополченцы	100	0	освободители Болгарии-31, христиане-12, герои-17, сыны Отчизны-11	славяне-8, трудолюбивые-6, хорошие люди-13	да/нет говорят наоборот-2
7	аджарцы	100	0	исторические грузины-23, грузины-мусульмане-21, омусульманенные грузины-18	жители Аджарии-27 трудолюбивые-5, гостеприимные-6	0
8	русские	100	0	православные союзники-8, завоеватели-5, ВОВ-12	Национальность-22, жители России-27, СССР-4, сильные-12, девушки красивые-9	Нецензурное выражение-1
9	Фандорин	69	31	0	Акунин-16, Эраст-4, Чхартишвили-15, киногерой-23, сыщик-11	0
10	Капитан Штоквиц	26	74	русский военный-2	киногерой-14, литературный герой-10,	0

Приведенные данные показывают, что в силу вышеуказанных причин в памяти современных жителей Грузии сохранилось мало сведений о Русско-Турецкой войне 1877-1878 гг., о чем свидетельствует частое отсутствие ассоциаций на некоторые стимулы, являющиеся специфическими характеристиками тех событий (Шипка, Баязет, Скобелев) или явное преобладание общих нетематических ассоциаций, не связанных с

исследуемым событием (Цихисдзири, Хуцубани). Что касается специфических ассоциаций, то в основном они отражают индивидуальный опыт испытуемого:

Стимул *Шериф Химшиашвили* (общественный деятель, герой тех событий) вызвал у двоих испытуемых реакцию – *дальний родственник*. И это не удивительно, ибо Аджария – маленький уголок Грузии, где свято чтут родственные отношения, даже очень дальние. Топоним *Цихисдзири* (стимул) сохранился в сознании испытуемого как место, где он отдыхал летом в *пансионате «Родина»* (реакция). Специфическая реакция на стимул *болгары-ополченцы* объясняется тем, что форма приложения оказалась неудачной для выполнения функции стимула, так как испытуемые ответили не на определяющее слово – *ополченцы*, а на название этноса – *болгары*, а в их сознании представители этого народа связаны с общеизвестной особенностью: жесты, сопровождающие согласие/несогласие (да/нет) не совпадают с распространенными, кивок означает несогласие. Но самым продуктивным и интересным источником специфических ассоциаций оказался топоним – *Шипка.* Общее количество реакций – семь, шесть из них представляют собой фонетические ассоциации, две из которых являются результатом совпадения произношения слова-стимула *Шипка* и характерного для разговорной речи наречия *шибко* [*шипка*]. Особый интерес вызвала ассоциация лингвокультурологического характера – одеколон (испытуемый имел ввиду широко известный советский одеколон «Шипр»).

Результаты эксперимента подтвердили также большое значение визуализации для формирования коллективной памяти. В случае наличия визуальной опоры в виде наименования улиц, памятников и пр. в памяти жителей дольше сохраняется данная реалия. Как в случае со стимулом – *Георгий Мазниашвили*: 48 испытуемых вспомнили, что есть такая улица в Батуми, 36 испытуемых отметили, что это национальный герой, хотя при беседе почти никто не вспомнил, что именно совершил этот человек, а 14 уточнили, что он генерал (улица так и называется – *улица генерала Мазниашвили*). Еще большую роль играет такое средство визуализации как кинофильмы. Трое испытуемых старшей возрастной группы на стимул *Шипка* ответили реакцией – *Герои Шипки.* В процессе беседы с ними, выяснилось, что они помнят старый фильм с идентичным

названием. Тогда как полное отсутствие тематических ассоциаций на стимул Баязет во всех возрастных группах сменился общими ассоциациями благодаря популярному киносериалу «Великолепный век». Самые многочисленные тематические ассоциации вызвал стимул *Шериф Химшиашвили*, так как в данном случае имя этого героя связано со многими материальными объектами в Аджарии: улица имени Шерифа Химшиашвили, музей его имени, могила, многочисленные портреты героя в разных печатных изданиях, не удивительно, что ни в одной анкете данный стимул не остался без реакции, в том числе тематические (70) в два с половиной раза превышают общие (28).

Особо следует отметить, что самым большим по количеству тематических реакций было слово-стимул *мухаджирство*, это явление стало самым болезненным результатом исследуемой войны. Помимо того, что некоторые омусульманенные грузины поддались на посулы «новой счастливой жизни» и переехали жить в Турцию, многие были отправлены туда насильственным путем, кроме этого послевоенная граница между Аджарией и Турцией разделила близких родственников на два непримиримых лагеря, люди теряли своих близких и не могли присутствовать даже на погребении своих родителей и других близких родственников. Не удивительно, что в силу особенно глубокой травмы рамки коммуникативной памяти явно расширились и до сих пор жители рассказывают истории, которые передаются из поколение в поколение.

Несмотря на относительный малое количество анкет, данный эксперимент выполнил самую важную для нас функцию – продемонстрировал эффективность этнопсихолингвистического эксперимента для исследования культурной памяти, помимо этого полученные данные подтверждают важнейшие особенности механизма памяти/забвения, возможности манипулирования коллективной памятью народа, а также наглядно демонстрируют два важнейших регистра памяти – потенциальный и действительный, на которые обратил внимание Ян Ассманн. Он утверждает, что культурная память существует в регистре потенциальности, когда репрезентации прошлого хранятся в архивах, библиотеках и музеях; культурная память реализуется

в регистре действительности, когда эти репрезентации получают новое значение в новом социальном и историческом контексте. Эти различия наводят на мысль о том, что конкретные репрезентации прошлого могут пронизывать весь спектр от коммуникативной памяти до актуальной культурной памяти и, наконец, потенциальной культурной памяти (и в обратном порядке). Однако в процессе они меняют свою интенсивность, социальную глубину и смысл. Концепция Яна Ассманна напоминает нам о том, что несмотря на способность передавать заинтересованность в исторических событиях будущим поколениям, коллективная память тяготеет к настоящему, посвящая непропорциональное количество времени, пространства и ресурсов коммуникациям о событиях

После обработки полученных данных мы пришли к следующим выводам:

Во-первых, исследование языкового сознания жителей Грузии (в основном Аджарии) с помощью свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) и цепного ассоциативного эксперимента (ЦАЭ) продемонстрировало, что коллективная память испытуемых о Русско-турецкой войне 1877-1878 годов имеет, преимущественно, потенциальный характер. «Потенциальный регистр культурной памяти» (термин Яна Ассманна) означает, что память хранится в архивах, библиотеках, музеях, но в условиях новой социальной парадигмы она приобретает новые репрезентации в новом историческом контексте, новое осмысление и постепенно переходит в регистр действительности, о чем свидетельствуют ассоциации испытуемых, вызванные новыми кинофильмами, современными публикациями и пр.

Во-вторых, спектр действия исследуемой разновидности культурной памяти оказался достаточно узким по целому ряду причин: политика тотального «умалчивания» и «забвения», проводимая в СССР, и давность событий (события войны 1877-1878 гг. вышли за рамки коммуникативной памяти, но в актуальной культурной памяти респондентов все же сохраняются истории, передаваемые из поколения в поколение о самом тяжелом последствии этой войны – о мухаджирстве). Хотя необходимо отметить, что в последнее время спектр памяти расширился после изменения общественно-политической парадигмы. И это не удивительно, потому что

падение очередной, в данном случае «Советской», империи запустило механизм обновления коллективной памяти: окончание холодной войны и поднятие железного занавеса привели к пересмотру тех давних событий и памяти о них.

В-третьих, анкетные данные и беседы с испытуемыми продемонстрировали еще одну интересную особенность культурной памяти грузин о Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. - коллективная память тяготеет к настоящему, поэтому часто воспоминания о данной войне наших испытуемых переплетались с высказываниями и оценкой событий о Русско-грузинской войне 2008 года и о событиях на Украине. Много было реакций, связанных с Великой Отечественной войной, что объясняется силой коллективной травмы, полученной жителями всех советских республик.

В-четвертых, полученные нами данные свидетельствуют о том, что этнопсихолингвистический эксперимент является эффективным средством изучения культурной памяти вообще и ее языковых маркеров в частности.

Особую проблему представляют собой языковые маркеры культурной памяти в процессе межкультурной коммуникации, причем и с точки зрения функционирования, и с точки зрения перевода.

Резюмируя материал данного параграфа хотелось бы отметить, что языковые маркеры культурной памяти каждого народа можно исследовать на материале других концептов, других языковых полей, но как показал эмпирический материал, именно концепт «война» имеет самый знаковый нарратив в силу своей судьбоносной для всего народа функции.

3.3. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ МАРКЕРОВ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

Проблема языкового выражения концепта непосредственно связана с проблемой его перевода, с трансформацией при переходе в иную культурную плоскость. Концепты могут по-разному выражаться. Очень часто исследуется отдельные концепты. К примеру, возьмем концепт „война“ и рассмотрим семантические характеристики данного концепта в обыденном сознании в русскоязычной и грузинскоязычной картинах мира.

Концепт «война» представляет собой сложное ментальное образование. Анализируемый концепт отражается в языковых единицах разного типа, характеризуется национальной спецификой, является культурным концептом, т.е. имеет образные, понятийные и ценностные характеристики.

У каждого народа, свой пантеон героев. В сознание каждого народа концепт война мемориализована и связана с конкретными героями. Так, например, если ВОВ дала Советскому Союзу таких героев, как Матросов, А.В. Суворов, М,И,Кутузов Ф.Ф. Ушакова П.С. Нахимова, точно также у других народов есть свой пантеон героев.

В нашей работе мы берем один сегмент войны - ВОВ. Мы узнали, что название «Великая Отечественная война» стало использоваться в СССР после радиообращения Сталина к народу 3 июля 1941 года. В обращении слова “великая” и “отечественная” употребляются раздельно.

В 1914—1915 гг. название «Великая Отечественная война» иногда применялось в неофициальных публикациях к Первой мировой войне. Впервые это словосочетание было применено к войне СССР с Германией в статьях газеты «Правда» от 23 и 24 июня 1941 года и поначалу воспринималось не как термин, а как одно из газетных клише, наряду с другими подобными словосочетаниями: «священная народная война», «священная отечественная народная война», «победоносная отечественная война».

Термин «Отечественная война» был закреплён введением военного Ордена Отечественной войны, учреждённого Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 года. Наименование сохраняется в постсоветских государствах (укр. *Велика*

Вітчизняна війна, белор. *Вялікая Айчынная вайна*, абх. *Ацьынцьтәылатәи Еибашьраду* и др.). В странах, не входивших в состав СССР, где русский язык не является основным языком общения, название «Великая Отечественная война» практически не используется. В англоязычных странах его заменяет термин — EasternFront (WorldWar II) (восточный фронт (второй мировой войны)), в немецкой историографии — Deutsch-SowjetischerKrieg, Russlandfeldzug, Ostfeldzug (немецко-советская война, русский поход, восточный поход).

В последнее время в российской массовой культуре для обозначения Великой Отечественной войны начал периодически употребляться термин «Великая война», что исторически не совсем корректно — в конце 1910-х годов этот термин применялся к Первой мировой войне. Встречаются и другие варианты наименования, например — советско-нацистская война (1941—1945). В Туркменистане запрещено называть войну «Великой Отечественной», используется название «Война 1941—1945 годов».

Великая Отечественная война (*Deutsch-Sowjetischer Krieg*, Eastern Front of WWII) — пишется так, потому что войн много, а Великая Отечественная одна. Не исключено, что слово «великая» было введено в оборот для того, чтобы отличить ВОВ от просто Отечественной войны, которой до того традиционно называли войну 1812 года с Наполеоном.

В русскоязычной картине мира используется словосочетание «священная война», которое отражает национально-специфическое отношение русского народа к Великой Отечественной войне: нет ни одной семьи в России, где бы кто-то из родных и близких не погиб на этой войне. Лексема «*военщина*» имеет яркую негативно окрашенную модель словообразования: все слова, оканчивающиеся в русском языке на -щина, имеют негативную коннотацию, выражая презрение или пренебрежение (дедовщина, казенщина, деревенщина). В английском язык данный концепт эксплицируется с помощью лексем *themilitary*, которая имеет нейтральную коннотацию.

Во время войны страны оси, союзники Германии: Испания (до 1943 г), Италия (1940-1943г), Финляндия (1941-1944 г), Австро-Венгрия (1941-1944 г), Румыния (1941-1944 г) не возникло соответствующее название, наименование врага, во всяком случай

не наблюдается использование таких сочетании как финляндские фашисты, испанские фашисты и т.д. то есть врагов СССР было много, но механизм языковой мемориализации сработал так, чтобы люди запомнили германию, и все названия номинанты возникают наего базе с разными вариантами - и фашист и немец.

Сам термин отечественная война, ее называли войной против наполеона 1812 года. Это война России, а не советского союза. Чтобы ту войну отличать от этой, ту стали называть отечественной войной 12-го года.

Данное название утвердилось в историографии только после начала Второй мировой войны в 1939 году. В межвоенный период употреблялось название «Великая война» (англ. *The Great War*, фр. *La Grande guerre*), в Российской империи её также называли «*Великой войной», «Большой войной», «Второй Отечественной», «Великой Отечественной*», а также неформально (и до революции, и после) — «*германской*»; затем в СССР — «*империалистической войной*».

Благодаря песне „Священная война", газетам, радио передачам, этот термин прижился, распространился среди людей, и возникла в дальнейшем аббревиатура ВОВ.

Носителем коммуникативной памяти являются дед, сын, внук, а носители культурной памяти - специальные агенты, люди которые специализируются – шаманы, барды. Для наглядности приводим пример о памятнике вечного огня. Который является языковоым маркером культурной памяти. Вечного огня уже давно не существовало в Батуми, жители только начали говорить «Сабагиростан» (у канатной дороги), у дороги которую построили на месте Вечного огня, но все таки, чаще было употребление - у вечного огня. Вечный огонь - языковой маркер концепта, который входит в группу концепта - Великая Отечественная Война. Потому что в тот период было популярным отдавать дань памяти героям, в виде этого символического вечного огня. Создалось такое выражение. Пока существовал материальный памятник, эта фраза так или иначе всплывала. После разрушения памятника, фраза пока всплывает, но со времен а механизме коммуникативной памяти держится культурная память.

С изобретением письменности войны под тем или иным названием попадали на скрижали истории. В некотором смысле сама история литературы начинается с изложения одного военного конфликта — Троянской войны, о которой мы узнаем в «Илиаде» Гомера.

Мы размышляем над тем, как именуются войны. Откуда приходят эти названия? Даются еще в момент ведения боевых действий? Или же впоследствии, если обнаруживаются какие-то безымянные военные столкновения? Что придает официальность этим названиям? Одинаково ли одну и ту же войну называют ее стороны?

Насколько нам удалось заметить, большинство военных конфликтов были увековечены благодаря названию того места, где они произошли. Самое подходящее для войны наименование должно быть чем-то, ради чего воюют. И действительно, чаще всего стороны поднимают друг на друга оружие именно из-за какой-то территории. Неделимая, вожделенная, охраняемая, атакуемая, захватываемая, бессовестно отбираемая, неоспоримая, приобретаемая силой «красного яблока» (символ идеологии османских завоеваний и претензии на мировое господство) забираемая для восстановления справедливости. Равнина, река, море, горы, перевал, холм, город, поселок — вот места, где мерились силами две армии. *Кадеш, Троя, Карфаген, Ватерлоо, Бородино, Косово, Никополь, Манцикерт, Чалдыран, Превеза, Лепанто, Чанаккале.* В названии места могут присутствовать стороны света, разделяющие ту или иную страну на две части. Например, *война Севера и Юга* (или гражданская война в США). Наряду с пространством, одним из основополагающих элементов бытия является время. Названия некоторых войн имеют отношение к временным характеристикам и тем годам, когда они произошли. Скажем, *русско-турецкая война 1877-78 годов или «93 война»,* названная так в Турции согласно действовавшему в тот период календарю. В названии войны может быть и указание на ее продолжительность: *«Столетняя война», «Тридцатилетняя война», «Семилетняя война».* Иногда война входит в историю под тем наименованием, которое дает ей какая-нибудь уникальная деталь или впервые использованная, до этого момента и вовсе не приходившая в голову

тактика или стратегия ведения боя. Именно так получила свое название «битва сцепленных». Тогда командующий сасанидской армией Хормуз в схватке с мусульманским войском во главе с Халидом бин Валидом хотел, чтобы его армия была максимально монолитной и упорядоченной, и соединил воинов цепями на ногах.

Битва «Джамал» («Джамал» — то есть верблюд) была названа так потому, что она разгорелась вокруг верблюда, на котором сидела вдова Мухаммада Аиша. «Битве у моста», сражению мусульман с Сасанидами, дал название мост, возведенный мусульманскими войсками на реке Евфрат. «Война с вероотступниками» велась против тех, кто отказался от религиозной веры. Один из конфликтов, получивших причудливое наименование, — «битва за ведро». Война, которая началась после того, как при нападении на город Болонья армия из города Модена в качестве трофея взяла дубовое ведро, длилась 12 лет. Хотя для болоньезцев эта война стала вопросом чести, вернуть ведро так и не удалось. К военным конфликтам с интересным названием следует отнести «восстание наемников», которое, как считается, произошло между первой и второй Пуническими войнами, «битву за воду», вспыхнувшую между двумя шумерскими городами почти 4500 лет назад, а также «опиумные войны» в Китае.

Иногда в названии войны фигурируют участвующие в ней стороны, также может звучать указание на ее продолжительный и серийный характер. Вспомним *балканские, ирано-турецкие, русско-турецкие, русско-французские войны.* Некоторые войны преодолевают границы какой-либо одной страны или какого-либо одного периода времени. Представляя определенное мировоззрение и зачастую религию, участники конфликта выступают против другого какого-нибудь мировоззрения, другой религии, что может продолжаться на протяжении нескольких веков. Пример — Крестовые походы.

Одна война может охватить весь известный нам мир. Таким конфликтом стала Первая мировая война, которая до вступления в нее Америки называлась «европейской». Как только пришло время другой мировой войны, в их названиях возникла очередность: «*Первая мировая война», «Вторая мировая война».*

Когда война превращается во всеобщую освободительную борьбу какого-либо народа, становится вопросом его жизни и смерти, даже если речь идет об одной и той же действительности, она может иметь различные наименования: «война за независимость», «освободительная война», «национальная борьба». Все эти понятия обладают одинаково сакральным смыслом. Среди такого большого количества имен войны, на наш взгляд, интересно название «война роз». Какая связь может быть между розой и войной? Конфликт вспыхнул между двумя группировками знати; гербом одной из них была белая роза, другой — роза алая. Скрестив мечи, чьи рукояти были украшены розами, воюющие стороны почти окончательно уничтожили друг друга.

В нашей работе более обширное внимание мы хотим уделить русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

Русско-турецкая война 1877—1878 годов (турецкое название 93 Harbi, 93 война) — война между Российской империей и союзными ей балканскими государствами с одной стороны, и Османской империей — с другой. Была вызвана подъёмом национального самосознания на Балканах. Жестокость, с которой было подавлено Апрельское восстание в Болгарии, вызвала сочувствие к положению христиан Османской империи в Европе и особенно в России. Попытки мирными средствами улучшить положение христиан были сорваны упорным нежеланием турок идти на уступки Европе, и в апреле 1877 года Россия объявила Турции войну.

Темы русско-турецкой войны посвящены многие произведения и фильмы:

Валентин Пикуль «Баязет» 1960 Главная тема — Баязетское сидение

Борис Акунин «Турецкий гамбит» 1998 Конспирологическая версия Плевенских событий.

В. И. Немирович-Данченко «Скобелев» 1886 Воспоминания о Скобелеве.

Борис Васильев «Были и небыли» 1981 Освобождение Балкан.

Лев Толстой «Анна Каренина» 1873—1877 В эпилоге Вронский отправляется добровольцем на освободительную войну. Толстой показывает отношение к войне дворян и крестьян.

Кино

«Герои Шипки» 1954 Исторический фильм

«За Родину! Война за независимость» 1977 Исторический фильм (Румыния)

«Баязет» 2003 российский телесериал

«Турецкий гамбит» 2005, 2006 российский фильм и сериал

«Путь к Софии» 1979 болгарский сериал

«Институт благородных девиц» 2010—2011 российский телесериал

Воссозданный в 2005 году Памятник Славы на Троицкой площади в Санкт-Петербурге. 17 апреля 1878 года императором Александром II была учреждена государственная награда — медаль «В память русско-турецкой войны 1877—1878», которой награждались военные, моряки, ополченцы и другие лица, участвовавшие в сражениях или защищавшие тылы армии.

Эта война вошла в болгарскую историю как *Русско-турецкая освободительная война.* На территории современной Болгарии, где прошли основные сражения этой войны, находятся свыше 400 памятников русским, которые боролись за свободу болгарского народа.

В столице Российской империи — Санкт-Петербурге — в 1886 году в честь подвигов русских войск, принимавших участие и победивших в войне, был воздвигнут Памятник Славы. Памятник представлял собой 28-метровую колонну, сложенную из шести рядов пушек, отбитых в войну у турок. На верху колонны был расположен гений с лавровым венком в протянутой руке, увенчивающий победителей. Пьедестал памятника имел высоту около 6½ метров, со всех четырёх сторон которого были вделаны бронзовые доски с описаниями основных событий войны и названий воинских частей, принимавших в ней участие[47]. В 1930 году памятник был разобран и переплавлен. В 2005 году — восстановлен на прежнем месте.

В 1878 году в честь победы в Русско-турецкой войне Ярославская табачная фабрика стала именоваться «Балканская звезда». Название возвращено в 1992 году, тогда же начат выпуск одноимённой марки сигарет.

В Москве 11 (23) декабря 1887, в день десятилетия битвы под Плевной, на площади Ильинские Ворота состоялось открытие памятника героям Плевны, возведённый на добровольные пожертвования оставшихся в живых гренадеров — участников Плевненского сражения.

6 декабря 1898 года на братской могиле русских воинов в Сан-Стефано под Константинополем был торжественно освящён памятник-часовня. В 1914 году этот мемориал был разрушен. В декабре 2012 г. во время встречи премьер-министра Турции Эрдогана и Президента РФ Путина было подписано соглашение, по которому турецкая сторона соглашалась на воссоздание храма-памятника; в феврале 2013 г. на заседании Московского областного отделения Императорского православного палестинского общества (ИППО) была создана рабочая группа, которая занялась изучением проблемы, подготовкой концепции и оформлением необходимой документации. В марте 2013 г. турецкие власти официально дали разрешение ИППО восстановить мемориал

Имена и события, вошедшие в язык после данной войны:

- *Авлияр-Аладжинское сражение*
- *Взятие Ардагана*
- *Батакская резня*
- *Баязетское сидение*
- *Берлинский конгресс*
- *Болгарское ополчение*
- *Будапештская конвенция*
- *Великий Князь Константин (минный транспорт)*
- *Веста (пароход)*
- *Восстание 1877 года в Чечне и Дагестане*
- *Временное русское управление в Болгарии*
- *Битва при Горном Дубняке*
- *Даярское сражение*
- *Девичья могила*

- *Сражение при Драмдаге*
- *Сражение при Езерче*
- *Бой у Инджа-су (1877)*
- *Кавказская кампания русско-турецкой войны (1877—1878)*
- *Осада Карса (1877)*
- *Крест «За переход через Дунай»*
- *Битва при Кызыл-Тепе*
- *Битва при Ловче*
- *Лондонский протокол (1877)*
- *Марш-бросок Чингильского отряда на Баязет (1877)*
- *Массовые убийства в Баязете (1877)*
- *Медаль «В память русско-турецкой войны 1877—1878»*
- *Битва при Никополе (1877)*
- *Оборона Баязетской цитадели (8 июня 1877)*
- *Осада Плевны*
- *Первый штурм Плевны*
- *Битва при Пловдиве*
- *Польский легион в Турции*
- *Рейхштадтское соглашение*
- *Русско-турецкая война (1877—1878)*
- *Самарское знамя*
- *Сан-Стефанский мир*
- *Синоп (катер)*
- *Систовское сражение*
- *Состав русской армии, действовавшей на Балканах во время Русско-турецкой войны (1877—1878)*
- *Сражение при Тетевене*
- *Чесма (катер)*
- *Сражение при Шейново*

- *Оборона Шипки*

Список памятников русским в Болгарии

- *Клиентов, Виктор Алексеевич*
- *Мать Болгария*
- *Памятник героям Плевны*
- *Памятник медицинским чинам, погибшим в Русско-турецкую войну 1877—1878*
- *Памятник свободы (Шипка)*
- *Памятник Царю-Освободителю*
- *Плевенская эпопея (панорама)*
- *Русский гвардейский памятник (София)*
- *Русский памятник (София)*
- *Храм-памятник Александра Невского*
- *Храм-памятник Рождества Христова*
- *Часовня Александра Невского (Москва)*

«Самарский крест»

По случаю юбилея также, в Болгарии это происходит впервые, учрежден специальный памятный знак. Памятный знак является общественной наградой, присуждаемой Национальным инициативным комитетом по празднованию 135-летия Освобождения Болгарии от османского ига.

Новой награды могут быть удостоены граждане России и Болгарии за значительный вклад в развитие добрососедских отношений между Россией и Республикой Болгария или за проявленное усердие и старание при подготовке и проведении праздничных мероприятий.

Памятный знак выполнен из металла золотистого цвета с эмалью и имеет форму равноконечного креста с закругленными краями. На лицевой стороне расположен цветной медальон с изображением в центре Иверской иконы Божией Матери. Поверхность креста темно-рубинового цвета украшает объемный растительный орнамент (ориентиром для учредителей награды послужило Самарское знамя – боевой стяг, расшитый насельницами Иверского монастыря Самары в 1876 г. и подаренный

позднее болгарским ополченцам – прим. пер.). На оборотной стороне памятного знака помещены рельефные надписи: слева – 1878, справа – 2013.

Забытые гравюры

Празднование 135-летнего юбилея отмечено еще одной уникальной находкой. Французские газеты и журналы в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. проявляли к ней большой интерес и добросовестно информировали свою аудиторию о ходе боевых действий. В то время уже существовала фотография, но еще не был открыт способ ее печати. Поэтому средства массовой информации использовали гравюры, которые превращали снимки и рисунки корреспондентов или художников-баталистов в изображения, близкие к оригиналу и пригодные для печати.

Гравюры военного времени были опубликованы французским изданием «L'Univers illustré», но до последнего времени оставались неизвестными в Болгарии. Они являются частью личного собрания одного болгарского коллекционера, живущего за рубежом. Он предоставил их в распоряжение депутата Европарламента Ивайло Калфина для использования в различных публикациях в качестве документов огромной исторической и эстетической ценности.

Эстампы изданы в виде специального коллекционного календаря на 2013 год. Передвижная выставка гравюр колесит по всей Болгарии, чтобы с нею могли познакомиться жители из разных уголков страны.

Памятник полковнику Тимирязеву. В самый день юбилея 3 марта 2013 г. в городке Стрелча будет открыт мемориальный бюст полковника Николая Тимирязева. Инициатива установки памятника принадлежит мэру общины г. Стрелча Ивану Евстатиеву, который торжественно перережет ленточку, опоясывающую новый монумент.

Стрелчане помнят и хранят историю своего освобождения по сей день. После подавления Апрельского восстания 1876 г. жители не разошлись по домам, а остались в горах Балкан. Во время своих скитаний они узнали о начавшейся войне и встретились с русскими отрядами у Шипки. Там они попросили солдат освободить родную деревню.

Генерал Дандевиль удовлетворил их просьбу. Через несколько дней освободители появились на высоте над деревней. Их провожатые не могли сдержать слез и сняли шапки при виде родных мест, которые не в первый раз восставали из пепла. Стрелчане быстро заметили на высоте конный отряд во главе с полковником Николаем Аркадиевичем Тимирязевым и бросились встречать освободителей, плача от волнения. Уже утром 1 марта 1878 г. отряд Тимирязева покинул Стрелчу и отправился в путь в Пазарджик, преследуя отступающие подразделения турок, участвуя в освобождении Пловдива и во взятии Одринской крепости 10 марта 1878 г.

Бюст генерала Гурко. Одним из центральных событий, связанных с нынешним юбилеем, станет открытие бюста генерала Иосифа Гурко 2 марта в Софии. Открытие памятника состоится в 10.00 на ул. Гурко, д. 1, на углу Городского парка. Монумент спроектирован архитектором Венциславом Йочколовским, а автором светового дизайна выступила Лилия Аладжем.

По словам руководителя фонда «Герои Болгарии» Любомира Коларова, на открытие памятника в Софии в составе делегации от правительства Москвы приедет автор бронзового бюста, известный российский скульптор Григорий Потоцкий.

Имя легендарного генерала увековечено в Болгарии в названиях трех сел, а также улиц десятков городов и в памятниках. В России родовое имение Гурко Сахарово, включая семейную усыпальницу, стало жертвой драматических событий после 1917 года. Лишь 22 сентября 2011 г. останки Гурко вернули с военными почестями в местную церковь и положили в мраморный саркофаг.

Серебряная медаль. В память русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Тип: медаль

Кому: вручалась лицам, имевшим отношение к русско-турецкой войне (1877—1878)

Дата учреждения: 17 апреля 1878 года

Учредитель: Александр II

Количество награждений: Отчеканено 83 334 серебряных, 635 921 светло-бронзовых, 335 424 тёмно-бронзовых медалей

Диаметр 27 мм Материал: серебро, светлая бронза и тёмная бронза

Медаль «В память русско-турецкой войны 1877—1878» — государственная награда Российской империи. Медаль «В память русско-турецкой войны 1877—1878» — медаль Российской империи для награждения лиц, имевших отношение к русско-турецкой войне (1877—1878). Медаль имела три разных варианта — из серебра, светлой и тёмной бронзы. Учреждена по указу Александра II 17 апреля 1878 года. Рисунок медалей был утверждён Александром II 14 сентября 1878 года. Серебряной медалью награждались: Все лица, участвовавшие в обороне Шипкинского перевала или временно пребывавшие там по долгу службы; • Все лица, оборонявшие Баязет во время блокады. С 19 февраля 1881 года серебряными медалями также награждали участников осады Карса, при этом ранее выданные светло-бронзовые медали полагалось заменить. Светло-бронзовой медалью награждались: • Военные всех званий, участвовавшие хотя бы в одном из сражений против врага в ходе войны с 1877 по 1878 год, в том числе в ходе подавления восстаний на Северном Кавказе и в ходе боевых действий против десанта черкесов в Абхазии; • Болгарские ополченцы, волонтёры, участвовавшие в сражениях; • Моряки, участвовавшие в боях на Чёрном море и на Дунае; • Священники, врачи, санитары, сёстры милосердия, находившиеся в войсках и подвергавшие свою жизнь опасности; • Гражданские и военные чиновники, находившиеся в войсках и участвовавшие в боевых действиях с оружием в руках; • Лица всех сословий, награждённые Знаком отличия Военного Ордена или медалью «За храбрость». Тёмно-бронзовой медалью награждались: • Военные всех званий, болгарские ополченцы, волонтёры, моряки, не участвовавшие в сражениях, но находившиеся во время войны на территории Османской империи, Румынии, в регионах России, находившихся на военном положении во время войны; • Священники, врачи, санитары, сёстры милосердия, находившиеся в войсках, и не подвергавшиеся опасности, а также находившиеся на территории Османской империи, Румынии, в регионах России, находившихся на военном положении; • Гражданские и военные чиновники, находившиеся в войсках и не участвовавшие в боевых действиях; • Находившиеся при действовавших против врага войсках волонтёры и вольнонаёмная прислуга; • Лица всех

сословий, оказавшие в ходе военных действий какие-либо заслуги.

Во время русско-турецкой войны 1878- годов применялось два вида оружия: холодное -клинковое и огнестрельное -винтовки. По техническим характеристикам винтовки разделялись на две группы: однозарядные под унитарный патрон и многозарядные (магазинные). Однозарядные винтовки были на вооружении враждующих сторон,многозарядные только у иррегулярных формированиях и добровольцев (башибузуков). Винтовка бердана 1870 г. Именно это ружье калибром 10.67 мм и стало той самой знаменитой "Берданкой", продержавшейся на вооружении армии двадцать лет вплоть до 1891 года, когда на смену ему пришла не менее знаменитая "трехлинейка" калибра 7.62 мм (Винтовка Бердана), выработанная полковником американской службы Хайремом Берданом совместно с командированными в Америку русскими офицерами полковником Горловым и капитаном Гуниусом, — была принята в России для вооружения стрелковых батальонов; а образец 1869 г. — для вооружения всех вообще частей русских войск. На вооружении турецкой армии применялись австрийские винтовки систем Венцеля (Венцля) обр. 1867 года и Вердля обр.1877 года. Также турецкая армия была снабжена винтовками системы Снайдера и винтовками конструкции Мартини.

Казнозарядная винтовка системы Снайдера образца 1865 г. с откидным затвором (http://firearmstalk.ru/forum/showthread.php?t=107)

Турецкая регулярная кавалерия применяла американские винтовки и карабины систем Генри и Винчестера с подствольным трубчатым магазином. Американское ружье Винчестера явилось одной из первых систем оружия под металлический патрон. Оно было сконструировано, однако, вовсе не Винчестером, а американским оружейником и инженером Б. Т. Генри под специальный металлический патрон бокового огня калибра 44 (11,2 мм). В 1860 г. он уступил патент и все права на это ружье фирме «Нью Хэвен Арме Компании"' принадлежавшей О. Ф. Винчестеру. В 1866 г. наполнение патронами магазина стало производиться через зарядное отверстие в ствольной коробке, а не с передней части магазина, как было вначале у Генри. Магазинка Винчестера отлично зарекомендовала себя в период Гражданской войны в

Америке (1861— 1865 гг.), а позднее — как охотничье ружье (http://corsair.teamforum.ru/viewtopic.php?f=280&t=1638).

В ходе русско-турецкой войны 1877-1878 годов широко применялось боевое клинковое оружие - ятаганы, палаши и сабли. В литературе ятаганами иногда называют скимитары и сабли, а иногда это название закрепляется исключительно за кинжалами янычар. Это неправильно. Ятаганом можно называть только оружие с небольшим двойным изгибом. Длина клинка могла быть разная. У янычар ятаганы действительно были короткими, но кавалерийские образцы могли иметь клинки длиной до 90 см. Вес же ятаганов, независимо от их размеров, составлял, как минимум, 0.8 кг. При меньшем весе оружием становилось трудно рубить. Ятаганом можно было колоть, рубить и резать. Причем рубящие удары наносились верхней частью клинка, а режущие нижней — вогнутой — частью. То есть резали ятаганом, как шашкой или катаной, поэтому гарды он не имел. Но была разница. На ятаган не требовалось наваливаться двумя руками, как на японский меч, его не надо было медленно вести, как шашку. Пешему бойцу достаточно было резко дернуть ятаган назад. Всадник же должен был его просто удерживать. Остальное, что называется, было делом техники. Вогнутый клинок "вгрызался" во врага сам. А чтобы ятаган не вырвался из руки, его рукоятка снабжалась ушами, плотно охватывающими кисть бойца сзади. У наиболее тяжелых образцов под обычной рукояткой располагался упор для второй руки. О пробивной силе ятаганов достаточно сказать, что даже 50-сантиметровые кинжалы янычар пробивали рыцарские латы (www.mirf.ru/Articles/art). Палаш (польск. Palasz, нем. Pallasch, венг. pallos, от тур. pala — меч, кинжал), рубящее и колющее холодное оружие с прямым и длинным клинком.

К началу 19-го века на вооружении русской армии было несколько образцов палашей: гвардейские кирасирские палаши, армейские кирасирские палаши, драгунские палаши, за исключением драгун на Кавказе, которые вооружались саблями . Конная артиллерия также имела особые конно-артиллерийские палаши.

В 70-х гг. XIX в. Восточный вопрос снова оказался в центре международных отношений. С новой силой разгорелась борьба европейских государств за раздел

турецкого наследства. Австро-Венгрия, стремившаяся к захвату Боснии и Герцеговины, опасалась роста влияния России на Балканах. Господствовавшая на турецких рынках Англия всеми силами противилась стремлению России захватить проливы Босфор и Дарданеллы. Германия всячески содействовала обострению Восточного вопроса, так как это предоставляло ей свободу действия в Центральной Европе.

Совершенно противоположную позицию в отношении славянского национально-освободительного движения заняла Россия. Как только в России стало известно о восстании балканских славян, идея оказания помощи братьям-славянам охватила широкие слои русского общества. На Балканы через посредство организованного в Москве Славянского комитета были направлены отряды добровольцев, а также многочисленные денежные пожертвования. Царское правительство не решалось вначале открыто вмешиваться в балканские дела. Но, вместе с тем, оно не препятствовало усиливавшемуся добровольческому движению жителей империи по оказанию помощи восставшим славянам. В то же время правящие круги России опасались, как бы это невиданное дотоле единодушие народных масс не пришло в конфликт с правительственной позицией. Поэтому правительство не могло не считаться с общественным мнением, сложившимся в России по поводу балканских событий. Самодержавие втайне стремилось к изгнанию турок с Балканского полуострова и к захвату проливов. Поэтому после провала попытки великих держав закончить кризис мирным путем Россия объявила 24 апреля 1877 г. войну Турции.

Грузинский народ с сочувствием встретил весть об объявлении войны Турции, ибо надеялся, что она повлечет за собой освобождение Юго-Западной Грузии от турецкого ига. Идея восстановления исторических границ Грузии при содействии России имела глубокие корни в грузинской общественности.

С первых же дней войны грузинские патриоты стали налаживать связи с т. н. Турецкой Грузией. Накануне войны Юго-Западную Грузию посетили известные общественные деятели — Д. Бакрадзе, Г. Казбеги, М Гуриели, А. Меписашвили, И. Кереселидзе, Г. Церетели и др. И. Кереселидзе имел свидание с выдающимся деятелем Аджарии Шериф-беком Химшиашвили, мечтавшим о воссоединении Юго-Западной

Грузии с матерью-родиной. Он только выжидал удобного момента для начала всеобщего восстания против турок.

В 1878 г. турецкое правительство потребовало от жителей Аджарии вступления в турецкую армию и участия в подавлении герцеговинского восстания. Аджарцы, давно томившиеся под тяжелым турецким игом, решительно отказались от выполнения султанского приказа. Так началось восстание турецких грузин. В связи с этими событиями корреспондент газеты «Дроэба» писал, что высшие оттоманские власти послали судью Ибрагима Ага для выяснения причины восстания, однако народ отказался от встречи с ним, заявив, что, они «не желают являться в такой суд, где кроме несправедливости и взяток ничего найти нельзя и что судья может поэтому убираться восвояси». Известие об антитурецком восстании аджарцев, было встречено с глубоким удовлетворением грузинской общественностью. Сергей Месхи писал Ек. Меликишвили за границу: «Как ты находишь восстание турецких грузин в Кобулети? ...хотя бы у них что-нибудь вышло. Можно лишь мечтать о том, чтобы Турция распалась, и тогда эти наши грузины, которых там столько же, сколько и в Российской Грузии (т. е. свыше одного миллиона), снова воссоединились бы с нами».

Илья Чавчавадзе, пристально следивший за развертыванием событий в Турции, признавал вполне возможным воссоединение юго-западных грузинских земель с матерью-родиной: «Нас вовсе не смущает... то обстоятельство, что наши братья, живущие в Турецкой Грузии, сегодня исповедуют мусульманскую веру. Лишь бы поскорее настал тот счастливый день, когда мы снова, соединимые воедино... и грузин снова по-братски примет в свои объятия давно потерянного своего брата. Он с радостью возвратит его в лоно наших общих отцов и дедов. И если необходимо, чтобы слезам радости, вызванным этим обстоятельством, предшествовало бы пролитие крови во имя освобождения угнетенных наших братьев, то разве найдется среди нас хоть один человек, который бы дрогнул перед необходимостью пожертвовать жизнью за то, во имя чего наши прославленные отцы и деды проливали свою кровь каплю за каплей в течение более чем двух тысяч лет».

Для восстановления исторических границ Грузии действительно стало необходимым пролитие крови. К войне против Турции шли приготовления не только в частях регулярной русской армии, но и среди грузинских ополченцев.

Согласно плану наступления, действующий корпус Кавказской армии был разделен на четыре части: одна выступила в поход по направлению Озургети—Батуми, другая—Ахалцихе—Ардаган, третья—Александрополь—Карс и четвертая—Ереван—Баязет. Во главе озургетской части войск был поставлен ген. Оклобжио, ахалцихской—ген. Девель, александропольско-карсской—ген. Гейман и эриванской—ген. Тер-Гукасов. Главнокомандующим действующим корпусом был назначен ген. Лорис-Меликов. В июне 1877 г. произошел бой у местечка Цихисдзири. Эта крепость считалась неприступной, и ее можно было отстоять даже небольшими силами. Однако турецкое командование направило на защиту Цихисдзири еще 35 тысяч человек. В русском отряде, наступавшем на Цихисдзири, насчитывалось всего 25 тысяч человек. В условиях такого соотношения сил русская армия, естественно, не сумела взять крепость и отступила назад. Тот же самый генерал писал о 1-м Гурийском отряде, возглавляемом штабс-капитаном Ясеем (Евсеем) Гуриели: «Все воздают должное незабываемому героизму Гурийского отряда, который в эти дни, постоянно находясь на передовой в качестве нашей легкой пехотной части, лучше знакомой с местностью, вынес на своих плечах все тяготы войны. История не забудет героизма и самоотверженности шестнадцати грузинских крестьян из селения Лихаури, которые, записавшись в добровольцы в первый же день объявления войны, в течение 5 месяцев доблестно сражались за воссоединение Аджарии с матерью-Грузией. Они героически погибли 23 октября 1877 г. при исполнении особо сложной операции в боях на подступах к Батуми.

В войне покрыли себя неувядаемой славой генералы и офицеры русской армии: Захарий Чавчавадзе - командир конницы действующего корпуса, Алексей Кавтарадзе — командир 154-го пехотного Дербентского полка, Михаил Амиреджиби — командир Елисаветпольского полка, показавший чудеса беспримерной храбрости, а также незаурядный полководческий талант в боях за город Ардаган и на Аладжинской

высоте. Отличились также грузины-офицеры частей кн. Амилахвари, Микеладзе, Квинитадзе, Иоселиани, Чавчавадзе, Орбелиани, Панчулидзе и др.

И. Г. Чавчавадзе призвал грузинский народ протянуть руку помощи только что освобожденным и испытавшим множество лишений грузинским мусульманам. «Теперь, грузины, за вами открыть себя своим только что присоединенным братьям! Теперь от вас самих зависит доказать на деле народную поговорку: братья познаются в беде». Этот призыв был подхвачен всей Грузией. С помощью всего грузинского народа население Юго-Западной Грузии в короткие сроки залечило раны, нанесенные ему многовековым господством турок и войной, став на путь прогресса и мирного развития.

Память о войне переходит от поколения к поколению, трансформируется в разных культурах и непосредственно связана с национальными концептуальными базами и проблемами перевода концептов.

Перевод является разновидностью межкультурной коммуникации и в современном переводоведении интенсивно исследуются межкультурные аспекты переводческой деятельности. Перевод любого типа текста связан с проблемами передачи национальных реалий, фоновой культурологической информации, прецедентных феноменов. Особую проблему составляет перевод метафорических конструкций, средств языковой игры и главное – перевод ключевых концептов национальных культур, языковых маркеров КП.

Перевод языковых маркеров культурной памяти, передача культурных концептов средствами другого языка во многом повторяет все нюансы вышеперечисленных переводческих проблем, тем не менее, мы считаем, что переводческие трансформации культурных концептов отличаются некоторыми особенностями:

В первую очередь, необходимо отметить большую смысловую емкость этих единиц по сравнению с обычными лексемами и их привязанность к определенной исторической эпохе. Чем значимее историческое явление, вокруг которого формируется языковое поле концепта, тем более разноуровневыми являются составляющие его единицы и тем больше ассоциации возникает в массовой культуре.

Во вторых, процесс мемориализации концептов, связанных с судьбоносными для этноса историческими событиями, сопровождается мощным эмоциональным фоном, который часто остается за пределами языкового маркера, но играют важную роль в его восприятии. Именно эта эмоциональная составляющая концепта и представляет особую проблему при переводе, тем более, весь процесс мемориализации в той или иной степени подвержен манипулированию со стороны власть имущих. С течением времени – исторический факт остается прежним, но меняется отношение к нему, его восприятие (под воздействием новых обстоятельств, скрываемой ранее информации, смене власти, повышению гражданской самосознательности и пр.), это, в свою очередь, вызывает пересмотр существующего мнения, закрепленного в распространенных прецедентах – так возникает особая игра слов, ироничный контекст и прочие труднопереводимые явления.

Интересно отметить, что большинство онимов периода ВОВ представлены по-разному в культурах противоборствующих сторон и союзников. Лишь в пятнадцати республиках, входящих в СССР, большинство языковых маркеров анализируемого концепта переводились с максимальной точностью – დიდი სამამულო ომი, სტალინგრადის ბლოკადა, и т.д. Иногда трудности перевода возникают из-за быстрой смены топонимов (Царицын – Сталинград – Волгоград; Санкт-Петербург - Петроград - Ленинград и пр.).

Но самой большой проблемой, с нашей точки зрения, является передача многочисленных ассоциаций, возникающих в огромном тезаурусе разнотипных текстов (вербальных, невербальных, реализованных, художественных, публицистических, автобиографических и пр.); перевод ложных стереотипов (образ врага образ всегда порядочного советского воина) и динамики их изменения.

Таким образом, мы считаем, что перевод языковых маркеров культурной памяти представляет собой комплексную лингво-, социо-, психо-, этно-, культурологическую проблему и проецирует особенности трех основных разновидностях перевода – внутриязыкового, межъязыкового и межъсемиотического.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении нашего диссертационного исследования мы пришли к следующим выводам.

Обзор научной литературы по проблемам культурной памяти, этноментальности и поликультуризма продемонстрировал, что память, перенесенная из области психологии в область общественных наук, стала объектом интенсивных интердисциплинарных исследований, которые породили разное понимание этого сложного концепта. В настоящее время нет единой общепринятой точки зрения по поводу памяти и забвения и связанных с ними понятий национальной идентичности, этноменталитета и роли языка в формировании этноменталитета и коллективной культурной памяти.

В настоящей работе, вслед за Б.А.Душковым и Пантиным, мы понимаем менталитет как «общую духовную настроенность, относительно целостную совокупность мыслей, верований, навыков», которая создает целостную картину мира имеющую языковое воплощение (языковая картина мира) и представляющую собой «своеобразную память народа о прошлом, психологическую детерминанту поведения». На протяжении длительной истории своего развития человечество убедительно продемонстрировало на многочисленных примерах, что народ остается верен своему исторически сложившемуся коду, в первую очередь, по нашему мнению, во дни тяжелых коллективных испытаний, таких как война.

Тесная связь этноментальности с языковым сознанием членов лингвокультурной общности превращает проблему полилингвизма и поликультуризма в ключ к решению проблемы национальной идентичности народов, которая находится в центре внимания современного европейского сообщества, стремящегося ко всеобщей глобализации и интеграции.

Анализ существующих теорий памяти (культурной, коллективной, общественной, неофициальной и пр.), позволил нам выявить приоритеты, к которым несомненно, относятся:

1) Основные положения теории культурной памяти Яна Ассманна, воспринимаемой как непрерывный процесс, в котором всякая культура, всякое общество формирует и стабилизирует свою идентичность посредством реконструкции собственного прошлого, причем прошлое не теряет связь с настоящим, а в какой-то мере влияет на него.
2) Феномен коллективной или культурной памяти, обогащенный идеей М.Фуко о существовании официальной и неофициальной памяти.
3) Понимание памяти в качестве «двуликого Януса», в неразрывном единстве с «забвением», восприятие которого базируется на подходах британских антропологов Э.Э. Эванса-Причарда и П.Коннертона, обосновавших понятия *«культурной амнезии», забвения в культуре*. Отсюда, мемориализация, фиксация определенной информации культурой как значимой предполагает одновременное забвение другой информации. И наоборот, вытеснение одних элементов культурной памяти из активного употребления в область забвения предполагает выдвижение на передний план и мемориализацию других.
4) Механизм «памяти/забвения» лежит в основе концепции А.Г.Васильева, который считает, что манипуляции с коллективной памятью являются наиболее эффективными стратегиями в области «политики идентичности», позволяющими создавать или, напротив, уничтожать определенные идентичности, манипулировать культурным многообразием. Следовательно, образ прошлого является социокультурным конструктом, а не данностью, различающимся в разных социумах и в разные исторические периоды лишь степенью податливости этого образа к манипулированию. Именно в свете этого утверждения особое значение приобретает роль языка в фиксировании культурной памяти.

Анализ эмпирического материала, осуществленного в практической части нашей работы, позволил нам прийти к следующим выводам:

Языковое воплощение концепта имеет, с одной стороны, национально-

культурную обусловленность, а с другой стороны, зависит от общественно-политических структур того времени. Являясь константами данной культурной общности концепты хранят «память поколений», вместе с тем, под влиянием изменяющихся общественно-политических условий, они подвержены динамике.

История политического символизма в русской культуре показывает, что в отношении некоторых фигур происходят процессы интрепретации и реинтерпретации (восприятие концепта до и после перестройки). О русской и грузинских культурах можно сказать, что относительно одних и тех же символов периоды социальной памяти чередуются с периодами социальной амнезии, часто создаваемой искусственно.

Языковые маркеры культурной памяти каждого народа можно исследовать на материале других концептов, других языковых полей, но как показал эмпирический материал, именно концепт «война» имеет самый знаковый нарратив в силу своей судьбоносной для всего народа функции.

Проблема языкового выражения концепта непосредственно связана с проблемой его перевода, при его переходе в иную культурную плоскость происходит трансформация концепта, которая, по нашему мнению, помимо обычных переводческих проблем, отличается некоторыми особенностями:

В первую очередь, необходимо отметить большую смысловую емкость этих единиц по сравнению с обычными лексемами и их привязанность к определенной исторической эпохе. Чем значимее историческое явление, вокруг которого формируется языковое поле концепта, тем более разноуровневыми являются составляющие его единицы и тем больше ассоциации возникает в массовой культуре.

Во-вторых, процесс мемориализации концептов, связанных с судьбоносными для этноса историческими событиями, сопровождается мощным эмоциональным фоном, который часто остается за пределами языкового маркера, но играют важную роль в его восприятии. Именно эта эмоциональная составляющая концепта и представляет особую проблему при переводе, тем более, весь процесс мемориализации в той или иной степени подвержен манипулированию со стороны власть имущих. С течением времени – исторический факт остается прежним, но меняется отношение к нему, его

восприятие (под воздействием новых обстоятельств, скрываемой ранее информации, смене власти, повышению гражданской самосознательности и пр.), это, в свою очередь, вызывает пересмотр существующего мнения, закрепленного в распространенных прецедентах – так возникает особая игра слов, ироничный контекст и прочие труднопереводимые явления.

Интересно отметить, что большинство онимов периода ВОВ представлены по-разному в культурах противоборствующих сторон и союзников. Лишь в пятнадцати республиках, входящих в СССР, большинство языковых маркеров анализируемого концепта переводились с максимальной точностью – დიდი სამამულო ომი, სტალინგრადის ბლოკადა, и т.д. Иногда трудности перевода возникают из-за быстрой смены топонимов (Царицын – Сталинград – Волгоград; Санкт-Петербург - Петроград - Ленинград и пр.). Но самой большой проблемой, с нашей точки зрения, является передача многочисленных ассоциаций, возникающих в огромном тезаурусе разнотипных текстов (вербальных, невербальных, реализованных, художественных, публицистических, автобиографических и пр.); перевод ложных стереотипов (образ врага образ всегда порядочного советского воина) и динамики их изменения.

Таким образом, мы считаем, что перевод языковых маркеров культурной памяти представляет собой комплексную лингво-, социо-, психо-, этно-, культурологическую проблему и проецирует особенности трех основных разновидностях перевода – внутриязыкового, межъязыкового и межъсемиотического.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абульханова 1997: Абдульханова Ксения, «Диалектика человеческой жизни». Москва

2. Александер Дж.2010: Александер Джеффри, «Культуральная социология (генезис, понятия, возможности инструментария). Москва.

3. Аристотель 2004: Аристотель, «О памяти и припоминании. Вопросы философии».

4. Арнаутова 2003: Арнаутова Юлия, «memoria: «тотальный социальный феномен» и объект исследования. Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени» Москва

5. Апресян 1974: Апресян Юрий, Известия АН СССР, Отделение литературы и языка - Т. XXXII, Вып. 4. – Москва.

6. Арошидзе 2011: Арошидзе Марине, «Языковая ситуация и языковая политика в условиях глобализации», Межкультурные коммуникации №15, Тбилиси.

7. Арошидзе 2015: Арошидзе Марине Этнонимы и проблемы идентификации населения Аджарии//материалы Междугародной научной конференции «Региональный императив имперской провинции: современные методологические подходы и исследовательские практики». Ставрополь. 2015.

8. Ассман 2004: Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва

9. Боришполец 2008: Боришполец Ксения, «Русский язык в контексте политических процессов на постсоветском пространстве. Нац. Интересы» Москва.

10. Бергсон 1992: Бергсон Анри, «Опыт о непосредственных данных сознания» Собр. соч., т. 1, Москва.

11. Брагина 2007: Брагина Наталья Георгиевна, «Память в языке и культуре», Москва

12. Бромлей 1983: Бромлей Юлиан, «Очерки теории этноса» Москва

13. Васильев 2009: Васильев Алексей, «Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия. Фундаментальные проблемы культурологии», Москва

14. Васильев 2012: Васильев Алексей, «Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа». Москва 2012

15. Вайсгербер 2004:	Вайсгербер Лео, «Родной язык и формирование духа», Москва
16. Витгенштейн 1994:	Витгенштейн Людвиг, «Культура и ценность», Москва
17. Губанов 2002:	Губанов Н. Н. «Менталитет: сущность и функционирование в обществе». Вопросы философии. № 2. стр. 22–32.
18. Гачев 2003:	Гачев Георгий, «Ментальности народов мира», Москва
19. Гаспаров 1996:	Гаспаров Борис, «Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования», Москва
20. Гаспаров 1996:	Гаспаров Борис, «Язык, память, образ. лингвистика языкового существования. Новое литературное обозрение», Москва
21. Гумилев 2005:	Гумилев Лев, «Этногенез и биосфера Земли», Санкт-Петербург
22. Гуревич 1989:	Гуревич Арон, «История ментальностей», Пермь
23. Даль 1984:	Даль Владимир, Двухтомник Пословицы русского народа. Москва
24. Дройзен 2004:	Дройзен Иоганн, «Лекции об энциклопедии и методологии истории», Санкт-Петербург
25. Дюркгейм 1912:	Дюркгейм Эмиль, «Самоубийство»,

Санкт-Петербург

26. Душков 2003: Душков Борис, «Психология типов личности, народов и эпох», Екатеринбург

27. Дубов 2002: Дубов Игорь, «Феномен менталитета: психологический анализ», Москва

28. Дубин 2011: Дубин Борис Владимирович, Россия нулевых: политическая культура - историческая память – повседневная жизнь, Москва, РОСППЭН.

29. Ешич 2004: Ешич Михаил, «Этничность в аспекте ее исторического развития» Москва

30. Жельвис 2002: Жельвис Владимир, «Эти странные русские», Москва

31. Жолковский 1984: Жолковский Александр, «Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики», Вена.

32. Здравомылов 1999: Здравомылов А. Г. Социология российского кризиса. Наука ISBN 978-5-02-008338-7

33. Каблухов 1997: Каблухов В. С. Эволюция менталитета дворянства Черноземного региона в пореформенный период. Москва

34. Карасик 1989: Карасик В. «Статус лица в значении слова», Волгоград.

35. Кузнецов 2001: Кузнецов Сергей, «Современный толковый словарь русского языка.

Москва

36. Кашкин 2000: Кашкин Вячеслав, «Введение в теорию коммуникации», Москва

37. Королев 2011: Королев Андрей Александрович, Этноменталитет: сущность, структура, проблемы формирования. Москва. МГУ.

38. Красных 2002: Красных Виктория Владимировна, Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций, Москва

39. Левада 1993: Левада Юрий Александрович, Статьи по социологии

40. Лернер 1989: Лернер Константин, «Социальная природа языка и процесс языкового взаимодействия», Тбилиси.

41. Лоуэнталь 2004: Лоуэнталь Дэвид, «Прошлое – чужая страна», Лондон

42. Касевич 2001: Касевич Вадим, «Семантика. Синтаксис. Морфология».,Москва

43. Кант 1996 Кант Иммануил, «Критика практического разума. Сочинения на немецком и русском языках», Москва

44. Кубрякова 1991: Кубрякова Елена, «Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в. познании мира» Москва.

45. Никитина 2005:	Никитина Эрбина, «Чувашский менталитет», Чебоксары
46. Ломброзо 2009:	Ломброзо Чезаре, «Гениальность и помешательство. Синдром гения», Москва
47. Морковкин 1984:	Морковкин Валериан, «Основы стимулирующей типологии словарей. Всесоюзная конференция "Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии», Москва
48. Огурцов 2002:	Огурцов Александр, «Фундаментальное исследование мышления», Москва
49. Ожегов 2003:	Ожегов Сергей, «Толковый словарь русского языка», Москва.
50. Пантин 1993:	Пантин Игорь, «Русская политическая мысль в историческом измерении. Политические исследования», Москва
51. Политология 1993:	Энциклопедический словарь
52. Петрова 2005:	Петрова Наталья, «Графика и интекст. Вопросы теории текста, лингвостилистики и интертекстуальности», Иркутск.
53. Ренан 1882:	Ренан Эрнст, «Что такое нация?» Санкт-Петербург
54. Ранкур-Лаферьер 1996:	Ранкур-Лаферьер Дэниел, «Психика

	Сталина: Психоаналитическое исследование», Калифорния
55. Семенов 2000:	Семёнов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России. Санкт-Петербург
56. Сикевич 1996:	Сикевич Зинаида, «Национальное самосознание русских», Москва
57. Суперанская 1973:	Суперанская Александра, «Общая теория имени собственного», Москва.
58. Степанов 2004:	Степанов Юрий, «Константы: словарь русской культуры. Академический проект», Москва
59. Тишков 2002:	Тишков В. Журнал «Знамя» № 3, стр.179-194
60. Тер-Минасова 2000:	Тер-Минасова Светлана, «Язык и межкультурная коммуникация», Москва
61. Телленбах 1996:	Теленбах Губерт, «История ментальностей: Историческая антропология»
62. Телия 2006:	Телия Вероника, «Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках», Москва.
63. Филиппова 2008:	Филиппова Алла, «История России,

1945—2008 гг», Москва

64. Федоров 1991: Федоров Александр, «Фразеологический словарь русских говоров Сибири», Москва.

65. Фасмер 1987: Фасмер Макс, «Этимологический словарь русского языка», Москва

66. Хаттон 2003: Хаттон Патрик, «История как искусство памяти», Санкт-Петербург

67. Хартман 1999: Хартман Джордж, «Самая длинная тень: Последствия Холокоста» Блумингтон- Издательство университета Индианы

68. Хальбвакс 2007: Хальбвакс Морис, «Социальные рамки памяти», Москва

69. Чебоксаров 1985: Чебоксаров Николай, «Народы. Расы. Культуры», Москва

70. Чикадзе 2012: Чикадзе Захар, «Сорок понятий по грузинскому менталитету», Тбилиси

71. Храпов 2010: Храпов Сергей, «Концептуализация понятий "социальное бессознательное" и "менталитет":культурно-исторический и философский анализ», Москва

72. Шаховский 2002: Шаховский Виктор, «Голос эмоций в русском политическом дискурсе/Политический дискурс в России», Москва

73. Шаховский 2006: Шаховский Виктор, «Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации//Человек в коммуникации. Волгоград: Перемена

74. Щерба 1929: Щерба Лев, «Как надо изучать иностранные языки», Москва

75. Эксле 2001: Эксле Отто, «Культурная память под воздействием историзма», Москва

76. Эткинд 2004: Эткинд Александр, «Время сравнивать камни: Постреволюционная культура политической скорби в постсоветской России», Москва.

77. Burke 1989: Burke Kenneth, «Ideology and Myth References in Burke Readings» Chicago and London

78. Научный диалог 2013 : Выпуск № 5:17

79. Kirmayer 1996: Kirmayer Laurence, «Confusion of the senses: Implications of cultural variations in somatoform and dissociative disorders for PTSD. In A.J. Marsella, M. Friedman, E. Gerrity & R. Scurfield» (eds.), *Ethnocultural Aspects of Post-Traumatic Stress Disorders*. Washington, DC: American Psychological Association

80. Graus 1987: Graus Fahrengeit, «Mentalitas: method u Inhalt Probleme/ hrsg. Von Frantisek

Graus-Sigmaringen Tharbeske”

Электронный ресурс:

http://www.inosmi.ru/world/20080814/243252.html

http://www.inosmi.ru/world/20080901/ 243682.html

http://www.inosmi.ru/nytimes_com

http://www.inosmi.ru/world/20080918/244078.html

http://www.independent.co.uk

http://www.inosmi.ru/world/20080916/244039.html

www.km.ru/magazin view.asp?id-E9F28196F

http://www.km.ru/magazin/view. asp?id=A5332863A

http:/ www.km.ru/magazin/view.asp? id-244C19E616734

http://www.km.ru/magazinview.asp?id= EA4254C115874

http://www.km.ru/magazin/view.asp?id=597A246B62D

http://firearmstalk.ru/forum/showthread.php?t=107

http://www.nationalmentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii

http://journal.mosinyaz.com/page_30_34/

http://www.lavill.ru/cronds-344-2.html

http://elibrary.ru/item.asp?id=18126249

http://www.lavill.ru/cronds-344-4.html

http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/69b4bad0-123f-dd23-3492
3e00e1ce9d3b/1010513A.htm

https://spanwords.info/answer.php?key=8ea81f971c84ee4d539c4a042064a85d&id=434137

http://nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/2194/2238/index.html

http://www.nplg.gov.ge/gwdict/index.php?a=term&d=6&t=6458